
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 28 (2349)
Основан 1 апреля 1923 года
8 ИЮЛЯ 1972

СЕРДЕЧНОС

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручает орден Ленина Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министру Революционного правительства Республики Куба Фиделю Кастро Рус. Фото А. Гостева.

ТЬ, БРАТСТВО, ДРУЖБА!

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, правительство СССР 27 июня дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министра Революционного правительства Республики Куба Фиделя Кастро Рус.

На обеде вместе с товарищем Фиделем Кастро Рус были сопровождающие его кубинские партийные и государственные деятели, а также посол Республики Куба в Советском Союзе Рауль Гарсия Пелаес.

С советской стороны были товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, Б. Н. Пономарев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев и другие официальные лица.

На обеде с речами выступили Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус.

В Кремле 27 июня Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил орден Ленина Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министру Революционного правительства Республики Куба Фиделю Кастро Рус, награжденному за выдающиеся заслуги в борьбе против империализма, большой вклад в дело мира и социализма, активную деятельность, направленную на развитие и углубление всесторонних дружественных связей между Советским Союзом и Республикой Куба.

28 июня товарищ Фидель Кастро Рус посетил Госплан СССР. Во время теплой, дружеской беседы заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков рассказал о развитии экономики страны и, в частности, о ходе выполнения девятого пятилетнего плана, а также о том, как организуется текущее и перспективное планирование народного хозяйства СССР. В беседе приняли участие прибывшие с Фиделем Кастро Рус кубинские партийные и государственные деятели.

С советской стороны в беседе участвовали секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, посол Советского Союза в Республике Куба Н. П. Толубеев и другие официальные лица.

В тот же день товарищ Фидель Кастро Рус побывал в Главном вычислительном центре Госплана СССР.

28 июня Гагаринский районный комитет КПСС столицы посетили товарищ Фидель Кастро и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. А. П. Кириленко. От имени трудящихся района первый секретарь Гагаринского райкома партии Т. В. Голубцова сердечно приветствовала гостей.

Товарищ Фидель Кастро Рус, сопровождающие его партийные и государственные деятели 28 июня присутствовали в Кремлевском Дворце съездов на вечере балета артистов Большого театра Союза ССР и Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. В ложе, украшенной государственными флагами Республики Куба и Совет-

Товарищи Л. И. Брежнев и Фидель Кастро Рус с советскими космонавтами у пилона с портретом В. И. Ленина.

Фото В. Кошевого и В. Мусаэльяна (ТАСС).

Товарищи Л. И. Брежнев и Фидель Кастро Рус в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Товарищ Фидель Кастро Рус посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок.

Фото А. Гостева.

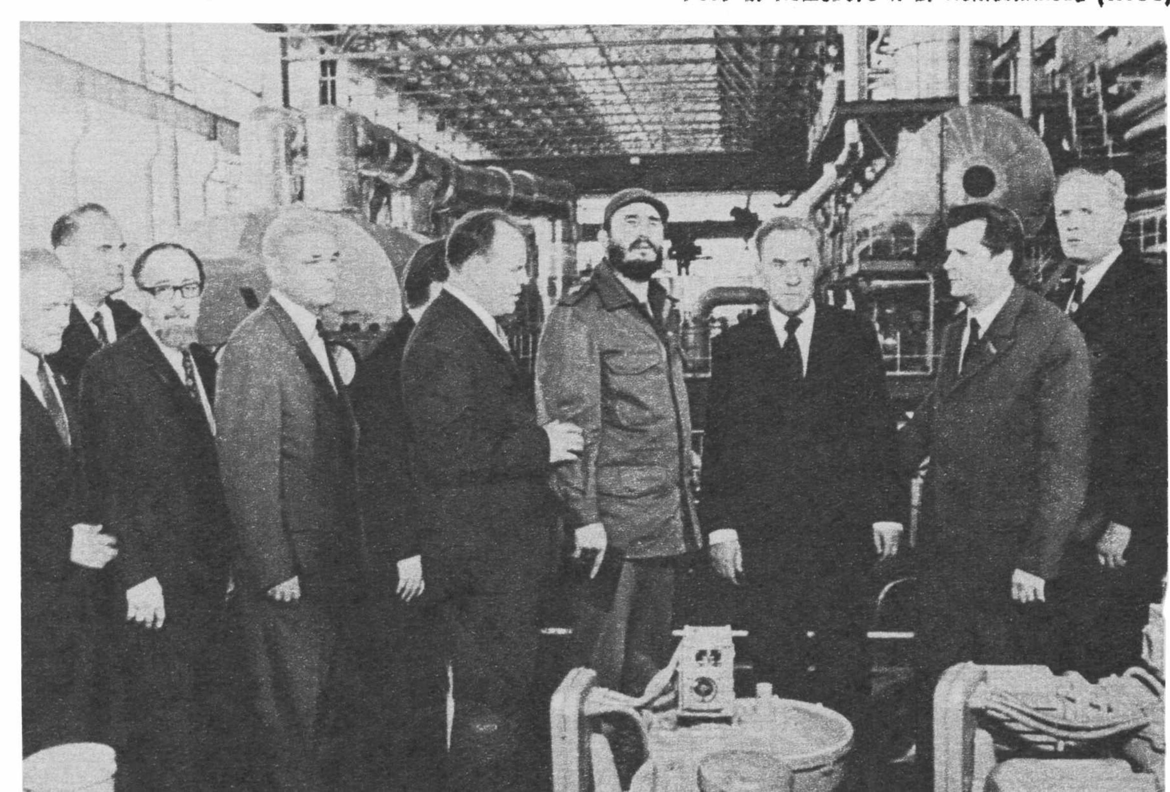

Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба тов. Фидель Кастро Рус и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. А. П. Кириленко у здания Гагаринского районного комитета КПСС столицы.

Фото В. Климова.

Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, советские и кубинские официальные лица на Нововоронежской атомной электростанции.

Фото В. Кошевого и В. Кожевникова (ТАСС).

ского Союза, вместе с высоким гостем были Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, посол СССР в Республике Куба Н. П. Толубеев.

Ученые, конструкторы, космонавты, инженеры, рабочие и служащие Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина горячо встретили 29 июня товарища Фиделя Кастро Рус и Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнева. Фидель Кастро и Л. И. Брежнев возложили к памятнику первооткрывателю космоса Юрию Гагарину букеты цветов.

Вместе с товарищем Фиделем Кастро Звездный городок посетили Карлос Рафаэль Родригес и другие кубинские партийные и государственные деятели.

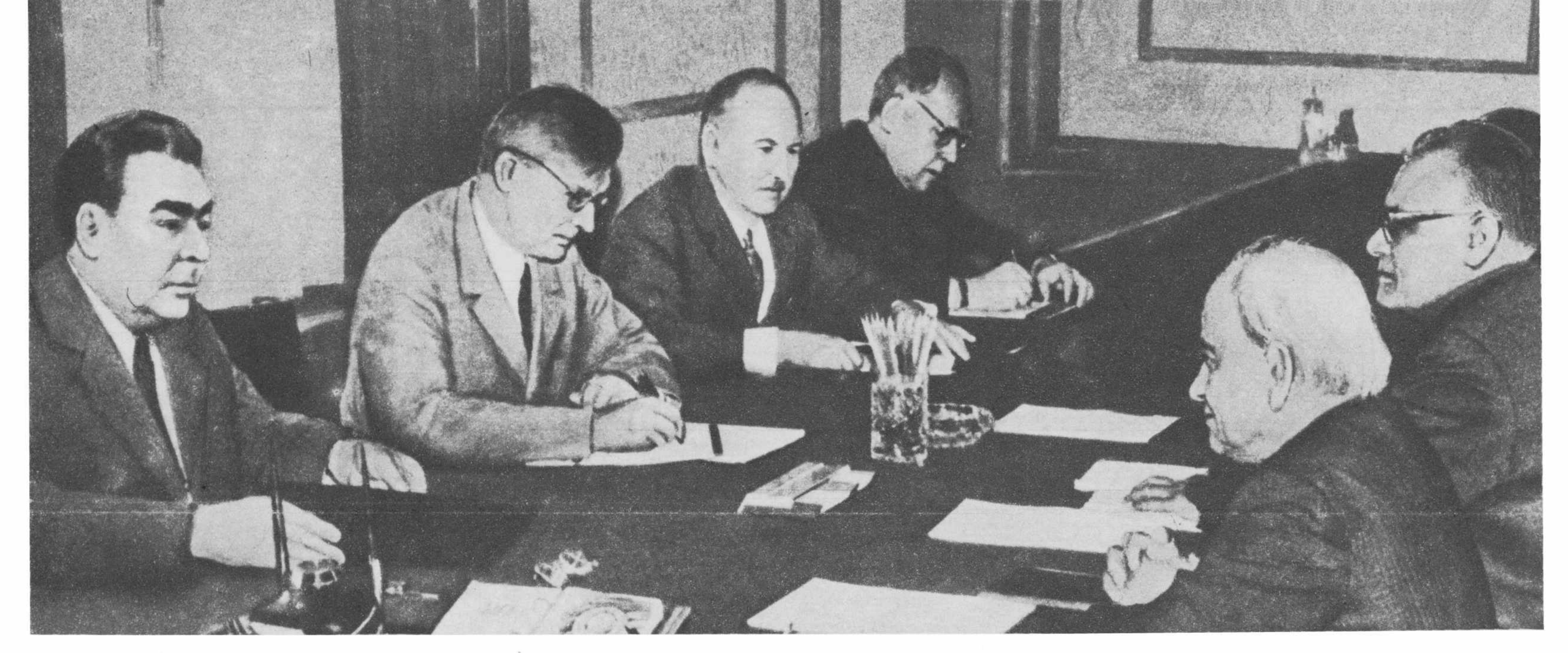
30 июня в загородной резиденции под Москвой состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина с Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министром Революционного правительства Республики Куба тов. Фиделем Кастро Рус и членом Секретариата ЦК КП Кубы, министром Революционного правительства Республики Куба тов. Карлосом Рафаэлем Родригесом.

В дружеской, товарищеской обстановке был продолжен обмен мнениями по вопросам дальнейшего углубления братских связей между Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Кубы, всестороннего развития советско-кубинского сотрудничества.

Советские и кубинские руководители обменялись также мнениями по актуальным вопросам международного положения и взаимного сотрудничества в интересах упрочения социализма, международного коммунистического и рабочего движения, всеобщего мира.

1 и 2 июля Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба Фидель Кастро Рус, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, другие советские и кубинские официальные лица побывали в Воронеже. Гостей встречали первый секретарь Воронежского обкома партии В. И. Воротников, председатель облисполкома Н. А. Евсигнеев, представители партийных и советских организаций, трудящихся города. По пути следования в город гостей сердечно приветствовали тысячи жителей Воронежа.

Товарищи Фидель Кастро Рус, А. Н. Косыгин, К. Ф. Катушев, советские и кубинские официальные лица посетили Нововоронежскую атомную электростанцию. В тот же день товарищи Фидель Кастро Рус, А. Н. Косыгин, К. Ф. Катушев, другие советские и кубинские официальные лица отбыли в Москву.

Во время переговоров делегаций КПСС и КПИ (фото ТАСС).

ПОЛНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

С 20 по 28 июня 1972 года состоялись встречи и переговоры между делегациями Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Индии.

В состав делегации КПСС входили: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев (глава делегации), член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновский.

В состав делегации КПИ входили: Председатель Национального совета КПИ Ш. А. Данге (глава делегации), Генеральный секретарь Национального совета КПИ Р. Рао, члены Центрального исполкома, секретари Национального совета КПИ Б. Гупта и Н. К. Кришнан.

В совместном заявлении делегации КПСС и КПИ констатировали, что после международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1969 году в Москве, происходит дальнейшее укрепление сплоченности рядов международного коммунистического движения, а также усиление единства антиимпериалистических и демократических сил.

Стороны обменялись информацией о положении в своих странах и своей деятельности. Делегация КПИ выразила полную солидарность с проводимой Советским Союзом политикой, направленной на претворение в жизнь принятой XXIV съездом КПСС Программы мира.

Делегация Компартии Индии положительно оценила результаты советско-американских переговоров в Москве, подчеркнув при этом огромную роль СССР в борьбе против империализма, в поддержку народов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение.

Делегации КПСС и КПИ с удовлетворением отметили также постоянно укрепляющиеся, дружественные отношения Индии с Советским Союзом и другими социалистическими странами, а также ее роль в борьбе за сохранение всеобщего мира и в поддержку сил национального освобождения.

Обе партии обсудили ряд политических и теоретических проблем.

80 ПРОЦЕНТОВ АМЕРИКАНЦЕВ ЗА...

Борис АРАЛОВ

Сравнительно недавно в правительственных кругах Вашингтона слова «мирное сосуществование» считались чуть ли не запретными. В ту пору, если речь заходила о вопросах налаживания добрососедства и сотрудничества между двумя ведущими державами мира — СССР и США, американские собеседники из числа лояльно настроенных к официальным взглядам правительства либо уходили от серьезного разговора, либо выпаливали заранее приготовленное заклинание о том, что никакого сотрудничества с Советским Союзом быть не может и что добропорядочную и бдительную Америку не втянуть в силки мирного сосуществования.

Иные времена и иные разговоры сегодня в вашингтонских коридорах власти. В документах московской встречи руководителей Советского Союза и Соединенных Штатов провозглашается, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними (СССР и США.— **Б. А.**), кроме мирного сосуществования». Только что в Соединенных Штатах опубликованы данные опроса общественного мнения службой Харриса, которые показывают, что свыше 80 процентов американцев выражают удовлетворение в связи со встречей президента США и советских руководителей.

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» в Соединенных Штатах расширяется круг «оптимистов», которые считают, что существенное увеличение торговли с Советским Союзом не только возможно, но и необходимо, поскольку «по запасам полезных ископаемых Америка быстро превращается в неимущую нацию». Большие надежды связываются с сотрудничеством в космосе, где в 1975 году предполагается стыковка советского корабля и американского. Американцы приветствуют расширение совместных усилий в наступлении на раковые и сердечно-сосудистые заболевания, как это предусматривается московскими документами.

На фоне практически единодушного для американской общественности удовлетворения тем, что в результате переговоров в Москве сделан важный шаг в направлении ограничения стратегических вооружений, развертывается сейчас дискуссия в конгрессе США, которому предстоит ратификация двух советско-американских документов. Общий тон выступлений в Капитолии представителей правительства и сенаторов — одобрение.

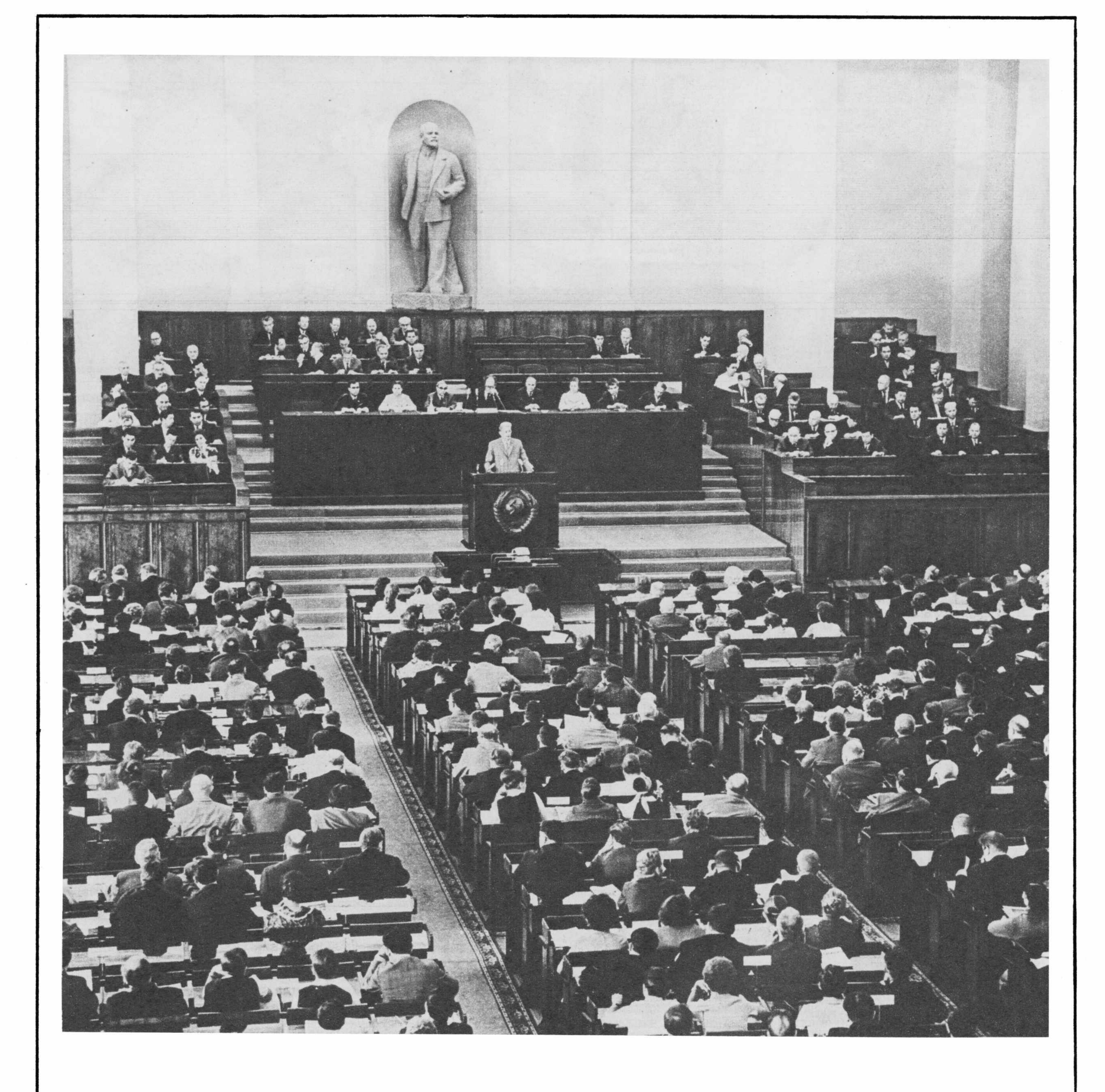
В речах сенаторов Мэнсфилда, Фулбрайта, Пелла и других видных парламентских деятелей Америки приветствуются московские соглашения, которые призваны предотвратить вот-вот готовый начаться новый виток гонки в области противоракетного оружия и заморозить расширение нынешних арсеналов ракетно-ядерного наступательного оружия.

Как всегда бывало в Америке, у всякого доброго дела находятся недруги. Против нормализации и развития отношений с Советским Союзом на базе мирного сосуществования поднимают свои голоса некоторые неуемные защитники курса на продолжение «холодной войны», заправилы военно-промышленного комплекса. Люди вчерашнего дня выступают за беспредельную гонку вооружений, за политику конфронтаций и военных авантюр, и этим объясняется их негативное отношение к московским соглашениям. Они пытаются продолжать отвергаемые ныне даже в политических кругах Вашингтона рассуждения о том, что мирное сосуществование — это-де уловки и козни, поскольку Советский Союз по-прежнему поддерживает вьетнамский народ, сражающийся против американских интервентов. Будто кто-либо не знает или сомневается в том, что СССР всегда был и будет на стороне народов, отстаивающих независимость от империалистических посягательств.

Кое-какие мотивы из призывов этих людей к расширению гонки вооружений слышатся в ходе нынешней дискуссии в конгрессе. Утверждают, например, что, ратифицируя соглашения об ограничении стратегических вооружений, конгресс вместе с тем должен принять решение об ассигновании дополнительных — ни мало ни много около 25 миллиардов долларов в течение ближайшего десятилетия — средств на дальнейшее развитие наступательного оружия. Без такого «сопровождающего решения» конгрессмены не вправе одобрить московские соглашения, поскольку в таком случае будет-де нанесен ущерб безопасности США.

Как сообщает «Нью-Йорк таймс», президент Никсон «разошелся во мнении» с теми деятелями, которые пытаются поставить вопрос о ратификации соглашений в зависимость от решения увеличить ассигнования Пентагону. «Более значительная мощь, большие расходы и дополнительные вооружения не укрепят безопасности»,— заявил в этой же связи сенатор Фулбрайт, они «могут только усилить опасность мировой катастрофы».

Как показывают события нескольких недель, прошедших после встречи в верхах, обсуждение московских соглашений проходит в Соединенных Штатах в обстановке столкновения различных точек зрения, но преобладающей является реалистическая тенденция к пониманию огромного значения достигнутой в Москве договоренности.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

В конце прошлой недели в Москве в Большом Кремлевском дворце проходила третья сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва.

29 июня. 10 часов утра. Продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

На сессии рассматривались вопросы о мерах по улучшению строительства и эксплуатации автомобильных дорог в РСФСР; о проекте Водного кодекса РСФСР.

Верховный Совет РСФСР единогласно принял Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об утверждении Водного кодекса РСФСР. Депутаты утвердили Указы, изданные в период между сессиями Верховного Совета республики, и приняли соответствующие законы.

На снимке: в зале заседаний сессии.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

СТРАДА

Более полутора миллионов гектаров — таков плацдарм кубанской жатвы. В считанные дни предстоит свалить ячмень, но впереди уборка главного хлеба — озимой пшеницы. А сейчас за комбайнами, подбирающими ячменные валки, по золотистому жнивью идут тракторы. Так уж повелось в последние годы, что трактористы сразу же готовят землю для посева кукурузы. Еще не остынет южное солнце, а могучие кубанские гектары поднимут второй урожай!..

Степь в эти дни полнится гулом моторов. Только в Краснодарском крае на уборке урожая заняты многие тысячи комбайнов и жаток, тридцать тысяч автомашин. Техники немало, каждый механизатор знает свой маневр, и все-таки напряжение в хлебной степи, как никогда, велико! Так всегда бывает в страду. Ее и ждали такой — нелегкой. Такая она и наступила. Перегреваются моторы, спину ломит, но рада, рада душа большому хлебу!

На снимке: первые часы жатвы в кубанском колхозе «Кавказ», Абинского района.

Фото Е. Шулепова (ТАСС).

«СУМЕРКИ В ПОЛДЕНЬ»

Старшие поколения это помнят, а младшие знают из учебников: в 1938 году правящие верхушки и промышленно-финансовые олигархии Германии, Англии, Франции и США толкали Европу и все человечество ко второй мировой войне. Только их подстрекательство дало возможность Гитлеру и его партии захватить власть в Германии, а британскому премьеру Чемберлену санкционировать действия Гитлера.

Человечество сегодня располагает неопровержимыми документами и доказательствами того, как фашизм сумел прийти к власти в Германии, как нацисты, ловко маневрируя антикоммунизмом и антисоветизмом, развязали с благословения капиталистов Запада агрессивную войну против соседних европейских стран, в том числе и Англии, как совершили вероломное нападение на Советский Союз.

Обо всем этом можно узнать из огромного количества научно-исторических, публицистических и популярных книг. Писатель Даниил Краминов сумел рассказать об этих событиях в романе «Сумерки в полдень». Герои романа — советские люди, непосредственные свидетели и участники дипломатических баталий тех дней, баталий во имя спасения мира в Европе и на всей планете.

В качестве корреспондента ТАСС автор этого романа провел многие годы второй мировой войны на Западе и, естественно, собрал богатый фактический материал. Даниилом Краминовым написано немало книг. Но, пожалуй, самым заметным успехом писателя явился роман «Сумерки в полдень».

...Молодой человек Антон Карзанов прерывает по заданию партии научную работу и направляется в Лондон на дипломатическую службу, тогда ему еще неведомую и непонятную. Уже в поезде у него происходят знакомства с иностранными представителями, во время остановки в Берлине они расширяются. Он попадает в сложнейшую политическую атмосферу тех тревожных и драматических дней, в круг уже опытных советских дипломатов, оказавшихся его старыми друзьями, и невольно ощутимо понимает пользу, которую начинала приносить его работа за рубежом. Антон Карзанов, очутившись в гуще людей и событий, увидевший одним из первых советских людей звериный оскал фашизма, политически мужал, обретал силу, которую ему давала вечная связь с Родиной, высокая идейность и политическая принципиальность. Он стал свидетелем нюрнбергского сборища гитлеровской нацистской партии, первых встреч Чемберлена с Гитлером, он видел и понимал, к каким последствиям могла привести политика тех, кто хотел исключить Советский Союз из европейских дел. Этого хотел Гитлер, к этому стремился Чемберлен. Они действовали под диктовку буржуазного Запада.

Страстно и запальчиво Антон обращается к своему английскому знакомому Хэмпсону:

— Как мог он (Чемберлен.— Н. П.) обещать передать немцам чехословацкую область? Ведь чехи намерены воевать за нее, а мы и французы поддержим их. По договору обязаны поддержать!

— Чехов заставят отдать эту область Гитлеру, а французов — смириться с этим,— с раздражением и даже со злостью проговорил Хэмпсон.— Что касается вас, то Гитлер потребовал, чтобы большевистская Россия была отстранена от какого бы то ни было участия в европейских делах.

Трагические последствия этого известны.

Роман «Сумерки в полдень» — это живое и суровое предупреждение тем, кто в наши дни пытается возродить неофашизм, милитаризм и реваншизм в Западной Германии. Но, к счастью нынешнего и грядущего поколений, благодаря усилиям Советского Союза и всего социалистического содружества призраки прошлого отступают перед реализмом и здравым рассудком тех, кто превращает наш многострадальный европейский континент в зону прочного мира и сотрудничества.

Больше в европейский полдень не должно быть сумерек! — главная идея романа и его продолжения, которое скоро выйдет в свет.

Николай ПАСТУХОВ

Даниил Краминов. «Сумерки в полдень». Журнал «Октябрь», №№ 3—4 за 1972 год.

ВОЛГА — РЕКА ТУРИСТОВ

Жаркий воскресный день, а с реки веет свежестью. Только что к одному из причалов Горьковского порта подошел дизель-электроход «Ленин». По трапу спускаются на берег шумные, загорелые пассажиры. На пристани их ждут автобусы, машины, экскурсоводы.

Капитан дизель-электрохода Владимир Андреевич Кириллов, отдав со своего мостика последние распоряжения, приглашает нас на борт корабля.

— Мы знаем Волгу-труженицу, Волгу-воина, Волгу — ось России, самую большую реку в Европе. А сейчас вот вы увидели Волгу — всесоюзную здравницу. Да, да, пассажиры, спустившиеся только что на берег, пришли к нам не с обычными проездными билетами, а с туристскими путевками, которые заранее продаются на все месяцы навигации. Наши пассажиры 10—20 суток путешествуют по волжским просторам, совершают множество экскурсий, прекрасно отдыхают. Мы сейчас идем из Волгограда, а обычный наш маршрут — Москва — Астрахань — Москва. Другие, не менее комфортабельные суда следуют по маршрутам: Москва — Куйбышев — Уфа — Москва; Москва — Куйбышев — Пермь — Москва; Москва — Горький — Калинин — Москва. Туристы плывут по Рыбинскому и Московскому морям, по Волго-Балтийскому водному пути...

В салоне, где мы беседуем, тихо и прохладно, развеваются шторы на иллюминаторах. На столе — книга отзывов. «Ваша теплота затмила наше крымское солнце»,— читаем мы одну запись.

— Ничего удивительного тут нет,— говорит капитан,— пассажиры у нас со всех концов страны. Случается, что судно целиком отдается в распоряжение представителей какой-либо республики или края. Недавно это были Узбекистан и Дальний Восток. С каждым годом Волга привлекает новые сотни тысяч отдыхающих. Помимо лайнеров, рассчитанных на длительные путешествия, большой популярностью пользуется флот ближних линий: «метеоры», «ракеты», «буревестники». На них проводят свои выходные дни тысячи и тысячи трудящихся приволжских городов...

Вернувшись в Москву, мы узнали, что в 1972 году для туристических рейсов по Волге выделено дополнительно еще шесть теплоходов. Теперь флотилия для туристов составляет 37 судов. В этом году будет перевезено более 110 500 пассажиров. Удлиняется сезон путешествий. Еще недавно «туристская» навигация на Волге длилась не более 140 суток, а сейчас она достигнет 200.

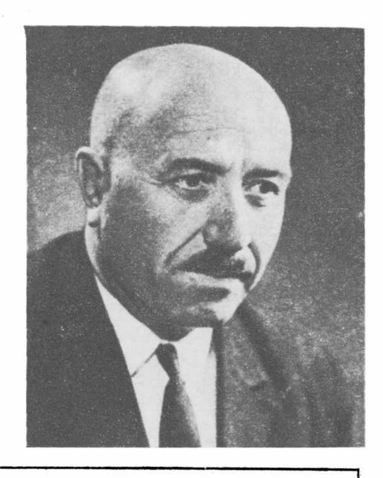
Волга встречает гостей, здесь их ждут широкие плёсы, речная прохлада, очарование мягких береговых пейзажей и светлые красавцы города.

З. АБРАМОВ

ГОРЯТ НАД

Кайсын **КУЛИЕВ**

(ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕР»)

ЗВЕЗДЫ

Гляжу на звезды в небесах ночных,
Так радостно они блестят и ново,
Как будто на земле никто о них
Покуда не сказал еще ни слова.

Они горят, как будто к ним досель
С надеждой бедняки не обращались,
Как будто звездочеты всех земель
Их сущности постигнуть не пытались.

Мерцают звезды, будто в этот миг
Они зажглись, чтобы хранить молчанье,
Как будто бы в страницы мудрых книг
Не вписаны покуда их названья.

Ночные звезды светят в полумгле,
Как будто прежде вовсе не светили,
Как будто бед, что были на земле,
Не видели они иль все забыли.

Мир совершает свой круговорот,
И звезды озаряют свод небесный
Так, будто все, что будет, что грядет,
Как смертным нам, им тоже неизвестно.

Мерцают звезды, дарят людям свет,
Как будто бы впервые с сотворенья,
Как будто в мире ни один поэт
Еще им не придумывал сравненья!

* * *

Хоть дом загорится и станет, быть может, золою,
Но все-таки пламя погаснет, рассеется дым,
Разрушится город, что нас покорял красотою,—
Но все-таки небо останется синим над ним.

Во время сраженья погибнут колосья, быть может,
Но разве на поле колосьям вовеки не зреть?
И если земля, сотрясясь, города уничтожит,
Ужель над руинами звезды не будут гореть?

Строитель умрет, но другие строители стены
В свой час возведут и настелят и пол и порог,
Досеют соседи и родичи поле ячменное,
Которое пахарь ушедший досеять не смог.

Звезда потемнеет, а небо вовек не померкнет,
День сменится ночью, вернется весна через год,
И что ни стрясется, бессмертное будет бессмертным,
А смертное все, как ему подобает, умрет.

* * *

Снег сыплет все сильней,
Он землю холодит,
Но все ж отрадно ей:
Снег урожай сулит.

Под просо или рожь
Взрезает землю плуг,
И больно ей, а все ж
Роптать ей недосуг.

Дожди все льют и льют,
Но, жажду утоля,
Посевы в рост идут —
И не скорбит земля.

Долины солнце жжет,
И пить хотят поля,
Но урожая ждет
Безропотно земля.

И множество жнецов
Пожнут все, что ни есть,
И напекут хлебов,
Которых ей не есть.

Ты, мать-земля, опять
Останешься гола,
Но все-таки держать
На нас не будешь зла.

О доброта твоя,
Благословенна будь!
Возьму пример и я
С тебя когда-нибудь.

* * *

За окнами больницы тает ночь,
А там, где жизнь и смерть ведут сраженье,
Мы счастливы, что ночь уходит прочь,
Как будто день сулит нам исцеленье.

У нас надежда теплится в груди,
Уходит ночь, и мы еще живые,
Ночные страхи наши позади,
Сменяют их страдания дневные.

Мы шепчем: «Добрый день!» — но смысл иной
Мы чувствуем за звуком слов обычным,
И в мире, тронутом голубизной,
Нам машут ветви за окном больничным.

И кажется невольно нам, больным,
Что мы опять здоровы, как когда-то,
И молоды, и босиком бежим
По мокрым травам, дождиком примятым!..

Пусть утро чуда и не сотворит
И нас навряд ли отведет от края,
Надежда белой птицей воспарит,
От малодушия остерегая.

На койках, как в окопах, мы лежим,
Ни наступленья нам, ни отступленья!
Спасибо, жизнь, за то, что нам, больным,
Хоть утро ты даешь взамен спасенья!..

Спасибо, даль, за то, что ты светла,
Что ты добра, великая природа!
Спасибо, жизнь, за то, что ты дала
Вновь утро тем, кто ждал его прихода!

* * *

С улыбкой девушка прошла.
Чего ж еще нам в жизни нужно?
Быть может, белизну всей Ушбы
Ее улыбка вобрала.

Чтоб нас ни ожидало впредь,
Как счастье ни было бы зыбко,
Пока добра ее улыбка,
Петь птицам и ручьям звенеть.

Она украдкой улыбнется
И озарит прохожий люд —
И в небе туча распадется,
Все раны мира заживут.

Своей улыбкою открытой
Она зажжет нездешний свет.
Покажется: все люди сыты,
Нет слабых, обреченных нет,

Покажется, что нету боли,
Ничье не высыхает поле,
Что нет ни зависти, ни зла,
Что никакая пуля боле
Не просвистит из-за угла,

Что слабых нет и угнетенных,
Что свет горит в кромешной мгле,
Что зреют розы на скале
И превращают во влюбленных
Всех равнодушных на земле.

Пусть девушка не скажет слова,
Лишь улыбнется наугад.
Но мне почудится: я снова
Красив, как тридцать лет назад!..

ПАМЯТИ ЧЕГЕМСКОГО ПАХАРЯ

Весь век ты спину гнул во имя хлеба,
Не ждал ты ни поблажки, ни наград.
Ты знал: не падает пшеница с неба,
А с неба падает на землю град.

В Чегеме нет ни серебра, ни злата,
Его земля лишь камнем и богата.
Твоя работа — вот в чем жизни суть.
Твой сон — твоя работа, явь — работа,
И ты работал до седьмого пота,
Тебя, мой пращур, не в чем упрекнуть!

И сном твоим и явью было поле,
Чем у других, твой день тянулся доле,
И ночь твоя была рабочим днем,
И было в жизни радостей негусто,
И говорил ты, улыбаясь грустно:
«Когда помрем — тогда и отдохнем!»

От дедов и отцов работа с детства
Была тебе завещана в наследство,
И ты трудился, не жалея сил,
Стирал ты руки в кровь, сбивал ты ноги,
Трудился так, что твой клочок убогий
Казался людям бóльшим, чем он был.

Весь век ты спину гнул, весь век трудился,
А возвратясь в аул, плясал, молился,
Не кровь чужую — пот свой ты пропил,

НАМИ ЗВЕЗДЫ...

Ты шел, за рукоять сохи держался,
Родной земле своей в любви не клялся,
Ты ей в любви не клялся, а любил.

И смерть к тебе, когда ты был на пашне,
Пришла своей дорогою всегдашней,
И ты ушел, куда мы все уйдем,
Куда ушли твои отцы и деды,
И, может быть, подумал напоследок:
«Когда помрем — тогда и отдохнем!»

* * *

Я думаю нередко, на ночь глядя,
Что день прошел, но с ним не все ушло,
Осталось то, что совершилось за день,
Осталось и добро его и зло.

Дневная суматоха отшумела,
Не то что день — почти и вечер сник,
Но все ж осталось сделанное дело,
Осталось то, что за день я постиг...

* * *

Вы, жившие до нас на белом свете,
Не позабыл я и забыть не мог
Вас, исходившие дороги эти,
Когда еще здесь не было дорог.

Вы знали, наши прадеды и деды,
Что после вас мир не пойдет на слом
И что идущие за вами следом
Помянут лихом вас или добром.

Вам раньше нас случилось изумиться
Созвездьям в полуночной высоте,
Цветению цветка и пенью птицы,
Траве, огню и женской красоте.

Вы раньше нас тропинки проложили,
Которые пришлось нам исходить,
Свои вы песни звонкие сложили,
Которых нам своими не затмить.

Жизнь ваша, может быть, и ныне длится,
И чистотою вашей чист Кавказ,
И поле потому родит пшеницу,
Что переняло доброту у вас.

Мне кажется порой: тревоги ваши
Туманами легли на склоны гор,
Что все еще на ваших свадьбах пляшут,
Что ваши кони скачут до сих пор.

Гляжу на небо, вижу: в небе этом
Летят при вас рожденные орлы,
Горят над нами звезды вашим светом
И горы вашей чистотой белы.

* * *

Днем прекрасен небосклон,
Облака, деревья, реки —
Все, что было испокон
И останется навеки.

В небе звезды по ночам,
Утром хор певцов крылатых —
Все, что даром дали нам,
Что оставим мы без платы

Им — погонщикам скота,
Пахарям, косцам, поэтам,
Тем, которые всегда
Будут живы в мире этом.

Уходя, мы отдадим
То, что не боится тленья,
И, быть может, победим
Мы свое исчезновенье.

Как ни любы, ни милы
Нам весенних туч кочевья,
И засохшие стволы,
И цветущие деревья,

И теченье полых рек,
И на склонах вечный снег.
Все, что мы при жизни славим,
Звезды в небе и луну,
Глубину и вышину —
Все мы на земле оставим;

Мы оставим все, что есть,
Что вовеки не увянет,
Что всегда пребудет здесь,
Хоть и нас уже не станет.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ «КАВКАЗ»

Чуть слышен стук колес,
Мелькают перегоны,
Летит электровоз
И вслед за ним вагоны.
Его поспешен ход,
И путь вперед извечный,
Мелькает поезд встречный,
И тот летит вперед.
Снаружи ночь темна,
Лишь свет свой понемногу
Бросает на дорогу
Та самая луна,
Что темень озаряла
Аробщикам усталым
В былые времена.
Здесь пролетали кони
Бежавших от погони
По тропам и холмам,
И вечное светило
Оружье серебрило
И гривы скакунам.
Зачем их догоняли?
Куда их кони мчали?
К снегам на перевале,
К грядущим ли векам?
Где их мечты, их страсти,
Их счастье, их несчастье,
Где камни их домов?
Где прежние жилища,
А после пепелища
Заклятых их врагов?
Курьерский поезд мчится.
Я еду, мне не спится,
Я думаю: куда,
К каким садам цветущим,
К горам, меня не ждущим,
Или к векам грядущим
Везут нас поезда?

* * *

Где печка не горит,
Там хлеба не бывает,
Кто много говорит,
Немногое узнает,

Земля не голосит,
Хоть и родит пшеницу,
И тур в горах молчит —
Отвагой не гордится.

В ночи молчит звезда,
Хоть, может, всех светлей,
Орел молчит всегда
О зоркости своей.

Полны вина, молчат
Сосуды золотые,
И на ветру гудят
Кувшины лишь пустые.

* * *

«Ручьишко к морю так и не пробился,
Не оттого ль, что слишком торопился?» —
Как говорит нам мудрость давних дней.
А я всю жизнь поспеть куда-то тщился.
Как будто бы, спеша, я становился
Значительней других или сильней.

Всегда бежал я, дело делал с ходу,
Считал: в делах поспешность хороша.
Мальчишкой торопливо прыгал в воду
И альчики проигрывал, спеша.

Теперь, когда пришла пора заката,
И луг уже увял, и сад опал,
Я все еще бегу, спешу куда-то,
Но что достиг я и кого догнал?

Как я, мой вечер тоже не ленился.
Он раньше времени прийти стремился,
Поспешней всех был ход моих часов...
«Ручьишко к морю так и не пробился,
Не оттого ль, что слишком торопился?» —
Я слышу голос горских мудрецов.

* * *

Ушел твой полдень, наступил твой вечер.
Идет на смену ночь — всему свой срок.
И если стойкостью ты не отмечен
В сознании того, что ты не вечен,
У наших гор и скал бери урок.

На молнию ты не гляди в тревоге,
Встречай без страха дождь и снегопад —
Бери в пример бесстрашие дороги,
Терпящей молча снег, и дождь, и град.

И в дни, когда зима метель закружит,
Возьми себе в пример опавший сад,
Где белые стволы трещат от стужи,
Но все ж напрасным гневом не грешат.

Как наш народ ни мал, но он достоин
В своем терпенье отчих гор и скал.
Сказал мудрец: «Блажен лишь тот, кто стоек!»
Возьмем в пример того, кто так сказал.

Завидуй лишь тому, кто не сдается,
Кого не гнет ни буря, ни война,
Тому, кто человеком остается
В нечеловеческие времена.

Завидуй лишь тому, кто, выйдя в поле,
Не требует поблажек от судеб,
Кто не клянет своей суровой доли,
Хоть солон пот его и горек хлеб.

И мне не надо никаких поблажек,
Куда ты хочешь, жизнь, меня веди,—
Пусть будет горек хлеб и труд мой тяжек,
Но стойкостью меня ты награди.

Я, жизнь, тебя прошу: дай мне уменье
Счастливым быть от малости любой,
Родник увидеть — оценить теченье,
Цветок найти — плениться красотой.

Перевел с балкарского Н. Гребнев.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ВСТРЕЧА С МОЛОДОСТЬЮ

На пороге меня встретила девушка. Стройная, в высокой меховой шапке, длинной розовой шубке, отороченной мехом, в сапожках с киноварно-красными каблуками. Лицо ее, румяное от мороза, русая коса, перевитая алой лентой, большие серые глаза, чуть прикрытые ресницами,— весь облик ее, по-девичьи строгий, пленял чистотой и живостью. Казалось, еще мгновение — и прозвучит приветливое слово.

Но незнакомка безмолвствовала.

Три века отделяли нас от «Московской девушки XVII столетия». Она шагнула ко мне навстречу с репродукции картины замечательного русского художника Андрея Рябушкина. Это случилось в прихожей маленькой квартиры, в которой живет и работает молодой художник Елена Борисовна Романова.

— Диво дивное, как современен силуэт рябушкинской москвички,— промолвила Лена,— ведь и розовая макси-шубка, и высокая шапка, муфта, сапожки будто скроены сегодня. Героиня полотна Андрея Рябушкина могла бы смело пройтись зимой по улице Горького или проспекту Калинина Москвы семидесятых годов XX века и затеряться в пестрой толпе прохожих, не вызвав никакого удивления. Таков круговорот моды. Я думаю,— тут Лена лукаво улыбнулась, и ее большие серые глаза с черной обводкой ресниц стали узенькими,— появись рябушкинская москвичка в ателье Диора, парижские модельеры обомлели бы от восторга. Это уж точно!

В распахнутое окно рвался полуденный шум столицы, грохот стройки. Рядом, всего в какой-то полусотне метров, монтировали набережную. Огромные сегменты труб, бетонные блоки, стрелы кранов... Весь этот цветастый калейдоскоп — Москва сегодняшнего дня.

Маленькая комната заставлена подрамниками, холстами, папками с рисунками и эскизами. Хозяйка, отворачивая очередное полотно, задевает угол большого фрагмента, выполненного в материале сграффито...

— В тесноте, да не в обиде,— шутит Лена и, в сердцах передвигая упрямый холст, подтверждает:— Это уж точно!

Мастерская молодого художника... Есть что-то заветное, святое в особом расположении репродукций любимых мастеров, в небольшом собрании книг и монографий, бережно расставленных на полке.

Пьеро делла Франческа, Александр Иванов, Рябушкин, Петров-Водкин, Дейнека... Учителя.

Пойдите на IX Выставку молодежи на Кузнецком мосту в Доме художника, и вы убедитесь, как пытливо изучают молодые мастера произведения живописцев раннего Возрождения. Их волнует и привлекает наивная свежесть кисти неподражаемого Доменико Венециано, могучая патетика образов Мазаччо, одухотворенность и изысканность метафор Боттичелли, просветленная логика Пьеро делла Франческа.

Не меньший восторг в молодых сердцах рождают светлый гений Андрея Рублева и Александра Иванова, тонкий колорит и любовь к Руси в картинах Рябушкина, многоцветная радуга палитры Кустодиева, строгий ритм полотен Петрова-Водкина и новая красота холстов Александра Дейнеки.

И в этой серьезности устремлений нашей художественной молодежи к новому осмыслению произведений классиков мирового, русского, советского искусства находит выражение замечательный завет о преемственности, об усвоении строителями будущего всех богатств культуры, науки, искусства, созданных человечеством.

Естественное стремление наших молодых мастеров к гармонии, ясности, к монументальной простоте решения — величайшая антитеза тому хаосу, распаду и смятению, в котором оставили мир живописи Запада многолетние сумерки модернизма, владевшие чуть ли не полвека умами, рынками, ателье и выставочными залами Европы и Америки. И хорошо, что этому наваждению цинизма и уродства, кажется, приходит конец.

Но вернемся в комнатку на проспекте Мира, где работает молодой мастер.

На одной из стен копия «Рождения Венеры» Боттичелли, выполненная с большим тщанием и вкусом.

Поймав мой вопросительный взгляд, Лена рассказала мне, что эту копию написал ее дед, Николай Ильич Романов — большой знаток итальянского Ренессанса.

Елена вдруг исчезает в соседней комнате и вскоре появляется со старой, растрепанной книгой, на обложке которой изображен юноша, собирающий плоды,— «Энциклопедический словарь», изданный в конце двадцатых годов. Том 36, книга третья, страница 190:

«Романов, Николай Ильич, искусствовед, родился в Москве в 1867 г. Окончив москов. универс. по истор.-фил. фак., Р. первоначально преподавал в средн. школе русский яз. и историю. Как магистрант по каф. истории искусства, в 1900 г. был командирован за границу; с 1902 г. читал лекции по истории западноевропейск. искусства в москов. ун-те... в 1918 г. утвержден профессором госуд. ун-та. В 1921 г. Р. защитил диссерт. «Доменико Гирландайо (Историко-художественн. этюды)». Как хранитель отдела изящн. искусств Румянц. музея (с 1910 г.) и директор Гос. музея изящных искусств в Москве (1923—1928), Р. одним из первых начал применять научно-эстетич. методы в музейной работе. Он руководил созданием в музее отдела стар. западной живописи и пополнением других отделов. В состав музея Р. ввел также кабинет гравюр и библиотеку быв. отдела изящных искусств Румянцов. музея...»

— Я деда почти не помню, он умер в 1948 году, мне было всего четыре года. Зато в памяти навсегда остался дом на Мясницкой в Кривоколенном переулке, старая квартира, где висели подлинники Архипова — «Баба в красном» (сейчас она находится в Русском музее), полотна Кустодиева. Это был сказочный для меня мир красоты... Русской красоты. И он остался со мной на всю жизнь. Беда только в том, что я еще не научилась всю мою любовь выразить в живописи.

Лена долго шелестит бумагами в большой старой папке и наконец достает маленький сверток. В нем пожелтевшие от времени эстампы Нивинского, Доброва, Верейского.

— Вот портрет деда работы Г. С. Верейского, с которым он очень дружил.

Офорт... Глубокий старец, седобородый, с большими кустистыми бровями. Светлые, острые глаза. Широкие покатые плечи говорят о недюжинной силе. Забегая вперед, должен признаться, что я был поражен единодушными добрыми словами, вызванными упоминанием о Николае Ильиче. Он преподавал в университете нашим академикам Алпатову, Лазареву и многим другим. Они бывали у него в доме, и девочка росла в атмосфере любви к искусству.

— Мне повезло,— задумчиво проговорила Лена,— с малых лет я училась в Московской художественной школе, что в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи. И это с первых шагов как-то сроднило меня с Третьяковкой. Весною не вылезали из сквера, не говоря уже о самой галерее. Мы были там совсем «свои». Маленькие, но свои, нас все знали и привечали.

В классах много рисовали, писали, компоновали. Прошло семь лет. И вот настал 1962 год, экзамен в Суриковский институт. Никогда не забуду, какой был большой конкурс. Все было как во сне. Не помню, как получила пять по рисунку, четыре по живописи. Спасибо школе, которая меня многому научила. Первые три года в институте пролетели незаметно. Снова студия, модели, композиции, совсем как в школе. Но зато летом мы ездили в Керчь, Таллин, Махачкалу. Писали этюды, пусть не очень умелые, но откровенные. Я увидела и полюбила яркую, южную нашу жизнь. Навсегда останутся в памяти эстонский праздник песни, дивные головы поющих девушек и парней, монументальные и вдохновенные. Простые, как фрески Джотто.

На другое лето поехали в горы. Аул Кубачи. Все было непривычно, ведь облака заходили в мою комнатку, я научилась здесь мечтать. Меня учили строгости отбора мастерá древнего народного искусства. И, конечно, незабываема первая встреча с Каспием, капризным, иногда грозным. Махачкала, соленый запах моря, рыбаки, романтика труда. Наши студенческие поездки, летняя практика были большой школой жизни.

Наступил четвертый курс. Заветная дверь монументальной мастерской. Не забыть мне летнего дня, когда мы с подругой Леной Тупикиной пришли на улицу Горького, в огромный дом, поднялись на верхний этаж и с трепетом остановились у двери с табличкой «Дейнека». Только теперь я понимаю, какой «наив» была мечта уговорить Дейнеку вести нашу монументальную мастерскую.

Но вот звонок прозвучал. Нескоро открылась дверь. Небольшого роста, коренастый мужчина в клетчатой спортивной блузе. Дейнека не ждал нас, мы пришли экспромтом, а он работал, в руках была испачканная краской тряпка... Мы что-то лепетали, он на нас внимательно глядел, а потом резким движением крупной, очень крупной руки пригласил войти. И вот мы с подругой переступили порог мастерской Дейнеки. Нам она показалась огромной, хотя теперь я знаю, что она совсем небольшая. Помню Венеру Милосскую и бельведерский торс в натуральную величину. Картины Дейнеки на стенах. В центре мольберт и завешенный холст.

«Ну что, две Лены?» — вдруг улыбнулся Дейнека и перестал быть страшным и великим. Он положил большие рабочие руки на круглый столик и стал слушать... и отвечать.

Всю жизнь буду себя клясть, что я не записала эту беседу. Но мы были юны и, наверное, совсем глупы. Как миг, пролетел час.

Помню, как он, прощаясь с нами, вдруг сказал:

«Монументалист — звание высокое. Ведь вы создаете свои творения на века. Я пробовал себя в самых разных манерах — и в журнальной графике, и в живописи, и во фреске, и в мозаике, и в скульптуре... Должен вам посоветовать, дорогие Леночки,— работайте, работайте и дерзайте.

А самое главное, принадлежите своему времени.

Что касается мастерской и моей работы в институте,— это вопрос сложный, я подумаю. Я ничего вам, девочки, обещать не могу».

Мы стояли уже у дверей, когда я вдруг спросила:

«Александр Александрович, вот вы написали девушку — «Юный конструктор». Кто она?».

Продолжение см. на стр. 25.

Е. Романова (Москва). ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА.

Выставка произведений молодых художников.

В. Репка (Киев). ВОДИТЕЛЬ ВАЛЯ.

Выставка произведений молодых художников.

Михаил АНДРИАСОВ

«ТИХИЙ ДОН» СРАЖАЕТСЯ

Эта книга рождалась по требованию сердца. Нет, не только авторского — оно, сердце автора, вобрало в себя давнее желание поклонников могучего дарования Михаила Шолохова — пройти следом по дорогам всемирного триумфального шествия «Тихого Дона», великой книги нашего времени.

Когда зародилась у молодого паренька, рабочего «Ростсельмаша» Константина Приймы дерзкая мысль написать книгу о том, как «Тихий Дон» с первых же дней своей поистине удивительной жизни начал неодолимо взламывать межгосударственные рубежи и границы,— трудно сказать. Во всяком случае, желание это стало целью жизни, и вот теперь, спустя несколько десятилетий, оно осуществилось: только что в Ростовском книжном издательстве вышел отлично подготовленный, полиграфически любовно оформленный том — «Тихий Дон» сражается».

Выходу книги предшествовала многолетняя напряженнейшая работа автора. Он взялся за трудную задачу — описать судьбу «Тихого Дона» за рубежом, показать жизнь этого романа в двадцати двух странах.

«Тихий Дон» — это океан, глубину которого никогда не измерить. Он омывает не только наши берега, но и земли и сердца многих других народов. Послушаем, что рассказывает об этом автор рецензируемой книги:

«Весной 1930 года в избе-читальне кубанского хутора Татарского, что стоит на берегу залива, против Тамани, один керченский моторист показал нам иностранную газету «Юманите». Это был номер от 25 марта 1930 года. На первой странице в нем была статья о пропавшем без вести в Париже генерале Кутепове, а на второй — глава из «Тихого Дона» М. Шолохова. Наискосок — написанные от руки красные строки дарственной надписи француза, коммуниста, моряка».

Далее К. Прийма приводит эту надпись, сделанную на газете. Моряк писал своему русскому товарищу, керченскому мотористу Коста Планиди: «Дорогой друг! Для многих людей на Западе Россия — загадка. Уж сколько раз пророчили вашу гибель: «Россия блуждает во мгле! Она в огне! Россия катится в бездну! И ее писатель Максим Горький — последний талант у скифов!» Но именно в этой Скифии родился писатель Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илиаду». Французы и немцы его называют Львом Толстым. В Италии его уже запретили! А соседи турки еще не знают, что Григорий Мелехов, внук турчанки, стал одним из известных героев великой трагедии XX века. Я не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова, после триумфа в Берлине и Париже, еще покорит сердца турок, индийцев, японцев и весь мир! Да здравствуют Россия и Шолохов!

Андрэ Марсель».

Это написано сорок два года назад, когда автору красной «Илиады» было всего 25 лет. Заключительные строки Андрэ Марселя, хотел того французский моряк или нет, стали именно пророческими.

Книга «Тихий Дон» сражается» полна подобных фактов, она поражает обилием человеческих документов, захватывающих читательские души, рисующих мощную революционную силу романа, снискавшего всемирное признание. Мы как бы становимся участниками ожесточенной борьбы, которую ведет знаменитый шолоховский роман на всех меридианах планеты за торжество справедливости и разума, борьбы, которая шла и по сей день не утихает и вокруг самого романа.

Главы книги «Германия» (Веймарская республика), «Франция», «Болгария», «Англия», «Венгрия», «Италия», «Испания», «Китай», «Соединенные Штаты Америки» и другие читаются с неослабевающим интересом, словно перед нами не судьба произведения, а судьба Человека — борца, революционера, гуманиста, мужественно преодолевающего жесточайшие испытания, благородно отстаивающего передовые идеи века.

Ничто не сломило силу воздействия «Тихого Дона». Буржуазная цензура накладывала на него «строжайший запрет», жандармы Хорти объявляли книгу «под арестом», исступленно бросали роман в огонь фашистских костров палачи Гитлера, надзиратели от литературы вырезали самые прекрасные страницы произведения — все было тщетно: «Тихий Дон» победно шагал вперед, ломал любые преграды, сражался и сражается за великую правду века.

Константин Прийма. «Тихий Дон» сражается. Ростовское книжное издательство. 1972.

Все это убедительно показывает в своей книге автор интереснейшего исследования, которое, и это необходимо особенно подчеркнуть, в литературе о Шолохове, безусловно, является новым словом, и, конечно же, прав доктор филологических наук, профессор В. Архипов, утверждающий в предисловии к книге Константина Приймы, что труд его — «явление уникальное как по форме, так и по содержанию».

«Поистине победоносное шествие книг Шолохова в различных странах мира,— говорит В. Архипов,— несло в себе великие идеи Октября, идеи победы Серпа и Молота, идеи нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, установившего диктатуру пролетариата. Вот почему «Тихий Дон», являясь полем ожесточенного боя, в то же время сражается за правду нашей революции, за правду и действенность нашей литературы. Иными словами, борьба «Тихого Дона» переплетается и перерастает на наших глазах в борьбу за «Тихий Дон», за правильное истолкование его смысла и всемирно-исторического значения. Эта борьба идет без братания и перемирия».

Издавна говорят, что порою цифры красноречивее слов. Разве не такими красноречивыми являются вот эти «количественные» доводы К. Приймы: он установил контакты с переводчиками «Тихого Дона», издателями и национальными библиотеками тридцати шести стран Европы, Азии и Америки, получил четыреста томов иностранных изданий книг Михаила Александровича. Уникальная работа К. Приймы содержит девятьсот восемьдесят ссылок на зарубежные публикации. В двадцати двух главах — двадцать две страны мира. Автор получил тысячу писем от известных литераторов, общественных и политических деятелей. Особый интерес представляют высказывания о творчестве М. А. Шолохова таких видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения, как Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Вальтер Ульбрихт, Долорес Ибаррури, Джон Голлан, Иосип Броз Тито, Янош Кадар, Луис Карлос Престес, Генри Уинстон, Этьен Фажон, Хесус Фариа, Чандра Рао, Родольфо Гиольди...

Не могу не привести свидетельства Вальтера Ульбрихта. Он рассказывает о том, что коммунисты Германии читали и изучали «Тихий Дон» как «руководство к действию». Почти двадцать окружных коммунистических газет печатали из номера в номер главы шолоховского романа. Магдебургская коммунистическая газета «Трибюне» писала о нем: «...роман учит, как трудящиеся однажды должны будут поступить со своими угнетателями, которые в течение столетий переплавляют их пот и кровь в золото».

В книге немало значительных фактов, связанных с творческой биографией М. А. Шолохова. Очень интересны страницы, относящиеся к взаимоотношениям автора «Тихого Дона» с Алексеем Максимовичем Горьким. Прочитав первый том шолоховской эпопеи, Алексей Максимович оставил потомству ныне широко известные слова: «Шолохов,— судя по первому тому,— талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость! Очень, анафемски, талантлива Русь».

Если это горьковское благословение широко известно, то мало кто знает о том, что осенью 1930 года Михаилу Шолохову было передано приглашение А. М. Горького приехать к нему в Сорренто. К. Прийма подробно рассказывает: в первых числах декабря того же года Шолохов в сопровождении писателей Артема Веселого и Василия Кудашева отправился в далекий путь, который лежал через Германию. Однако из-за волокиты, затеянной правительством Италии с выдачей виз, Шолохов и его друзья задержались в Берлине. Автор описывает примечательные встречи Михаила Александровича с рабочими Германии, с журналистами «Роте фане» — газеты немецких коммунистов, приводит малоизвестные, но чрезвычайно интересные ответы Шолохова.

Поездка в Сорренто так и не состоялась. Над Германией сгущались черные тучи нацизма. Прошло всего лишь два года, и 28 февраля 1933 года Гинденбург и Гитлер подписали варварский закон фашистов «Об охране немецкой расы». В нем объявлялось: «...Подлежат запрещению и сожжению книги знаменитых русских авторов — Владимира Ильича Ленина, Иосифа Сталина, Максима Горького, Михаила Шолохова, Алексея Толстого...»

Между тем немецкий народ был первым «зарубежным» народом, прочитавшим «Тихий Дон». Спустя десятилетия после первого выхода в Европе в берлинском издательстве Компартии Германии «Литератур унд политик» в 1929 году «Дер штилле Дон» («Тихий Дон») в декабре 1965 года ростовский журналист Константин Прийма встретился в Будапеште с Ольгой Осиповной Габор (Гальперн). Женщина преклонных лет, поседевшая и осунувшаяся под грузом долгого и нелегкого времени, рассказала ему:

— Я счастлива, что оказалась первооткрывателем «Тихого Дона» в Европе. Просто я выполнила свой долг коммуниста. На всю жизнь остались в моей памяти слова моего покойного мужа, коммуниста Андора Габора: «Ольга, роман Шолохова «Тихий Дон» — это книга на века! «Тихий Дон» должно знать все человечество. Его будут читать на баррикадах. В тюрьмах он будет вдохновлять борцов... Дело твоей чести, Ольга, ты лучше меня знаешь русский язык, поскорее переведи его на немецкий...»

Казалось, к старой коммунистке снова вернулись ее сила, ее молодость.

— Мой Андор,— продолжала она,— с первых страниц был покорен поэзией «Тихого Дона». Язык, стиль романа, лепка характеров, любовь Григория и Аксиньи, изображение жизни Дона, войны и революции — все необычайно пленило нас... Германия переживала тогда страшное и бурное время. Как чертополох на свалке, стали появляться книги о сверхчеловеке, на все лады варьировался кайзеровский гимн «Германия превыше всего»... Книги Келлермана, Томаса Манна, Ремарка, Фейхтвангера, Генриха Манна, Ренна, Арнольда Цвейга при всем желании этих авторов критически осмыслить ход истории все же были окутаны идеями пацифизма. Эти писатели в меру своего таланта лишь объясняли мир, не зная, как его изменить. И в это время «Тихий Дон» ворвался в самую гущу борьбы... Он стал поэтическим и философским откровением XX века...

Все, что рассказывает Константин Прийма о тернистом и величественном пути романа «Тихий Дон» за рубежом, звучит как легенда, а между тем рассказанное — правда, документально подтвержденная в книге «Тихий Дон» сражается». Простреленный пулями, опаленный огнем, «Тихий Дон» и сегодня сражается за правду во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в колониях Португалии, всюду, где еще живут несправедливость, гнет, насилие, ненависть к трудовому человеку, сражается и неизменно побеждает.

Хочется отметить аргументированную, глубокую по мысли, ярко написанную вступительную статью к книге уже упомянутого известного литературоведа В. Архипова.

«Тихий Дон» сражается» — произведение новаторское, плод благородного, подвижнического труда. На мой взгляд, это — событие в литературе о Шолохове. Книга значительно расширяет наши познания о творчестве вёшенского кудесника слова, она как бы говорит: Шолохов не только великий художник, но и не менее великий историк. Именно эта счастливая гармония и подарила человечеству «Тихий Дон» — красную «Илиаду» нашего времени.

Окончание. См. «Огонек» № 27.

ШЕСТЬ

Валентин КАТАЕВ

ПРЫЖОК СМЕРТИ

Из непомерно больших афиш, расклеенных по городу, стало известно, что ежедневно на циклодроме после нескольких мотоциклетных заездов с лидерами на длинную дистанцию состоится прыжок смерти неустрашимого Дацарилла, всемирно известного покорителя силы земного притяжения,—

...или нечто подобное...

Полгорода успело уже побывать на циклодроме и собственными глазами увидеть прыжок смерти, а у нас с Борькой не было денег на билеты, и нам удалось их раздобыть лишь перед прощальным выступлением и бенефисом Дацарилла, когда билеты стоили вдвое.

Было объявлено, что в этот день Дацарилл совершит свой прыжок смерти не в воду, а в огонь, то есть в пылающий керосин, налитый на поверхность воды.

— Не может быть,—сказал Боря, скептичсски сжав губы, между которыми блестели два больших передних зуба, делавших его лицо неумолимым, и надвинул на лоб фуражку,— тут явное мошенничество.

Он по обыкновению покрутил перед своим маленьким носиком длинными музыкальными пальцами, как бы давая понять, что предстоит какой-то жульнический шахермахер.

Боря был большой знаток и истолкователь конан-дойлевского Шерлока Холмса. У него был нюх на разного рода мошенничества и преступления.

— Будем следить в оба,— сказал я.

— Я уверен, что они бросят в огонь человекоподобную куклу,— заметил Боря.

— Вполне возможно,— согласился я.

Циклодром был переполнен. Только что кончился никому не интересный гандикап, и мотоциклист Ефимов, сделав круг почета на своем стреляющем «Вандерере» и навоняв бензиновым чадом на весь циклодром, скрылся в дверях сарая.

Посредине циклодрома, на зеленом газоне, возвышалась вбитая в землю мачта высотой по крайней мере с трехэтажный дом. На верхушке мачты была устроена небольшая дощатая площадка без перил, а по сторонам ее на ветру развевались два национальных флага, что придавало предстоящему зрелищу нечто торжественное.

Перед основанием мачты, среди зеленой травы лужайки, была выкопана небольшая квадратная яма глубиной не более сажени, наполненная водой, а рядом, на холме черной сырой земли, лежал бидон с керосином, а может быть, даже с бензином.

На мачте снизу до самого верха были прибиты деревянные перекладины, что делало ее отчасти похожей на градусник с делениями. По этим перекладинам неустрашимый Дацарилл должен был подняться на верхушку мачты, на шаткую площадку, откуда ему предстояло броситься головой вниз, в яму, наполненную водой с пылающим на ней керосином или бензином.

Администрация прыжка смерти разрешила публике подходить к столбу и к яме с тем, чтобы все желающие могли убедиться, что никакого жульничества нет.

Мне с Борисом тоже удалось пробиться сквозь толпу к яме. Мы потрогали руками столб, выбеленный еще не успевшим высохнуть мелом, измерить длину и ширину ямы с водой — оказалось, три на три шага,— а я, кроме того, работая локтями, добрался до бидона и убедился, что все правильно: бидон издавал запах керосина.

Мы с Борисом постояли, задрав головы вверх, возле столба, рассматривая маленькую дощатую площадку с флагами, которая, казалось, летела, падая на невероятной высоте среди несущихся ей навстречу румяных предвечерних облаков, особенно выпуклых и легких на фоне обморочно-яркого приморского неба.

Прыгать вниз головой с такой высоты в небольшую, а глядя сверху, совсем маленькую ямку — это действительно было смертельно опасно: ничтожное отклонение от линии полета — и наверняка не попадешь в яму и убьешься; а если даже попадешь, не промахнешься, то можно сгореть в керосиновом пламени; а если не сгоришь в керосиновом пламени, то, не успев «сгруппироваться», рискуешь врезаться головой в дно ямы, предварительно поломав себе вытянутые вперед руки, а затем и шейные позвонки.

...Нам стало очевидно, что если все это не какое-нибудь жульничество, то рядом с нами незримо стояла смерть, готовая вырвать душу из распростертого на траве тела промахнувшегося Дацарилла...

Мы заняли свои стоячие места позади задних скамеек, переполненных более состоятельными, чем мы, зрителями, и как завороженные не могли отвести глаз от белого столба с площадкой наверху.

В сущности, весь этот прыжок смерти должен был длиться не более пяти минут, считая, что подъем на вершину столба займет от силы три минуты, приготовление к прыжку — одну минуту, зажигание керосина — мгновение и самый прыжок—несколько секунд.

Однако этот аттракцион совершался по всем правилам цирковых традиций—с намеренной замедленностью, до последней степени взвинчивающей нервы зрителей с тем, чтобы в конце концов вызвать взрыв восторга и бурную овацию.

Сначала духовой военный оркестр долго играл грустный вальс «Лесная сказка», и звуки медных инструментов, а также глухие, мягкие удары турецкого барабана и медных тарелок улетали во все стороны, отражаясь вдалеке от белых красивых стен Третьей гимназии, от каменных, нештукатуренных стен Епархиального училища, от гранитной Александровской колонны, чья бронзовая верхушка виднелась над деревьями Александровского парка, как бы соперничая с верхушкой белого столба, откуда будет совершен прыжок смерти.

Публика с нетерпением ждала появления таинственного Дацарилла. А он все не появлялся и не появлялся, и неизвестно было, когда и откуда он появится.

Некоторые из публики считали, что он подъедет к циклодрому на автомобиле вместе с красавицей женой, которая будет провожать его до самого рокового столба.

Другие утверждали, что он уже давно приехал и ждет своего выхода в раздевалке для гонщиков, играя в домино с администратором аттракциона.

Оркестр перестал играть, переиграв весь свой репертуар.

Наступила продолжительная тишина.

Мы с Борей вытянули вспотевшие под крахмальными воротничками шеи.

Дацарилл не появлялся.

Поползли слухи, что он заболел и прыжок смерти будет отменен, а публике возвратят деньги. Поднялся ропот. Народ вовсе не желал получать обратно деньги. Народ жаждал зрелища, которое могло кончиться трагически. Стыдно признаться, но мы с Борей, в самой глубине наших помертвевших душ, жаждали, чтобы Дацарилл промахнулся, и в нашем воображении уже стояла картина мертвого тела, распростертого на ярко-зеленой траве, возле ямы с пылающим керосином.

Пауза слишком затянулась, и администратор в котелке и крашеных усах дал знак оркестру сыграть еще что-нибудь. Оркестр неохотно заиграл попурри из оперетки «Веселая вдова».

...Дацарилл не появлялся...

Возле кассы и раздевалки для гонщиков замечалась какая-то растерянная беготня. Несколько раз туда и обратно прошмыгнул главный администратор, он же хозяин всего предприятия,— немолодой еврей в шелковом кашне, из-под которого виднелся воротничок вспотевшей сорочки.

Снова наступила тишина — томительная пауза,— и оркестр заиграл в третий раз, теперь уже порядочно устаревший вальс «На сопках Маньчжурии», показавшийся довольно смешным в наступившем веке пара и электричества.

В публике началось волнение: послышались ядовитые замечания; кто-то грозил, что будет жаловаться в полицию; некоторые визгливыми голосами требовали деньги назад.

Оркестр начал играть в четвертый раз. Публика заревела.

Главный администратор вышел на середину циклодрома и, приставив к крашеным усам жестяной рупор, дрожащим, но зычным голосом провозгласил, что прыжок состоится ровно через десять минут и что неустрашимый Дацарилл уже прибыл и готовится к выступлению. Публика успокоилась. Оркестр грянул марш тореадора из оперы «Кармен», и под его бодрые звуки на беговую дорожку циклодрома выехал парный экипаж, называемый в нашем городе «штейгер», и провез вокруг циклодрома мимо трибун Дацарилла, закутанного в черный плащ, в черной полумаске. Дацарилл, стоя в экипаже, приветствовал публику мужественным жестом римского гладиатора, в то время как его пожилая жена в шляпке, съехавшей на затылок, горько рыдала, держа Дацарилла за свободную руку, иногда прижимая ее к губам.

В экипаже ехали также маленькие дети Дацарилла: два мальчика — один в матроске, а другой в форме реального училища— и совсем маленькая девочка с двумя рыжими косичками, спускавшимися из-под кружевной шляпочки в форме горшка. Но на детей никто не обращал внимания.

Объехав под шум аплодисментов и восклицаний циклодром, Дацарилл не без труда вылез из штейгера, подошел к столбу и попробовал руками, крепко ли он держится.

...Затем началась драматическая сцена прощания Дацарилла с семьей, для описания которой у меня не хватает таланта. Могу только сказать, что сцена прощания была

РАССКАЗОВ

так неподдельно-драматична, что многие из публики вытирали слезы, а дамы всхлипывали и отворачивались, несмотря на то, что все прекрасно понимали: вся эта мелодрама — не что иное, как так называемая на цирковом жаргоне «продажа номера»...

Наконец, измотав нервы чувствительной южной публике, Дацарилл стал медленно подниматься вверх по столбу, останавливаясь на каждой перекладине, чтобы перевести дух и бросить взгляд вниз на врачебную комиссию от городской управы, которая должна была присутствовать при опасном номере.

Боря заметил, что из-под полумаски Дацарилла текут струйки пота и, доползая до усов, окрашиваются в чернильно-лиловый цвет.

Нет, совсем не таким представляли мы себе Дацарилла, изображенного на афише стройным, атлетически сложенным молодцом с мрачными бодлеровскими глазами.

Оркестр смолк, и музыканты стали выливать из своих инструментов слюни.

Наступила такая тишина, что стали слышны свистки паровиков и звуки грузовых лебедок, долетающие из порта.

Теперь Дацарилл, вскарабкавшись на самый верх, стоял на шатком помосте между двух национальных флагов, и ветер трепал его черный плащ. На фоне летящих облаков он казался тощим и маленьким, почти карликом. Некоторое время он нерешительно стоял, глядя вниз, где из бидона уже наливали керосин в яму с водой.

Одно время мне с Борей даже показалось, что Дацарилл чувствует головокружение и собирается спуститься вниз, на землю.

— Дрефун,— презрительно процедил Боря сквозь зубы.

— Тогда деньги назад,— сказал я.

В это время Дацарилл решительно снял с себя плащ, бросил его вниз, и он плавно, как черный орел, раскинувший крылья, опустился на газон, ставший при этом как бы еще ярче, зеленее, до рези в глазах.

Публика зашумела, послышались аплодисменты. Маленький Дацарилл стоял на помосте в черном, несколько великоватом для него трико с большим белым черепом с двумя скрещенными костями на впалой груди.

— Зажигайте керосин! — слабым голосом крикнул сверху вниз Дацарилл и прибавил, повернувшись в сторону духового оркестра: — Давайте дробь!

Над ямой вспыхнуло красно-черное пламя керосина, и одновременно с этим раздалась мелкая барабанная дробь, от которой мурашки побежали по моей спине.

Дацарилл еще раз посмотрел вниз, покачал головой, зажмурился, поднял вверх сцепленные руки и ринулся в бездну.

Совершилось это так стремительно, что я и Боря очнулись лишь после того, как пожарные стали заливать огонь из брандспойта, а Дацарилла не без труда вытащили за худые руки из ямы, живого, невредимого, но дрожащего от холода и мокрого как мышь. Черное великоватое трико облепило его тщедушную фигуру с волосатыми ногами, маска съехала на сторону, и в таком виде под звуки туша Дацарилл проехал стоя в штейгере, одной рукой обнимая жену, а другой неумело посылая во все стороны воздушные поцелуи. Мне с Борей показалось, что он плачет, а с усов текла на подбородок черная краска.

— Молодец,— пробормотал Боря.— Молодец, что не промахнулся!

Боря был строг, но справедлив.

И все же мы были разочарованы: не такого мы мечтали увидеть Дацарилла — и уже жалели, что потратили деньги на входные билеты, тем более что все обошлось так благополучно!

Я бы навсегда забыл эту историю, если бы лет через тридцать, а то и все сорок я не сидел однажды в Москве, в артистическом кружке, ужиная вместе со своими друзьями куплетистом С.- С. и режиссером Г. Зал был переполнен артистами, музыкантами, администраторами, поэтами, драматургами, которые собирались здесь обычно к часу ночи, после спектаклей.

Среди веселого, беспорядочного разговора куплетист С.- С. вдруг посмотрел в дальний угол подвальчика, где за столиком сидел окутанный облаком табачного дыма маленький, неряшливый старичок с лиловыми мешками под глазами и пил пиво.

— Обратите внимание на этого человека,— сказал С.- С.— На вид как будто ничего особенного. А на самом деле это легендарная личность. Герой. Это именно он, будучи антрепренером известного в свое время Дацарилла, прыгнул с мачты в яму с горящим керосином вместо Дацарилла, который неожиданно запил и не только не мог прыгать, но даже встать с кровати, а его антрепренер для того, чтобы не возвращать публике деньги, выполнил сам его смертельный номер, не имея ни малейшего опыта в этом деле.

Влезая на столб, он произнес историческую фразу:

— ...лучше умру, чем верну публике деньги...

Я посмотрел на старого антрепренера: в нем не было ничего особенного. Но все же, согласитесь, он совершил героический поступок, не желая разориться и пустить по миру свою семью — жену и троих детей, двух мальчиков и одну девочку.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В КИЕВ

Однажды, приехав к бабушке в Екатеринослав на побывку, я нашел большие перемены. Бабушка и все ее многочисленные дочери, сестры моей недавно умершей мамы, стало быть, мои тетки — тетя Наташа, тетя Маргарита, тетя Нина, тетя Клёня,— жили уже в большой, даже огромной, богатой квартире со множеством хорошо обставленных, высоких, светлых комнат с паркетными полами, коврами, зеркалами и тропическими растениями — роскошь, которую никак не могли себе позволить бабушка, получавшая пенсию, и ее многочисленные незамужние дочери, служащие в разных учреждениях: в Контроле, в Земской управе, на Екатерининской железной дороге и еще где-то.

Такая резкая перемена в жизни бабушки объяснялась тем, что одна из ее дочерей — мамина сестра — тетя Нина, считавшаяся в семье редкой красавицей, вдруг вышла замуж за инженера-путейца с высоким служебным положением и громадным, как выразилась бабушка, «министерским окладом».

И все волшебно переменилось.

Тетя Нина и впрямь была красавица: тонкая, высокая, стройная, светловолосая, но не банальная, а с какими-то особыми аристократическими чертами лица, носом с небольшой горбинкой и царственной осанкой, но при этом со светлыми глазами доброй, но строгой феи.

Судьба, как видно, обделила всех остальных сестер, как бы нарочно для того, чтобы все самое лучшее, привлекательное отдать тете Нине.

У нас долго хранилась фотография-открытка, где мои тети были сняты во весь рост, в профиль, расставленные одна за другой в затылок по росту, в пальто и шляпках, с муфтами, в модных юбках со шлейфами, и тетя Нина была среди них самая заметная, самая красивая, самая высокая.

...считалось, правда, что у нее «холодная красота», в которой чувствовалось что-то недоступное...

Возможно, именно это и покорило такого завидного жениха, как Иван Максимович с его «министерским жалованьем» и великолепной внешностью, не уступавшей внешности тети Нины: высокий, выхоленный, с хорошо подстриженной бородкой и усами, с ежиком волос над высоким мраморным лбом, в форменной путейской тужурке с поперечными генеральскими погонами, в заграничных штиблетах, с ледяными голубыми глазами красавца-эгоиста.

В барской семикомнатной квартире, где бабушка уже не была полновластной хозяйкой, а скорее играла роль хотя и уважаемой, но бедной родственницы,— что я сразу заметил с чуткостью и наблюдательностью быстро растущего мальчика и что причинило мне душевную боль, не проходящую и до сих пор,— так вот, в этой семикомнатной барской квартире Ивана Максимовича я чувствовал себя как-то нерадостно.

Полноватая бабушка с короной своих белых, седых волос и двойным подбородком, как у императрицы Екатерины II, светская провинциальная дама, генеральша, всегда добродушно и весело царившая в своем доме, теперь отошла на второй план по сравнению с Иваном Максимовичем, ставшим истинным хозяином дома, повелителем семьи.

Порядок строго подчинялся Ивану Максимовичу, привыкшему жить на петербургский манер: завтрак в два, обед в семь — уже при лампе, ужин в одиннадцать. Впрочем, ужинали всегда без Ивана Максимовича. Ежедневно вечером он уезжал в клуб, где играл в винт, и возвращался уже поздней ночью — в час или два, о чем извещал его очень короткий хозяйский звонок, от которого все в доме просыпались.

Звонок был электрический.

Вообще говоря, по сравнению с Одессой Екатеринослав в техническом отношении был городом более передовым: электрические звонки, телефоны, электрическое освещение в домах и на улице, даже электрический трамвай, нарядные открытые вагончики которого бегали вверх и вниз по главному бульвару города, рассыпая синие электрические искры и наполняя все вокруг звоном и виолончельными звуками проводов. Это объяснялось близостью Екатеринослава к Донецкому бассейну с его сказочными богатствами: каменноугольными шахтами, рудниками, чугунолитейными и вагоностроительными заводами, иностранными концессиями, банками, всяческими торгово-

промышленными предприятиями с главным центром в Екатеринославе, который из обыкновенного губернского города вдруг превратился чуть ли не в Клондайк, где можно было загребать золото лопатами.

В квартире Ивана Максимовича тоже, разумеется, было электрическое освещение и телефонный аппарат, стоящий в кабинете хозяина на зеленом сукне министерского письменного стола.

Ничто уже не напоминало скромный быт, заведенный при покойном дедушке, когда вечер наступал рано и небольшие комнаты провинциальной квартиры отставного генерала освещались керосиновыми лампами или парафиновыми свечами в закапанных медных подсвечниках.

...свечи покупались в бакалейной лавочке в виде четвериков или пятериков, завернутых в толстую синюю «свечную» бумагу...

Теперь комнаты были залиты безжизненным электрическим светом, к которому я никак не мог привыкнуть.

Иногда в доме раздавался телефонный звонок, и я слышал, как Иван Максимович в своем кабинете разговаривал по телефону, строго отдавая какие-то служебные распоряжения.

Длинный стол накрывался в столовой на десять или двенадцать,— как говорила бабушка,— кувертов, блестели серебряные вилки и ложки, не такие, как у нас в Одессе,— ветхозаветные, а в стиле модерн с фигурными ручками; хрустальные подставки для ножей и вилок и солонки сверкали радужными вспышками, и посредине стола находилось узкое блюдо с великолепно разделанной астраханской селедкой, покрытой кружочками лука, похожего на цыганские серьги, и фарфоровая саксонская дощечка с куском швейцарского сыра, покрытого стеклянным колпаком, который в начале обеда Иван Максимович собственноручно снимал и резал сыр специальным месяцеобразным ножиком, с острыми зубцами на утолщенном конце, как бы совершая некий обряд начала обеда, причем его безукоризненно накрахмаленные манжеты с золотыми запонками издавали респектабельный звук, весьма родственный звуку развертываемой, туго накрахмаленной салфетки, закладываемой за борт жилета.

В этот раз мы приехали к бабушке в Екатеринослав втроем: папа, Женя и я. Папа давно уже мечтал посетить Киев, поклониться его святыням, побывать в пещерах. Теперь мы втроем предприняли это паломничество. Папа хотел прокатиться вверх по Днепру на пароходе до Киева, что можно было сделать лишь из Екатеринослава, так как ниже еще существовали знаменитые днепровские пороги, мешавшие сквозному судоходству.

Погостив некоторое время у бабушки, мы собрались проехать от Екатеринослава до Киева на пароходе, пожить немного в Киеве, а затем тем же путем вернуться в Екатеринослав, а оттуда уже на поезде — домой в Одессу.

Так все и произошло.

Поездка вышла на редкость удачной, и папа был очень рад, что ему удалось показать нам величие русской природы, древнейший русский город — источник православной веры Киев,— наконец, великую реку Днепр, так чу́дно воспетую Гоголем.

Пароход шел по широкой реке; навстречу попадались буксиры, тащившие за собою длинные караваны больших крытых барж, так называемых «берли́н».

«...В широком русле близ соснового леса река свои воды несла. Но тягостный путь был назначен судьбою, и много страдала она. Порою по ней проходили громады, по десять берлин за собою таща; порою была вся запружена лесом, которому нет и конца.— Скажи же, зачем ты свой путь совершаешь? Зачем твои воды несут корабли? Зачем не вступаешь в борьбу с человеком? Скажи мне, поведай стремленья свои. И тихо на это река отвечала:— Путем трудовым я иду и в море безбрежном за жизнь трудовую награду найду!..»

Временами вся река была сплошь покрыта плотами, что делало ее похожей на бесконечную, движущуюся бревенчатую деревенскую улицу с избушками плотовщиков, дымящимися кострами и развешанным бельем.

В иных местах на перекатах босой матрос мерил глубину реки, опуская в воду шест с делениями и выкрикивая непонятные для меня цифры:

— Восемь! Десять! Шесть! Четыре! Опять четыре! Еще раз четыре! Семь!

А капитан в белом кителе то и дело через особую переговорную трубку отдавал со своего мостика куда-то вниз, в машинное отделение, команду, и колеса парохода то бурно взбивали мутную зеленовато-кофейную днепровскую воду своими красными плицами, то вдруг совсем останавливались, даже начинали очень медленно двигаться в обратную сторону, и тогда пароход бесшумно, как бы затаив дыхание, скользил над отмелью, просвечивающей сквозь тонкий слой рябой воды — коричневатой, с примесью сильно разбавленной синьки.

Меня поражало, что, когда пароход проходил под низким мостом, его мачта и труба отгибались назад, и это зрелище вызывало тем бо́льшее удивление, что густой пароходный дым каким-то образом по-прежнему продолжал выходить из как бы сломанной трубы, хотя казалось, что он вот-вот вырвется из нижней части трубы и покроет палубу клубами каменноугольной сажи.

Но вот мост позади, мачта и труба медленно выпрямлялись, принимая прежнее положение, и снова вокруг был широкий речной простор: один берег высокий, обрывистый, другой низкий, луговой, далеко видный; в небе яркое солнце и летние русские облака, белоснежные сверху и подсиненные снизу; и шум пароходной машины, шлепанье по воде плиц, мужественный голос капитана, направленный в медную переговорную трубку, его крахмальный китель и жесткие боцманские украинские усы.

Впервые я ощущал, как велика, необъятна наша Родина, всего лишь ничтожно малую часть которой я увидел: Екатеринослав, Новороссийские степи, Днепр с берли́нами и плотами, железные косорешетчатые мосты, иногда на берегах захолустные городки, деревни с камышовыми или соломенными крышами, чисто выбеленные хатки, их приветливые окошечки, широко обведенные синькой, глиняные горшки и поливенные глечики на кольях плетней, подсолнечники, похожие на святых с желтым сиянием над их темными круглыми ликами, телесно-розовые, винно-красные, алые, желтые цветы мальв вдоль плетней, вишневые садочки, уже обрызганные кровинками поспевших ягод, длиннорогие белые волы,— как все это было для меня ново, как волновало скрытое до сих пор чувство Родины, ее необъятности, потому что ведь где-то — я знал — были еще пространства центральной России, финские хладные скалы, были еще Архангельск, Уральский хребет, Сибирь, Северный Ледовитый океан, Саянские горы, озеро Байкал, Владивосток, куда на поезде надо было ехать чуть ли не две недели.

...особенно врезалось мне в память раннее утро, когда папа разбудил нас, велел поскорее одеваться и идти вверх на палубу. На палубе, еще сырой от ночной росы, собрались пассажиры и смотрели на правый, высокий берег Днепра, где над холмом виднелся высокий деревянный крест. Папа снял свою соломенную шляпу и сказал голосом, в котором дрожала какая-то глухая струна:

— Дети, снимите шляпы, поклонитесь и запомните на всю жизнь: это крест над могилой великого народного поэта Тараса Шевченко.

Мы с Женей сняли свои летние картузы и долго смотрели вслед удаляющемуся кресту, верхняя часть которого уже была освещена телесно-розовыми лучами восходящего солнца.

Некоторые пассажиры крестились, некоторые шептали вслед уплывающему вдаль кресту:

— Вечная память... вечная память...

Некоторые стояли с низко опущенной головой, а капитан, сняв фуражку, потянул за проволоку, и длинный, густой пароходный гудок траурно заколебал утренний воздух, и еще долго звук его отдавался в высоких обрывах правого берега и, ослабевая, бежал по днепровской воде.

Мою душу охватил восторг: впервые в жизни я понял, всем своим существом ощутил, что́ такое настоящая слава поэта, отвергнутого государством, но зато признанного народом, поставившим над его скромной могилой высокий крест, озаренный утренним солнцем и видимый отовсюду всему миру...

...Это было одно из самых сильных впечатлений моего детства, уже в то время переходившего в раннюю юность...

Киев тоже навсегда остался в моем сердце таким, каким я увидел его в то лето.

Сначала мы заметили на высоком берегу белые многоярусные колокольни с золотыми шлемами Киево-Печерской лавры. И задумчиво, как монахи-воины, вышли к нам навстречу из кипени садов, и уже больше никогда в жизни я не видел такой красоты, говорящей моему воображению о древней Руси, о ее богатырях, о пирах князя Владимира Красное Солнышко, о подвигах Руслана, о том сказочном мире русской истории, откуда вышли некогда и мои предки, да в конечном счете и я сам, как это ни странно и даже жутко вообразить.

Папа снял шляпу, оставившую на его высоком лбу коралловый рубец, скинул пенсне и, вытирая носовым платком глаза, сказал нам, что мы приближаемся к Киеву, и назвал его с нежной улыбкой, как родного, как своего прапращура:

— Дедушка Киев.

Прежде чем пароход причалил к деревянной пристани, мы увидели на очень высоком берегу, среди каштанов уже городского сада Владимирской горки, памятник крестителю Руси князю Владимиру и его фигуру, поднявшую над Подолом, над рекой, над синими заднепровскими далями стройный чугунный крест, который, впрочем, произвел на меня менее сильное впечатление, чем деревянный крест над могилой Тараса Шевченко.

Несколько дней, проведенных нами в Киеве, оставили в моей памяти представление как бы о некоем паломничестве по святым местам, что вполне соответствовало давней мечте папы.

Наше паломничество, несмотря на всю свою утомительность, несмотря на страшную июльскую жару, бесконечное хождение из конца в конец по раскаленному, большому, каменному городу среди грохота ломовиков и дробного щелканья пролеток по булыжной мостовой, где варился асфальт, распространяя вокруг мутно-синие облака удушливого чада, несмотря на строительные леса во многих местах, преграждавшие дорогу,— Киев бурно богател и строился, и мы с удивлением провинциалов задирали головы вверх, считая этажи новых кирпичных домов, нередко восьми- и даже десятиэтажных,— несмотря на все это, паломничество наше произвело на меня неизгладимое впечатление, с новой силой пробудив в моей душе религиозное чувство, которое стало по мере моего возмужания заметно ослабевать. Впрочем, это уже не было то возвышенное, чистое, наивно-детское чувство веры во что-то прекрасное, вечное, божественное, спасительное,— а скорее действовало на воображение своей грубой, пышной и таинственной церковностью почти оперного зрелища с его хорами, огнями, золотыми декорациями царских врат и хоругвями, лиловыми, какими-то грозовыми облаками росного ладана и парчовыми одеждами священнослужителей,— чем то тихое, щемящее течение великопостной всенощной в маленькой церковке с узкими окнами, за которыми так грустно и вместе с тем

так любовно синеет весенний вечер со слезинкой первой звезды.

В киевских соборах с византийским великолепием их мерцающих мозаик непрерывно шли службы, пелись молебны у серебряных рак (гробов) с мощами святых; соборы были переполнены толпами богомольцев, собравшихся сюда со всех концов России для того, чтобы приложиться к высохшей куриной лапке угодника и поставить красную или зеленую свечу у Варвары Великомученицы, или святителя Николая, или какой-то усекновенной, мирроточивой главы, откуда действительно капало душистое масло.

Свечи пылали золотыми кострами у каждой иконы, украшенной ризами, усыпанными рубинами, сапфирами, изумрудами, алмазами, крупным и мелким жемчугом, к которым так не шли многочисленные искусственные цветы из папиросной бумаги.

Здесь впервые я увидел разноцветные церковные свечи — зеленые или красные, перевитые тонкими ленточками сусального золота. Мы покупали эти свечи и, подходя на цыпочках вслед за папой, истово крестясь, зажигали их льняные необожженные фитили от других свечей и ставили перед серебряными раками угодников и перед древними иконами, вделанными в ярко позолоченный иконостас.

Мы отстояли, наверное, четыре или пять молебнов, и папа подал две просфоры — одну за здравие, а другую за упокой. Высокий черный монах в железных очках, стоявший за конторкой, подал папе чернильницу и ручку с пером, и папа своим бисерным почерком аккуратно написал на подрумяненных подовых корочках просфорок, похожих на маленькие одноглавые древние-предревние церковки, сделанные из белого крутого теста, сначала о здравии:

...Елизаветы, Марии, Маргариты, Наталии, Клеопатры, Нины, Ивана, Петра, Валентина, Евгения...

А потом с покрасневшими, грустными глазами, так же аккуратно макая перо в чернильницу, написал длинный столбик имен за упокой усопших рабов божьих:

...Евгения, Алексея, Павлы, Михаила, Иоанна, Василия и еще множества незнакомых для меня людей, которых уже не было в живых на белом свете, а остались только черные букашки букв.

После литургии мы получили обратно свои просфорки с треугольными выемками от вынутых частиц, и папа завязал эти пропахшие ладаном и мятой просфорки в чистый носовой платок.

...мы остановились в какой-то особенной, монастырской гостинице, где монах приносил нам каждое утро большой графин рыжего монастырского, удивительно вкусного кваса, где коридоры были тихи и безлюдны, а кровати в нашем номере или даже, кажется, «келье» застланы серыми байковыми одеялами, и перед иконой горела лампадка, а платить надо было, — по словам монаха-послушника с русыми кудрями и конопатым носом —

— сколько вам будет по средствам — и папа платил в день семьдесят пять копеек за нас троих, хотя мог бы ничего не платить...

В четыре часа утра нас будили мощные звуки монастырского колокола, призывающего к ранней обедне, и в окна заглядывали ветки пирамидальных тополей и виднелся мощеный двор, по которому по разным направлениям не спеша двигались черные фигуры монахов, виднелись также выбеленные одноэтажные флигеля со свежевыкрашенными зелеными крышами, и во всем этом была для меня острая новизна, необъяснимая, грустная прелесть.

Разумеется, папа повез нас в знаменитые Киевские пещеры, где в толпе простонародья, с тонкими свечками в руках, мы спустились в бесконечно длинный, глубокий, очень узкий сухой подземный коридор с естественно закругленными глиняными сводами, где время от времени в стенах (всегда как-то пугающе внезапно) открывались ниши, в которых стояли гробы с мощами угодников, завернутыми в красные канаусовые саваны, под которыми угадывались части окостеневшего человеческого тела: руки, высоко сложенные на груди, ступни ног, круглая голова с острым выступом носа, слегка приподнятая на кумачовой подушке.

Монах-проводник со свечой останавливался возле каждой ниши и заученно пояснял столпившимся вокруг него паломникам — мужикам в сапогах и лаптях и бабам в черных платочках, с котомками за спиной — краткую историю угодника.

Больше всего меня поразил гроб с медной таблицей, где было выгравировано, что здесь похоронен «летописец Нестор».

Мне всегда казалось, что летописец Нестор, о котором мы проходили в истории, — это личность скорее легендарная, чем на самом деле существовавшая, выдуманная историками специально для нас, мальчиков. И вдруг передо мной оказался его большой дубовый гроб во всей своей подлинности: стоило лишь взломать крышку, и можно было собственными глазами увидеть высохшее тело или, во всяком случае, скелет с громадной сухою белой бородою самого летописца Нестора, — его подлинные кости, его подлинную бороду! — моего прапрапращура, давно уже превратившегося в легенду и вдруг появившегося из невероятной глубины веков как вполне материальное доказательство своего существования и существования того дивного, сказочно-древнего, но подлинного мира первобытной Руси, откуда мы все произошли, чувство, так удивительно переданное Пушкиным в его Пимене.

...Недаром многих лет свидетелем господь меня поставил и книжному искусству вразумил... ...Да ведают потомки православных... Еще одно, последнее сказанье...

Через несколько дней, переполненные впечатлениями, нагруженные сувенирами Киево-Печерской лавры — цветными бумажными иконами, отпечатанными в заведении Фесенко, лубочным изданием печерского патерика, кипарисовыми четками, печатными колечками св. Варвары Великомученицы, бутылочками со святой водой, зелеными и красными свечками, нательными крестиками из синей финифти на серебряных цепочках, стереоскопом, через который можно было рассматривать разноцветные открытки с видами Киева и Печерской лавры, деревянными ложками с ручками, вырезанными в виде кисти руки с пальцами, сложенными как для крестного знамения, и тому подобным, — мы возвращались вниз по Днепру в Екатеринослав, и вдруг я с новой силой понял, что, в сущности, бабушкиного дома уже не существует, а есть барская квартира Ивана Максимовича, который мне с первого взгляда не понравился, а теперь я его почему-то просто невзлюбил без всяких видимых причин.

Впрочем, хотя я не было прямых причин, был бессознательно ненавистный мне тип богатого, властного, чиновного человека, даже, — как говорили: красавца мужчины, — по сравнению с которым мой папа выглядел совсем незаметным, серым, малосостоятельным.

Мне даже стало казаться, что красавица тетя Нина вышла замуж за Ивана Максимовича по расчету, для того, чтобы поддержать большую, почти бедную семью, живущую на пенсию и на ничтожное жалованье служащих теток.

Я даже выдумал, что бедная тетя Нина «принесла себя в жертву».

Между тем вряд ли это была правда. Иван Максимович был хороший, положительный муж, и, как я теперь понимаю, тетя Нина очень любила его. А почему бы, в самом деле, им было и не любить друг друга? Они были вполне подходящая пара, — он красивый путейский инженер, начальник вагонного отдела Екатерининской железной дороги, она дочь отставного генерала, «ее превосходительство», как писалось перед ее именем на конвертах, красавица с лазурными жилками на мраморных висках, с узкими аристократическими руками и совсем еще не старая, лет тридцати, не больше...

«ДЕНЬ МОТЫЛЬКА»

Стало уже доброй традицией: всесоюзные совещания молодых писателей дают путевку в большую творческую жизнь талантливой молодежи из всех союзных республик. Сейчас перед всесоюзным читателем дебютирует Уткур Хашимов, участник V совещания молодых писателей.

В литературе он не новичок. Еще когда был студентом филологического факультета Ташкентского университета, опубликовал повесть «Степной воздух». Потом — кочевая жизнь журналиста, бесчисленные поездки по колхозам, фабрикам, заводам, знакомство с тысячами самых разных людей. Впечатления аккумулировались в новые повести, рассказы. Читателя подкупали в них неподдельная искренность, верность деталей, взволнованность автора, стремление показать людей, на которых можно и нужно равняться. В его книгах нет напряженных, острых сюжетов, повествование развивается, может быть, чуть замедленно. Это — от стремления автора не только показать то, что происходит, но и исследовать, почему происходит именно так.

Так и в главной (пока!) повести Уткура Хашимова «День мотылька», популярной в Узбекистане, с интересом встреченной и в других республиках. Сюжет ее традиционен: молодой талантливый певец Алимардан отнимает невесту у своего друга. Но семейная жизнь его круто пошла под откос. Разрыв, пустота, одиночество. И в этом виноват в первую очередь он сам.

Алимардан, оставшийся сиротой, получил от Советской власти образование, поддержку, возможность раскрыть свой природный талант. Он становится модным певцом, не понимая, что от моды до истинной популярности — дистанция огромного размера, что нужен непрестанный, каждодневный труд. И он оказывается мотыльком: посверкал какой-то миг, не заметил рубежа, о который споткнулась слава. Начал, как говорят спортсмены, нарушать режим, погнался за длинным рублем, пел на свадьбах, принимая шумные аплодисменты подвыпивших гостей за истинный успех. Иметь талант — значит и отвечать за него, потому что талант — это достояние не только личное, но и общественное. Автор показывает, как самовлюбленность, алчность, подобно жуку-короеду, подтачивают талант и губят могшего стать неплохим человека.

В повести нет и намека на назидательность. Хашимов как бы говорит читателю: «Вот смотрите, выводы делайте сами».

Кроме «Дня мотылька», в сборнике опубликовано несколько рассказов. Сборник свидетельствует о появлении нового, интересного писателя.

Михаил ХОДАКОВ

Уткур Хашимов. День мотылька. Повесть и рассказы. Перевод с узбекского. Издательство «Молодая гвардия», 1971.

М МОСКВА М

И МОСКВИЧИ

РЕПОРТАЖ
ИНТЕРВЬЮ
ИНФОРМАЦИЯ

1 **В моем Моссовете...**

2 **Уходят дальние автобусы...**

3 **Река прихорашивается**

4 **«Хочу выучить русский язык»**

5 **Памятное и забавное**

6 **«Океан» на... берегу пруда**

7 **Одна из трех тысяч**

1

* Современный дом — сложное сооружение. Решено создать 330 объединенных автоматизированных систем управления инженерным оборудованием жилых домов.

* За нынешнее пятилетие москвичам предстоит построить и реконструировать 17 станций технического обслуживания автомобилей — так записано в решении Исполкома Моссовета. Самая большая из этих станций — на Минском шоссе. Она будет располагать 439 рабочими постами. Самая маленькая — она рассчитана на одновременное обслуживание пяти автомобилей — проектируется на Остаповском шоссе.

— Ввод в эксплуатацию намеченных пятилетним планом станций технического обслуживания,— сообщает «Огоньку» заместитель начальника Главмосавтотранса А. Гамынин,— позволит полностью удовлетворить потребности москвичей в техническом обслуживании автомобилей, находящихся в индивидуальном пользовании.

* Исполком Моссовета постановил до 1975 года построить 250 тысяч квадратных метров оранжерей, и тогда к концу пятилетки магазины и киоски будут получать десятки миллионов цветов! Всего же за 1975 год будет выращено для Москвы 100 миллионов цветов.

Оранжереи появятся на 26-м километре Киевского шоссе, в Теплом Стане, в Останкине и Мытищах, в Зеленограде. К слову, о Зеленограде. Тут создается еще и крупнейшая шампиньонница. Здесь будут выращивать грибы — к столу москвичей и гостей столицы.

* На Комсомольском проспекте отведен земельный участок в два гектара для строительства Дворца молодежи.

Девятиэтажное здание Дома быта решено построить на проспекте Мира.

2

На телеэкране — перрон нового столичного автовокзала со светящимися табло многочисленных иногородних маршрутов. Спешат и спешат пассажиры. Бросается в глаза, что у многих из них, помимо обычной клади, удочки, рюкзаки, охотничье снаряжение... То и дело раздается голос диспетчера, объявляющего час и минуты отправления автобусов в рейс. Первое объявление в шесть часов сорок минут и последнее — в полночь. Таков «рабочий день» нового автовокзала.

Телеэкран расположен напротив письменного стола начальника вокзала Марии Юльевны Байдун. Пока мы наблюдаем за экраном, Байдун непрерывно передает по радиотелефону «поправки» своим помощникам. Мы имеем возможность проследить действия этих «поправок». Быстрее подаются машины, налаживается порядок при посадке, разрешаются микроконфликты между пассажирами и распорядителями.

Автовокзал возникает перед нашими глазами сразу же после выхода из станции метро «Щелковская». К слову сказать, это немалое удобство для пассажиров. Они имеют возможность быстро добраться сюда из любого конца города.

В трехэтажном здании автовокзала, помимо кассового зала, почты, телеграфа, камеры хранения, есть комната матери и ребенка, помещение для отдыха водителей, которым предстоит наутро отправиться в рейс, ресторан. Кроме того, здесь находится вычислительный центр.

— Сколько всего направлений у вас? — обращаемся к начальнику автовокзала.

— Пятьдесят, назову самые дальние: Тула, Рязань, Горький, Липецк, Харьков, Воронеж, Новгород, Псков, Бобруйск, Витебск...

— Что, по вашему мнению, привлекает пассажиров к этому виду транспорта, ведь в эти города можно скорее попасть на самолете или поездом?

— Удобство и впечатления,— отвечает Байдун.— Самолеты не делают посадки в любой деревне, а поезд не доставит вас к самому дому. А вот автобусы дальнего следования располагают и подобным сервисом. Водитель всегда остановит машину там, где попросит пассажир.

Маршрут же разработан так, чтобы удобнее было тем, кто живет далеко от железнодорожных станций и аэропортов.

А что касается впечатлений, тут, я думаю, объяснения не требуются. Ясно, что из окна автобуса увидишь куда больше, чем из самолета или из окна вагона мчащегося экспресса.

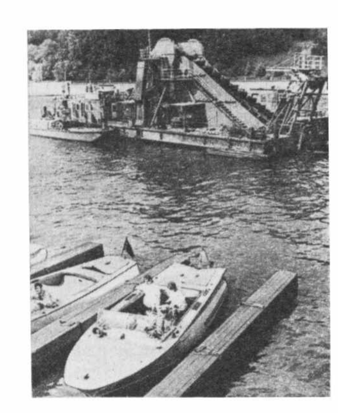
Среди четырех миллионов ежегодных наших пассажиров немало студентов, школьников, отпускников, рыболовов, охотников, которые обычно заранее заказывают билеты и вовсе не намерены скрывать, что для них рейс — увлекательное путешествие, отдых.

— Увлекательное путешествие? Но представляют ли себе пассажиры достопримечательности, встречающиеся им на пути?

— Скажу прямо: вы коснулись больного места. Мы мечтаем о том, чтобы вместе с проездным билетом пассажир получал небольшой иллюстрированный проспект о маршруте. Но, увы, пока мы этим не располагаем.

З. ХИРЕН

3

5

Десятки пассажиров ежедневно обслуживает машина такси «ММТ-17-08». Садятся в нее люди и не ведают, что за рулем один из старейших в стране водителей такси. Подсчитали, что за сорок три года беспрерывной работы Евгений Васильевич Рыжиков проехал более трех миллионов километров — примерно десять расстояний до Луны. Таксисты — народ веселый, разговорчивый. Вот я и попросил Евгения Васильевича рассказать о чем-нибудь интересном из его многолетней практики.

— Дело было в тридцать втором году. На Водопьяном, это самый короткий переулок в Москве, в машину сел пассажир, оказавшийся главным инженером Ярославского автозавода. Мы отправились за город, и в пути я узнал, что едем к наркому тяжелой промышленности показывать ему две новые экспериментальные машины. «Вон они, позади следуют». Я обернулся и увидел новые ярославские автомашины — они не отставали от нас.

Но вот мы и прибыли на место назначения. Во дворе — двухэтажный деревянный дом. Из него вышел Серго Орджоникидзе. Поздоровался. Внимательно и долго осматривал машины, потом пригласил гостей пообедать. И меня тоже. За столом разговаривали о будущем автомобильной промышленности, о том, какие нужны стране автомобили и в каком количестве. Нарком похвалил ярославцев за энтузиазм, а потом обратился ко мне: «Расскажите нам, пожалуйста, о московском такси: как вы работаете, что вас волнует?» Я рассказал о наших плохих гаражах, о том, что практически в Москве нет ремонтных зон, а импортные машины часто выходят из строя. Орджоникидзе выслушал меня, покачал головой и произнес фразу, которая на всю жизнь запомнилась мне: «Вы еще молоды, у вас все впереди. Вам посчастливится водить наши отечественные машины. Сейчас у нас нет хороших автомобилей. Но наш народ трудолюбив. Он все одолеет, вы будете этому свидетелем. Скоро, очень скоро!» Слова наркома сбылись. Наши таксомоторы отличные. В Москве их тысячи.

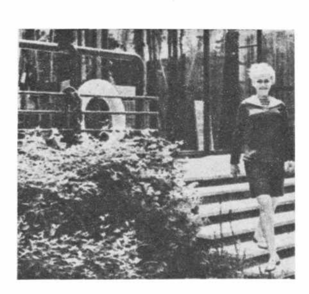
А теперь — самый веселый случай.

Дело было минувшей осенью. Вечерело. Я заканчивал работу и ехал в парк. Вдруг меня обогнала желто-синяя «Волга». Сразу примечаю: ГАИ. Остановился. В чем дело? Ко мне подошел капитан ГАИ и укоризненно сказал: «Ну и ну! Возрастто у вас почтенный, а занимаетесь некрасивыми делами. Нехорошо!» «Какие такие дела? Я вас не понимаю!» «Когда я вас обогнал, то заметил через зеркало заднего вида, что у вас горит зеленый фонарь. А ведь сами знаете, возить пассажиров без включенного счетчика нельзя. Предъявите ваш путевой лист». «Да что вы, товарищ капитан! Какие там пассажиры?» «А вот такие». Капитан нагнулся и заглянул внутрь салона. Там никого не было. Только у заднего стекла лежал средней величины арбуз, напоминающий в сумерках человеческую голову. Когда инспектор на машине следовал за мной, арбуз слегка вздрагивал, наклоняясь то в одну, то в другую сторону: создавалось впечатление, что в салоне сидит человек.

Мы с инспектором расхохотались, пожали друг другу руки и разошлись.

Марат ЦЕБОЕВ

6

«Океан» бросил якорь на берегу одного из прудов столичной Выставки достижений народного хозяйства. Даже не один, а два якоря,— они лежат у входа, а поодаль, вправо и влево, пробковые спасательные круги. Все как на корабле, только на палубе место боцмана занимает швейцар...

Вы, вероятно, уже догадались, что речь идет о ресторане. Он не случайно назван «Океан»: тут и коралловые рифы, и сети, и юнги-официанты, и океанская снедь, будто только что выловленная. Гостям тут предложат всю гамму речных, морских и океанских продуктов.

...Ежедневно за несколько минут до открытия ресторана на камбузе (простите, на кухне) раздается: «Свистать всех наверх!»

Ресторан открывается. «Океан» встречает посетителей...

К. КИМ

На снимке: у входа в ресторан «Океан».

Вахтенный начальник, или, как прежде говорили, багермейстер, Владимир Ильич Подистов не снимает руку с регулятора скорости. Если разобраться, скорости-то никакой нет: метрдва в минуту. Да и не вперед, а вправо-влево, поперечными галсами передвигается земснаряд. Но внимание от вахтенного требуется не меньшее, чем от рулевого быстрой «Ракеты».

У коллектива земснаряда «Московская-113» сейчас большая забота — очистка русла реки Москвы — ил, грязь, как-то зачерпнули даже гребной винт...

Командир-механик Николай Варламович Сенин подал команду «Начинайте!», и с борта земснаряда опускается лоток. Череда черпаков подает в него со дна реки вязкий, слежавшийся, загрязненный грунт.

В старом своем русле за столетия, а в новом, где мы сейчас находимся, за три-четыре десятилетия река Москва накопила много ненужного грунта, а то и просто хлама. Скорость течения даже весной, во время паводка, недостаточна, чтобы смыть все это, чтобы сохранять дно в чистоте и не загрязнять воду. На помощь реке пришли специалисты. С одним из них, заместителем начальника отдела пути Управления канала имени Москвы К. С. Орловичем, мы находимся сейчас на борту служебного катера «Путейский-3».

— В прошлом году мы работали в центре города, на участке от гостиницы «Украина» до Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Там русло старое, многолетних наслоений особенно много. Вычерпали более миллиона кубометров грунта. Он не пропадет. Шаланды отвозят его на территорию Нагатинской поймы, где в будущем предполагается создать стадион. А часть пойдет на строительство дорог. Проблема очистки рек от загрязнений сейчас переросла рамки одного города — это международная проблема. И москвичи первыми не только в стране, но и в мире приступили к ее решению. Уже сейчас санитарное состояние москворецкой воды выше устья Яузы близко к весьма требовательной норме. А ведь мы только-только начали...

На четырехкилометровом участке около гостиницы «Украина» дно не только очищено, но и присыпано золотистым песком слоем примерно в 70 сантиметров. Словом, река прихорашивается.

...Рыбаки знают, что на Москве-реке, ниже города, клев был никудышный. А недавно провели контрольные отловы и выяснили: даже близ ЗИЛа — подлещики, окунь, плотва. Вернулась рыба в Москву-реку, и её будет еще больше, когда очистка реки завершится...

К. КОСТИН

На снимке: земснаряд «Московская-113» за работой.

Ракуель Херера де Хазис, которая приехала из Мексики, в беседе с корреспондентом «Огонька» рассказала:

— Я приехала в Москву вместе с другими учеными из разных стран. Это турне организовала Международная ассоциация по мирному использованию атомной энергии. Членом этой ассоциации является и Советский Союз. Работаю я в лаборатории ядерных исследований университета Мехико. Занимаюсь, в частности, проблемами радиологической защиты.

Пребывание в Москве, знакомство с ее научными учреждениями оказались для меня чрезвычайно интересными и полезными. Советские ученые многое сделали в области радиологической защиты. Да это и понятно. Ваша страна первой послала человека в космос. Кроме того, у моих советских коллег есть уже большой опыт в использовании атомной энергии в мирных целях.

Москва и советские ученые встретили нас очень радушно, мы узнали, что такое русское гостеприимство. Хочу выучить русский язык и еще раз побывать в чудесной Москве.

А. ГОЛИКОВ

7

В Москве сейчас более трех тысяч строительных площадок: возводятся жилые дома, здания общественного и культурно-бытового назначения. Одна из площадок выходит на площади Свердлова и Революции, на проспект Маркса. Здесь начато сооружение второй очереди популярной гостиницы «Москва».

Вторая очередь — заметим, что вместе со старой гостиницей она составит единое целое,— это 650 номеров, примерно на тысячу мест, от трехкомнатных «люксов» до однокомнатных. Все они будут обставлены самой современной мебелью и оснащены первоклассным оборудованием.

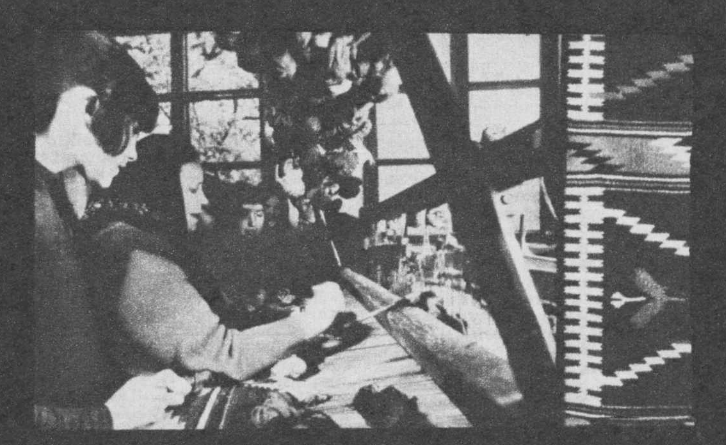
В двух нижних этажах запроектированы предприятия общественного питания. За столиками ресторанов, кафе и баров отеля — и в старом и в новом зданиях — смогут разместиться всего 2 650 человек.

Когда сооружение второй очереди завершится, в повестку дня станет модернизация ныне действующей гостиницы — она должна быть столь же комфортабельной, как и новая.

Б. ПЕТРОВ

Старейший мастер гончар Федор Михайлович Черницкий.

У Гафии Петровны Визичканич всегда много учениц.

Народный художник вышивальщица Екатерина Юльевна Антоник.

Вяч. ВОРОБЬЕВ

Фото М. САВИНА.

Закарпатье — край, удивительно богатый талантливыми людьми. В каждом городе, в каждой деревеньке, где мы останавливались хотя бы на день, обязательно встречались нам люди, владеющие тайнами старинного народного ремесла.

В Ганичах встретились мы с Гафией Петровной Визичканич, заслуженным мастером народного творчества Украинской республики, ковровщицей, знаменитой не только в Советском Союзе, но и в других странах. Почти в каждом доме каждого закарпатского села есть примитивный ткацкий станок — кросны. Испокон веку делают здесь женщины ковры, одеяла, половики. Гафия Петровна теперь уже не помнит, когда она научилась ткать. В 1926 году тринадцатилетней девчонкой пошла работать в ковровую артель. Ее мать и старшая сестра ткали и вышивали очень хорошо, может быть, от них унаследовала Гафия потребность всегда работать так, чтобы люди любовались творениями ее рук. В артели она и училась и присматривалась к разнообразным узорам, сравнивала, размышляла. Постепенно пришло к ней понимание невещественной, нематериальной ценности ковра, понимание извечного стремления человека принести в свой дом не символ богатства, а радость. Вскоре Гафия сама стала учить взрослых мастериц.

Сначала нам показалась странной сдержанная гамма красок, несложные и немногочисленные узоры ковров, которые делает Визичканич. Потом стало ясно, что эта художническая скупость — результат многолетних поисков, строжайшего и необходимейшего отбора.

Гафия Петровна сохранила то, что могло быть забыто, искажено или утрачено навсегда из-за неброской красоты рисунка закарпатского ковра, его скромности, кажущейся обыкновенности. И в этом, пожалуй, самая большая ценность ее многолетнего труда. Ковры Визичканич не поразят вас с первого взгляда. Лишь постепенно вы ощутите изысканную гармонию темно-зеленых, малиновых и желто-коричневых тонов, почувствуете прелесть несколько суровой палитры, где отсутствуют розовый и голубой цвета.

Мастерица не ищет чего-то необыкновенного, не ищет сказочного, фантастического сочетания красок. В ее коврах отразилось простое, ясное восприятие мира, где светит желтое солнце, где бесчисленные реки бегут с гор, покрытых вековыми лесами — густыми, влажными, щедрыми.

Извечно стремление людей окружать себя изображениями жизненно важных вещей: на молдавских коврах это виноградная лоза, на закарпатских — желудь, ель, река. Врожденное эстетическое чувство помогло Визичканич постичь вечную красоту окружающей природы. Постичь и выразить эту красоту своими работами, приобщить к ней других. Ее ковры так же строги, как природа Закарпатья. Здесь нет ничего экзотического, звонкого, вычурного, зато есть основательность, покой. Глядя на Гафию Петровну, понимаешь, что другими ее ковры и быть не могут: сама она спокойна, но не бесстрастна, сдержанна, но не равнодушна.

Цельность натуры, художественный вкус помогли ей сберечь традиции народного ковроткачества. Чего греха таить, ковер сейчас купят любой. Тем опаснее соблазн пойти на поводу рыночного потребителя, мещанского вкуса, тем достойнее труд тех, кто и с конвейера выпускает высокохудожественные изделия. Конечно, «с конвейера» — не совсем точное выражение, но в Ганичах существует цех по изготовлению ковров, где работают 150 мастериц, и каждой из них Гафия Петровна передает свой опыт, учит понимать красоту окружающего мира и строгую красоту закарпатского ковроткачества.

Искусство Визичканич не растворилось в массовом производстве. И дело тут не только в том, что она автор почти всех узоров, что большинство ковров сочинено ею самой. Главное — в

●

Долины, сбегающие с гор, манят своими просторами.

Села в Закарпатье такие длинные, что без велосипеда не обойтись.

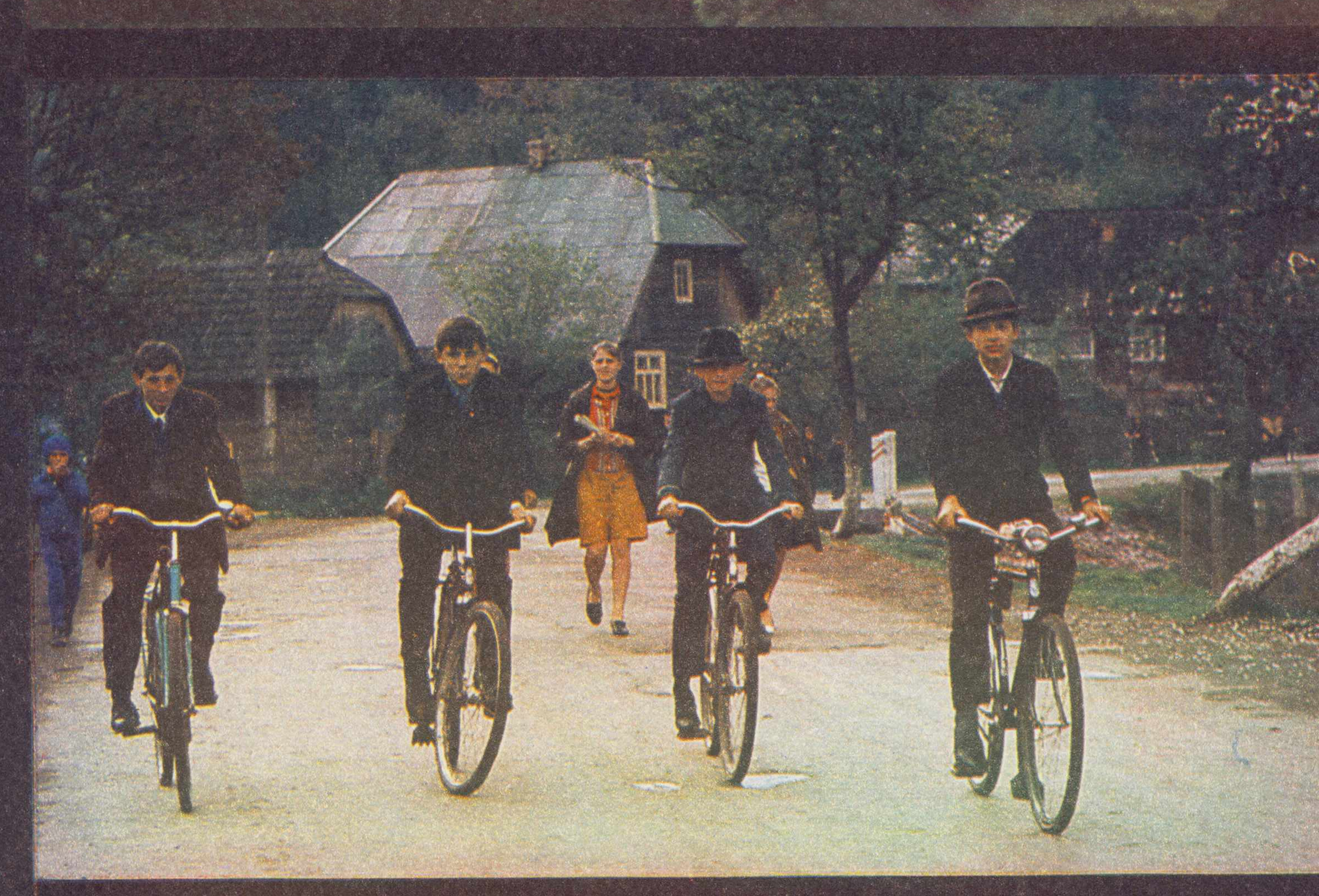
— Мы тоже из Ганичей.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ

Каждое село в Закарпатье представляется музеем, быть может, поэтому настоящий музей воспринимаешь, как обычную гуцульскую хату.

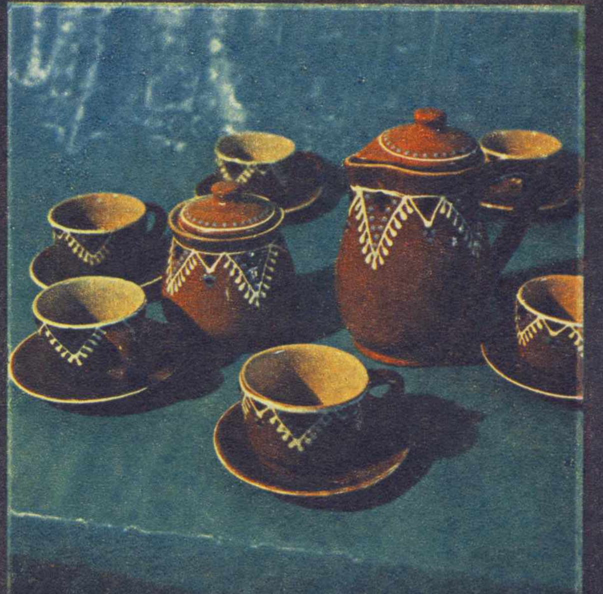
Изделия закарпатских мастеров привлекают удивительной гармонией формы и цвета.

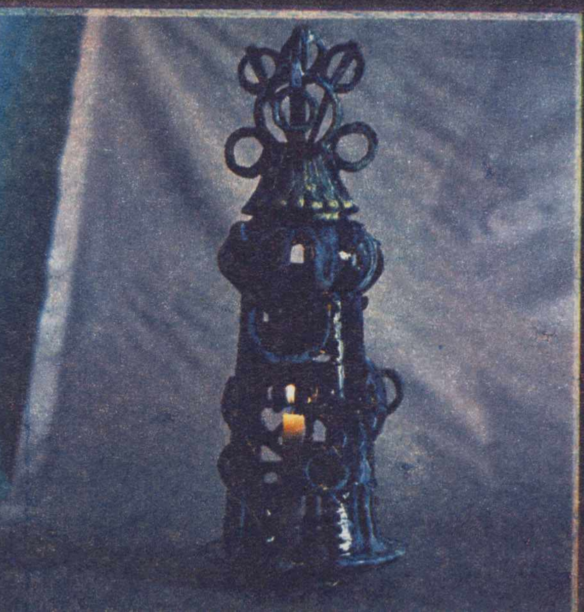
ТАЙНЫ
СТАРИННОГО
РЕМЕСЛА

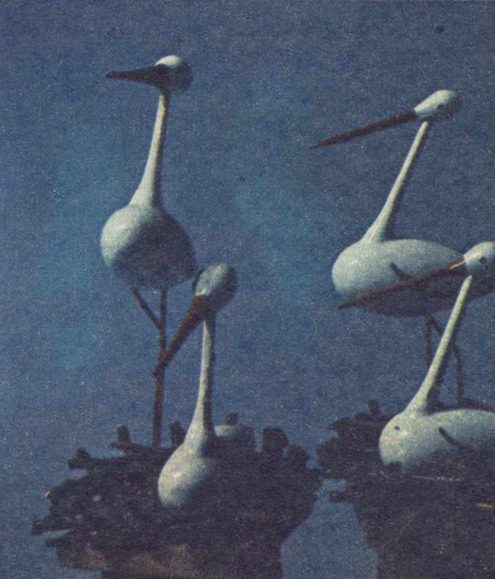

народности традиций, которые она сохранила и развивает, в том, что Визичканич — художник, человек творчески мыслящий, умеющий обобщать свое восприятие мира и выражать его в своих произведениях.

Труд и творчество Визичканич по достоинству оценены. В мае 1971 года ей была вручена высшая награда страны — орден Ленина.

* * *

Береговский район Закарпатской области всегда славился своими вышивальщицами. Их искусство лаконично и выразительно. На белом холсте—красный или красно-черный узор. Такова гамма простого, торжественного, нарядного береговского орнамента. Узор этот так отшлифован, сущность его выражена столь концентрированно, что отдельные элементы здесь превратились в своеобразные символы, подобные тем, которые мы видим в знаках геральдики.

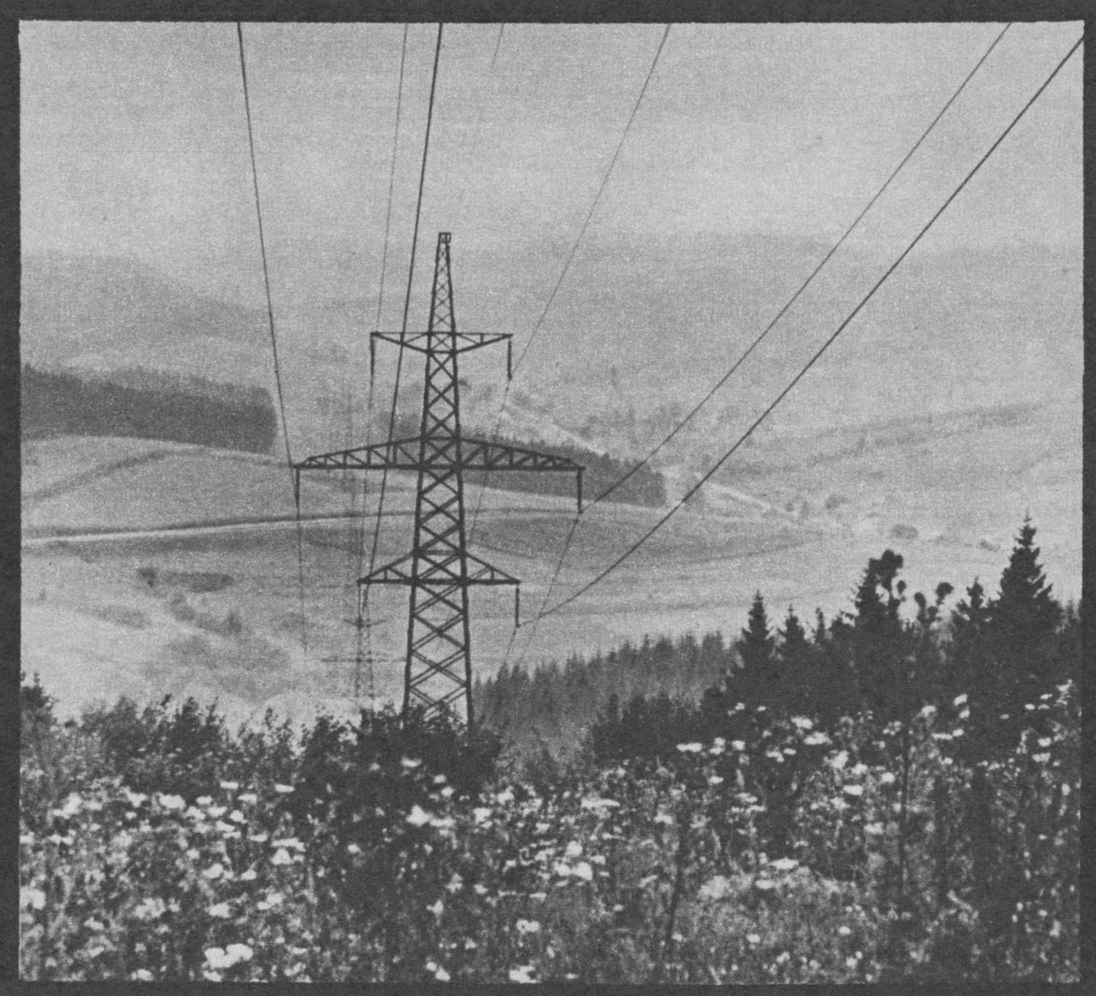
Береговский орнамент в основе своей — растительный: желудь, виноград, красная гвоздика... Но в орнаменте этом нет слепого копирования природы, есть почтительное отношение к ней, восхищение ее гармонией, строгостью...

Особенно тщательно и богато вышивали встарь так называемые скатерти кумы: молодой матери, которая первые дни после родов не вставала с постели, соседки поочередно приносили горшки с едой, обернутые в скатерть собственной работы. Каждая стремилась, чтобы именно ее скатерть была самой красивой. Один из самых распространенных узоров здесь — «волчья стопа»: полукружья алого цвета, и впрямь напоминающие волчьи следы.

Очень нарядным был свадебный передник для мужчин: цветы, желуди, птицы располагались на нем рядами, разделенными волнистой черной линией, «линией Тиссы».

Береговские женщины вышивали хорошо и много. И для себя и для продажи. Но вышивание — это не просто кропотливая работа, долгие вечера, проведенные за пяльцами. Вышивание требует и особого душевного настроя.

...В 1956 году Екатерина Юльевна Антоник вместе с мужем, который в числе «тридцатитысячников» был послан на помощь колхозу, приехала в село Береги, самый центр Береговского района. У хозяйки дома, где они поселились, в большом сундуке лежало приданое, унаследованное от матери. Обыкновенные, казалось бы, вещи: скатерти, рубашки, полотенца — грубый холст, расшитый немудреными узорами. Время пощадило яркость красок, и прежней осталась сила радости, которая наполняет человека при взгляде на береговскую вышивку.

По склонам Карпат шагают опоры энергосистемы «МИР».

Здесь, в Берегах, Антоник и выучилась нехитрому вроде бы мастерству вышивания. И не просто выучилась. Теперь она уже никогда не утратит чувства восхищения перед неожиданно открывшейся красотой. В душе ее произошел перелом — сначала совсем незаметный, не обозначенный четко, еще не осознанный ею самой,— перелом, который рано или поздно происходит в душе каждого одаренного человека, на пути которого встретилось подлинное искусство. Нетленная красота вышивальных узоров, неведомо когда сочиненных народом, стала постоянным спутником ее жизни.

Старший инспектор отдела социального обеспечения Е. Ю. Антоник ходила из деревни в деревню, проводя опросы и переписи. И в каждом доме, куда попадала по долгу службы, она часами рассматривала вышивки, выполненные в детстве, полученные от бабушек, выпрашивала старые, изорванные полотенца, зарисовывала узоры. Ей много предстояло сделать: понять истоки народного искусства, выяснить назначение и наименование каждого узора, очистить орнамент от чуждых наслоений, вернув ему чистоту первозданности, наконец, записать узоры на бумаге.

Антоник понимала, как велико и значительно дело восстановления и обогащения народного искусства, за которое она взялась, и потому стремилась воспитать в себе качества, необходимые для этого, стремилась пополнить свои знания. Изучала историю края, советовалась со специалистами, знакомилась с трудами искусствоведов, ездила на раскопки к археологам.

Глубокое уважение к культуре народа, чувство ответственности за судьбу его искусства, стремление воссоздать это искусство, вернуть к жизни обновленным, но не искаженным, неуспокоенность, трепетное отношение к делу, ставшему главным в ее жизни,— вот те качества, которые помогли Екатерине Юльевне Антоник в ее нелегком труде.

Чтобы полузабытые узоры вновь стали привычными для деревенских женщин, Антоник организовала кружки в колхозе. Вначале работали лишь для собственного удовольствия, потом стали выполнять заказы, вышивали шторы, салфетки, полотенца для ресторанов и сельских клубов.

Екатерина Юльевна считает, что вышивка очень подходит к современной мебели, надо только точно определить назначение изделия, правильно выбрать узор, размер. Рушнику вряд ли найдется место в теперешней городской квартире, а вот вышитая наволочка на диванной подушке украсит любой дом. Чтобы береговская вышивка не осталась музейным экспонатом, а вошла в повседневный быт, надо, сохранив неприкосновенность орнамента, создать новую композицию для современных вещей. Всем этим Екатерина Юльевна и занимается теперь уже как руководитель объединения вышивальщиц, образованного Художественным фондом Украинской ССР в селе Доброны. Здесь сорок пять мастериц размножают эталоны Е. Ю. Антоник.

●

Эти девушки из села Ганичи делают ковры, которые находят признание во всем мире.

Главное щегольство гуцула — в декоративной безрукавке — «кожушке».

Внизу: Городничий — народный артист РСФСР К. Лавров; Хлестаков — заслуженный артист РСФСР О. Басилашвили.
Вверху: Добчинский — артист Г. Штиль; Земляника — заслуженный артист РСФСР В. Кузнецов; Хлопов — заслуженный артист РСФСР Н. Трофимов.

Фото М. Смирина.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

«РЕВИЗОР» НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО

Как хотите, дорогие читатели, но в жизни и в труде каждого из нас все же бывают чудеса. Правда, к ним люди быстро привыкают и склонны порой думать, что иначе и быть не могло. Но от этого даже чудо обыкновенное, каким мы готовы его считать, не перестает быть чудом.

Особенно много чудес бывает в нашем деле — в поисках реликвий русской культуры. Мог ли я, к примеру, отправившись для этой цели несколько лет назад в Париж, даже в самых радужных мечтах надеяться на то, что мне удастся там обнаружить и вернуть на Родину акварельный портрет М. Н. Волконской с сыном кисти П. Ф. Соколова, тот самый, что был взят ею с собой в Сибирь, когда она решила разделить судьбу мужа-декабриста?! Ведь следы портрета, исполненного в 1826 году, настолько затерялись, что его считали погибшим. И все же спустя 140 лет, прошедших после создания портрета, я смог передать в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве это уникальное творение, где оно обрело почетнейшее место потому, что великий поэт, в жизнь и в творчество которого Мария Николаевна вошла как «утаенная любовь», посвятил декабристке «Полтаву», а в память ее сына, умершего младенцем, написал эпитафию.

Из числа тех рукописных материалов по истории русской культуры, что мне удалось выявить во время пребывания во Франции, только в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР поступило около 12 тысяч номеров; среди них творческие рукописи и письма, дневники и воспоминания, рисунки и фотографии, относящиеся к огромному периоду времени — от дневника Аннет Олениной с записями о ее встречах с Пушкиным, кончая архивом Аркадия Аверченко...

Даже эти, а также другие тогдашние находки я готов считать в нашем поисковом деле чудесами обыкновенными. Но как необыкновенное чудо расцениваю то, что произошло в конечном счете с 43 эскизами костюмов и эскизом занавеса М. В. Добужинского к «Ревизору», полученными мною от видного театрального деятеля во Франции Л. Д. Леонидова, которые я также передал в ЦГАЛИ.

Один из моих очерков «Парижские находки», печатавшихся в «Огоньке» (1967, № 8), был озаглавлен: «Ревизора» оформляет М. В. Добужинский». Здесь я рассказал об этом выдающемся мастере театрально-декорационной живописи, дал высокую оценку привезенным эскизам, исполненным в 1933 году, объяснив, почему задуманная тогда постановка «Ревизора» в театре Макса Рейнгардта в оформлении Добужинского осталась неосуществленной. К очерку были даны цветные репродукции эскизов 14 костюмов и занавеса.

Нужно ли говорить, как я был удивлен, когда год назад мне позвонил художественный руководитель Ленинградского академического Большого драматического театра Г. А. Товстоногов и попросил разрешения в задуманной им постановке «Ревизора» использовать эскизы Добужинского. Я, конечно, ответил согласием, хотя такой замысел представился мне невероятным: в наши дни, спустя почти сорок лет после создания эскизов, впервые дать им сценическую жизнь, да еще в постановке одного из советских режиссеров, который захочет, возможно, как-то по-новому прочитать великую комедию Гоголя?! Как будут себя чувствовать современные актеры в костюмах Добужинского?.. Короче говоря, после звонка Товстоногова оснований для удивления у меня было достаточно.

Все же, с нетерпением ожидая премьеры, я постепенно приходил к мысли, что она может стать событием в театральной жизни страны. «Ревизор» — лучшая пьеса русского репертуара и одна из лучших пьес мирового репертуара. Если бы Гоголь написал только это произведение, то обессмертил бы себя. Ведь одна пьеса принесла бессмертие Грибоедову!

Популярность «Ревизора» неувядаема, и каждая встреча с новой интересной постановкой, с талантливыми исполнителями — неисчерпаемый источник наслаждения не только для зрителей советских, но и зарубежных. Ведь только в последнее время «Ревизор» был поставлен в трех театрах Москвы — МХАТе, Малом и Сатиры. А ныне, и то по неполным данным, около 25 театров Советского Союза показывают гениальную комедию. Что же касается зарубежных постановок «Ревизора», то они многочисленны да к тому же создаются по всему свету. Так, только в недавние годы включили пьесу в свой репертуар два театра Болгарии; один из них — Софийский государственный театр сатиры — несколько месяцев назад познакомил москвичей со своей интерпретацией «Ревизора». Девять театров Польской Народной Республики, четыре театра Германской Демократической Республики, три театра Англии поставили «Ревизора». Недавно пьеса была показана во Франции и на Цейлоне, в Чехословакии и в Кении, в Турции и в Греции, в ФРГ и в Сенегале, в Италии и в Бразилии, в США и в Швеции, в Румынии и в Норвегии, в Югославии и в Афганистане, в Финляндии и в Португалии... Некоторые постановки имели, по отзывам зарубежной печати, огромный успех.

Думая о будущей постановке Товстоногова, я понял, что современного режиссера не случайно привлекли эскизы выдающегося художника, который считал своим учителем К. С. Станиславского. Вспоминая о своей начавшейся в 1909 году совместной деятельности со Станиславским в Московском Художественном театре, М. В. Добужинский впоследствии писал: «Станиславский ввел меня в самую интимную сторону работы, и с тех пор я мог назвать себя его учеником. Я имел счастье и лично сблизиться с этим замечательным человеком... Самим Станиславским я был совершенно очарован... Я вошел в совершенно новую и исключительную атмосферу работы, и то, что открывал мне Станиславский, было огромной для меня школой».

Г. А. Товстоногов же свою книгу «О профессии режиссера» начинает статьей «Время Станиславского», первые строки которой гласят: «Я родился так поздно, что не успел стать его учеником. Я учился на спектаклях, поставленных Константином Сергеевичем, учился, глядя на воспитанных им артистов, учился у тех, кого он научил и в кого верил».

В заключительной части статьи Товстоногов говорит: «Я считаю себя учеником Станиславского».

Не объясняют ли эти признания одну из причин, по которой Товстоногов, задумав постановку «Ревизора», так заинтересовался исполненными Добужинским эскизами костюмов, почувствовав в их авторе родную душу? Почему мастера столь разных поколений могли как бы встретиться в совместном труде, соединить свое искусство и найти общий язык в спектакле «Ревизор» на сцене БДТ в 1972 году?

Другая причина заключалась, видимо, в том, что, решив заняться оформлением этой постановки — а Товстоногов ранее сам оформил четыре своих спектакля,— он в таких случаях ограничивал работу театрального художника лишь исполнением эскизов костюмов. Для изго-

Марья Антоновна — артистка Н. Тенякова; Анна Андреевна — народная артистка РСФСР Л. Макарова.

ДРАМАТИЧЕСКОГО

товления же эскизов костюмов к «Ревизору» трудно было бы найти художника, который по мастерству превзошел бы Добужинского.

Все это в полной мере подтвердилось, когда состоялась премьера.

Прежде всего хочется сказать, что постановка «Ревизора» является еще одним достижением на творческом пути режиссера Товстоногова. В течение трети века он поставил свыше ста пьес, многие из его спектаклей удостоились глубочайшей признательности зрителей, некоторые постановки увенчаны высокими наградами, а спектаклю «Оптимистическая трагедия» была присуждена Ленинская премия. Но Товстоногов не успокаивается на достигнутом: почти каждая новая его постановка — шаг вперед в режиссерском мастерстве. Можно назвать ряд сценических творений Товстоногова, занявших прочное место в летописи советского театра. Смею думать, что их судьбу разделит и показанный «Ревизор». Для любого режиссера, даже многоопытного и широко известного, постановка этой пьесы — экзамен на высшую режиссерскую зрелость. И хотя Товстоногов уже не раз доказал, что он достиг этой высоты, «Ревизор» войдет не только в ряд наиболее значительных его достижений, но и будет расценен как одно из лучших воплощений великой комедии на советской сцене.

В спектакле пленяет все: и своеобразие режиссерского почерка, выраженное в ярком сценическом решении мизансцен с первого взгляда скупыми, но в действительности удивительно жизненными средствами; и бережное отношение к авторскому тексту и к авторским ремаркам. В некоторых случаях, углубляя характеристики действующих лиц, Товстоногов не прибегает к псевдоноваторским выдумкам, которыми порой оснащены современные постановки произведений классиков. Внимательному зрителю нетрудно себе представить и оценить, какую весьма основательную работу провел режиссер с каждым из участников спектакля, причем труд этот соседствует с бережным отношением к индивидуальности актера.

Превосходен актерский состав в новой постановке «Ревизора». Почти о каждом из участников этого незабываемого спектакля можно сказать много хорошего. Но остановлюсь на игре двух из них.

Прежде всего назову О. Басилашвили, исполнителя роли Хлестакова. В этом актере поражает его ярко выраженная индивидуальность, удивительная пластичность, неизменная гармония на всех этапах развития образа. Так и хочется сказать, что он рожден для этой роли. Только в последние годы мне довелось видеть четырех актеров в роли Хлестакова: это В. Невинный — в МХАТе, Ю. Соломин — в Малом, Г. Колоянчев — в Софийском театре сатиры, А. Миронов — в Московском театре сатиры... Каждый из них чем-то примечателен в исполнении роли, но, к сожалению, у каждого было больше утрат, чем достижений. И это понятно, ведь роль Хлестакова настолько сложна, что даже большому актеру она часто не под силу. Но Басилашвили этот труднейший экзамен выдержал, да к тому же с блеском.

Большое впечатление производит К. Лавров в роли Городничего. Он играет роль на первый взгляд неожиданно. Его Сквозник-Дмухановский выглядит моложавым, даже с налетом благородства, но тем не менее типичным представителем деспотической системы времен империи Николая I. Превосходный актер, К. Лавров ведет роль Городничего настолько убедительно, что можно не сомневаться: трактовка образа окажет в дальнейшем значительное влияние на исполнителей той же роли в других театрах...

Что же стало в конечном результате с привезенными из Франции эскизами костюмов, исполненными Добужинским? Они не только впервые обрели жизнь на сцене, но и полностью легли в замысел спектакля и воспринимаются органически в жизни всего сценического ансамбля. Более того, эскизы костюмов подсказывают актерам психологический рисунок роли. Костюмы как бы «играют» наряду с актерами, диктуют им пластику роли и в немалой степени помогают созданию образа. Необходимо сказать и о том, что когда в эпизоде поздравлений в последнем акте все персонажи одновременно появились на сцене в костюмах Добужинского, зрительный зал потряс гул аплодисментов, настолько пленителен каскад красок художника, настолько прекрасно это зрелище.

И невольно в те минуты вспомнилось, что когда в 1918 году в Петрограде под председательством А. В. Луначарского образовался Большой художественный совет, куда наряду с А. М. Горьким, М. Ф. Андреевой и Ф. И. Шаляпиным вошел Добужинский, на одном из заседаний было постановлено организовать «Театр трагедии, романтической драмы и высокой комедии», в дальнейшем названный Большой драматический театр. Добужинский сразу включился в работу этого театра. Именно здесь, на той же сцене, где ныне восторг зрителей вызывают его костюмы к «Ревизору», в грозные 1919—1920 годы были показаны пьесы «Разбойники» Ф. Шиллера, «Король Лир» В. Шекспира, «Дантон» М. Левберг, для которых этот прославленный художник-декоратор создал тогда сценическое оформление. И хотя теперь Добужинскому, если бы он был жив, исполнилось бы 97 лет, все же подумалось: как он был бы счастлив, если бы мог увидеть 8 мая 1972 года «Ревизора», великолепный спектакль, в котором ожили некогда им исполненные эскизы костюмов, оказавшиеся такими современными, так обогатившие не только первоклассную постановку Товстоногова, но и превосходную игру актеров некогда родного ему Большого драматического театра...

Одаренные ученики Станиславского режиссер Г. А. Товстоногов и художник М. В. Добужинский создали чудесный спектакль, который войдет в историю советского театра.

* * *

19 апреля 1836 года в Александринском театре состоялась премьера «Ревизора». Гоголю она доставила много огорчений, прежде всего потому, что Н. О. Дюр, первый исполнитель роли Хлестакова, с ней не справился. «Главная роль пропала; так я и думал,— писал Гоголь.— Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков». К тому же пьеса вызвала ожесточенные нападки на автора, который в связи с этим через десять дней после премьеры жаловался М. С. Щепкину: «Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, если я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня».

Спустя 136 лет — 8 мая 1972 года — в двух кварталах от бывшей Александринки — в Ленинградском академическом Большом драматическом театре имени М. Горького была показана та же комедия. Огромный успех этой постановки — еще одно свидетельство бессмертия великого творения Гоголя.

Думается, что в полной мере ее оценят москвичи, когда 10 июля в помещении Театра Моссовета начнутся гастроли БДТ. Такой спектакль нельзя не видеть!

Аркадий САХНИН

„ОПЕРАЦИЯ ПРА

В час «пик» центральные улицы забиты транспортом. Все машины движутся медленно, подолгу задерживаясь у перекрестков. Однако генеральский «мерседес» идет на большой скорости, обходя весь транспорт по осевой. Регулировщики беспрепятственно пропускают его под красный свет. И преследователи, лишенные такой возможности, вскоре теряют его из виду.

Во всей этой истории в голове не укладывается многое. Но особенно одно обстоятельство. О том, что плетется заговор, как уже говорилось, знали многие. Одни молчали, ибо являлись его вдохновителями или имели к нему прямое отношение. Другие внутренне поддерживали его, делая вид, будто ничего не знают, хотя по зову долга обязаны были вмешаться. Ведь бесчисленные репетиции, сборища большого количества заговорщиков, добыча оружия, транспорта — вся эта возня и шумиха, которую они даже не пытались скрывать, не могли не обратить на себя внимания блюстителей порядка. Да и разговоров об этом в правительственных кругах было немало. Но президент Фрей и министр внутренних дел никаких шагов против заговора не предпринимали.

Вся обстановка была ясна и Рене Шнейдеру. Но он не оценил в должной степени ни меры подлости Роберто Вио Марамбиа, ни того обстоятельства, что мятежному отставному генералу предоставлены огромные возможности. Конечно, Шнейдер не знал о неудавшихся на него покушениях, но, бесспорно, предвидел их. Убедительным доказательством служит тот факт, что он рекомендовал своим генералам ежедневно менять маршруты следования на службу и домой. Его информация президенту Фрею и министру внутренних дел о шантаже и угрозах, о готовящемся заговоре не побудила их принять меры по охране жизни главнокомандующего. Сам же он ограничился тем, что стал постоянно носить с собой пистолет. К сожалению, этого было слишком мало.

22 октября рано утром Рене Шнейдер выехал на службу и, точно предчувствуя роковую минуту, положил рядом портфель с пистолетом. На одной из улиц «додж» заговорщиков ринулся в бок генеральскому «мерседесу», и шофер рванул руль к тротуару, едва увернувшись от удара. Но тут же перед самым его радиатором неожиданно и резко затормозили два «пежо», а сзади налетел на него и стукнул «джип». Вырваться из этого кольца было невозможно. Генерал выхватил револьвер, но Сильва Доносо уже успел разбить молотком стекла, а Купер, Мельгоса и другие — разрядить в него автоматы и пистолеты.

Так свершилось убийство. Оно всколыхнуло всю страну. Восприняли его по-разному. Кое-кто из высших чинов, кому и надлежало в этот момент свершить переворот, пришел в замешательство, ибо они все-таки ожидали похищения главнокомандующего, а не убийства, поднявшего на ноги страну. Именно вот это последнее обстоятельство — страх за собственную шкуру — и остановило тех, кто готовил уже для себя большие портфели. А бояться было чего. Во-первых, весьма решительную позицию заняла армия в лице группы генералов — ближайших помощников Рене Шнейдера. От имени армии они потребовали отстранить министра внутренних дел от расследования убийства и все ведение дела взяли на себя. Затем представители высшего командования объявили, что «доктрина Шнейдера» остается в силе и армия гарантирует нормальное проведение сессии Национального конгресса, где должен быть утвержден президент. Решающую роль в том, что армия заняла такую позицию, сыграла поддержка этой позиции основной массой населения страны. В эти напряженнейшие минуты жизни Чили трудящиеся в полной мере восприняли широкие разъяснения всех демократических партий и профсоюзного центра о подлинных целях убийства главнокомандующего. Всеобщая двухчасовая национальная забастовка протеста против заговорщиков и мягкотелости к ним правительства явилась внушительным предупреждением реакции о том, что захватить власть ей не дадут.

В стране было объявлено чрезвычайное положение. Движение людей и всех видов транспорта тщательно контролировалось, а в ночное время запрещалось. Посты, пикеты, военные патрули полностью завладели магистралями, площадями, улицами.

До сессии национального собрания оставался один день. Подавляющее большинство в парламенте принадлежало (да и сейчас принадлежит) группе партий, не входящих в Народное единство. По предварительному сговору все они, попирая извечные традиции, должны были проголосовать не за кандидата, набравшего наибольшее количество голосов, а за представителя правых Хорхе Алессандри (идущего по списку вторым), под тем предлогом, будто победа на выборах Альенде вызвала в стране панику и террор.

Однако реакция видела, как поднялся против нее народ в связи с убийством Шнейдера. И поняла, что это значит. Она не могла не видеть, что при создавшейся обстановке любой ее трюк, направленный против Народного единства, неизбежно вызовет взрыв, который может смести ее с лица чилийской земли.

Как известно, правительство Альенде за короткий срок провело грандиозные социальные преобразования. Назовем только два. Национализированы медные рудники — основа экономики Чили, и экспроприировано около полутора тысяч крупных латифундий. Соответствующие законы одобрены парламентом.

Но как же так? Ведь большинство в парламенте против этих законов. Они глубоко затронули не только их личные интересы, но и их покровителей из США, которым принадлежало около половины акций меднорудных компаний. Ведь в критический момент утверждения в парламенте президента все расчеты реакции были на то, чтобы, пользуясь большинством, не принимать потом законов, вносимых президентом. Как же получилось, что, большинство правых, да и не только правых, депутатов парламента и сенаторов голосуют против собственных интересов?

На одной из пресс-конференций для участников «Операции правда» во дворце Ла Монеда президенту Сальвадору Альенде был задан довольно каверзный вопрос: «Как вы поступите, если парламент будет отвергать ваши проекты и предложения?» Зал насторожился. Ведь если парламент систематически отвергает предложения президента и президент имеет совесть, он должен подать в отставку. А если у него совести нет, то и вовсе ему нечего делать в президентском кресле.

Мне показалось, что Сальвадор Альенде ответил не задумываясь. Должно быть, Народное единство уже раньше подумало об этом. Президент сказал: «Если завтра мы выступим с инициативой, которую считаем значительной и важной, а конгресс отвергнет ее, то конституция позволяет прибегнуть к плебисциту, к референдуму. Народ окончательно решит, кто прав».

Это утверждение важности чрезвычайной. Оно показывает, во-первых, уверенность правительства во всенародной поддержке, что дает ему возможность решительно ломать старый уклад, вносить в парламент предложения о коренных поправках в конституцию. И, что не менее важно, внутренняя и внешняя реакция отлично понимает это и не может рискнуть на открытое выступление.

Но вернемся к делу Рене Шнейдера.

Военные власти действовали решительно. Были арестованы почти все участники заговора. Ведение следствия взяли на себя также военные. Высшие судебные органы с той же оперативностью и энергией мешали установлению истины. Апелляционный суд, не имея на то никаких оснований, повелел освободить нескольких обвиняемых, и они тут же сбежали в США. Верховный суд запретил привлечь к ответственности некое высокопоставленное лицо, хотя его участие в заговоре сомнений не вызывало.

Почему? С этим вопросом я и отправился к председателю Верховного суда сеньору Рамиро Мендесу.

Серая громада здания суда, почерневшего от времени, производила странное впечатление. Будто исполинский склеп: красиво и гнетуще. Тяжелые колонны, тяжелые, кованные медью врата высотою в два этажа вместо обычных дверей, а высоко-высоко под самой крышей гигантскими буквами, не то высеченными из камня, не то выложенными камнем, слова: «Суд справедливости». Перед входом — изваяние Фемиды и отлитое в бронзе грозное «Lex» — «закон».

Широкие, словно предназначенные для массовых шествий ступени внутри здания, и коридоры, и железные колонны тоже тяжелые, глухие, незыблемые. Возможно, так и должен выглядеть суд. Что-то неприступное, неумолимое, вечное. А может быть, это впечатление создавалось или по меньшей мере усиливалось той правдой, которая уже была мне известна.

Дело в том, что все до единого преобразования в стране, все мероприятия — от аграрной реформы до национализации меднорудной промышленности — правительство Народного единства проводит только на конституционной основе, только в соответствии с существующими законами. И в бессилии реакция стремится извратить эти действия правительства, представить их так, будто совершается нарушение законов. А в глухом здании суда человек, к которому я шел, и являлся одним из правофланговых чилийской реакции.

Окончание. Начало в № 27.

Может быть, сознание этого и создавало определенные эмоции.

В его приемной, как в картинной галерее, стены увешаны огромными портретами, написанными маслом. И под каждым — фамилия и две даты — рождения и смерти. Это предшественники сеньора Рамиро Мендеса. И каждый из них провел в этом здании долгие годы, ибо на такой пост человек назначается пожизненно.

Все тринадцать членов Верховного суда, объяснил мне Мендес, во-первых, не избираются, а назначаются практически самим же Верховным судом, ежегодную квалификационную проверку членов Верховного суда осуществляют сами же члены этого суда, а во-вторых, назначения эти — на всю жизнь.

— До какого же возраста служат члены Верховного суда?

— Это точно определено законом,— ответил Мендес.— Там сказано: «До тех пор, пока хватит сил».

— Значит, врачи определяют?

— Зачем? — удивился Мендес.— Только сам член Верховного суда.

Рамиро Мендесу семьдесят. Поначалу он показался даже подтянутым и бодрым. Но очень скоро я увидел, что передо мной суетящийся, полный неожиданных эмоций старичок, то и дело повторяющий только что уже сказанное им. Он курил, вернее, посасывал, погасшую сигару, ежеминутно откладывал ее и, как только снова брал, спрашивал: «Не хотите ли сигару?» Не дав ответить, спохватывался: «Ах, да, не хотите» — и, теряя мысль, нетерпеливо щупал пальцами воздух, точно пытаясь извлечь ее оттуда.

Ему хорошо в своем огромном кабинете, еще более тяжелом, чем все в этом здании,

и не только из-за мебели, которую не сдвинуть с места, но и от толстенных сводов законов, которыми уставлены стены. Ему уютно здесь, ибо теоретически освободить его от работы может лишь Национальный конгресс, где большинство принадлежит не Народному единству, а практически никто, ибо история Чили еще не знала случая, чтобы смещали судью. Так думает Мендес.

— И знаете, хи-хи-хи,— тоненько, совсем по-детски смеется Мендес,— в учреждениях люди стремятся поскорее на пенсию, конечно, если у них есть деньги, а у нас, ну, решительно никто. Вот члену Верховного суда Армандо Сильва семьдесят четыре. Но дело даже не в годах. На всех заседаниях он дремлет, а на пенсию не идет... Хи-хи-хи...— И он хлопает ладошками по коленкам.

Видимо, говорить о своей вотчине он может долго, и я постепенно подхожу к делу, по которому пришел. В одной из провинций произошли волнения на землях латифундистов. Были они результатом и загибов сверхлевацких элементов, и искренних заблуждений одних, поддавшихся провокационным лозунгам, и правильных действий вторых, вызванных обстановкой. Но так или иначе, во время этих событий погибли люди от рук латифундистов. Виновники убийств были арестованы. Однако по указанию Верховного суда их немедленно освободили. Так вот, не может ли сеньор председатель разъяснить, какими мотивами он при этом руководствовался?

— Вот видите!— торжествующе сказал Мендес.— Вы живете эмоциями, а я — законом. Поинтересовались ли вы, где именно были убиты люди?.. Вот видите! — повторил он так, будто уличил меня в преступлении.— А ведь хозяева латифундий стреляли в крестьян на сво-ей соб-ствен-ной земле,— поднял он вверх ладонь.

— Значит, латифундист может стрелять в человека, если увидит его на своей земле, скажем, площадью в сто тысяч гектаров?

— А как же! — поразился Мендес.— Собственность неприкосновенна и охраняется законом.

Вот так сеньор Рамиро толкует закон. Что-либо доказывать ему было бесполезно, и я перешел к делу генерала Шнейдера. Почему Верховный суд запретил не только судить, но и допрашивать одного из сенаторов, который участвовал в заговоре и обеспечивал доставку оружия из-за границы?

— Конечно, убийство Рене Шнейдера — глупое, жестокое преступление. Но судить за это сенатора нельзя, хотя к такому выводу Верховный суд пришел не единодушно.

И дальше шли длинные и путаные объяснения, в которых ясна была лишь их реакционная сущность: то, что одни считают заговором, другие — прогрессивным движением. И судить за это нельзя.

Как ни старался Мендес опираться на закон, он не мог скрыть, что верно стоит на защите интересов реакционных сил. Может быть, это и являлось стимулом для их дальнейших вылазок. Может быть, потому и свершались все новые провокации и покушения на государственных и общественных деятелей, что заговорщики уверены в безнаказанности, в том, что председатель Верховного суда — на их стороне.

Впрочем, после декабрьских событий 1971 года, когда фашиствующие молодчики вышли на улицы, глава правительства, и партии, входящие в Народное единство, и сам народ заявили, что найдут меры для обуздания реакции.

Когда близко знакомишься с сегодняшней жизнью Чили, особенно ясными становятся слова Генерального секретаря ЦК Компартии Чили Луиса Корвалана. В своем интервью «Правде», рассказывая о насущных задачах страны и нерешенных вопросах, он, в частности, заметил: «Мы предлагаем также существенное изменение в системе судебных органов. В настоящее время действует реакционная система самоназначения судей — членов Верховного суда. Ее следует заменить выбором этих судей единой палатой Национального конгресса... Мы за государство, основанное на праве, на законах, на более демократических законах, чем те, которые действуют сейчас в нашей стране».

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ

Победа Народного единства — это результат совместных действий всех прогрессивных слоев чилийского общества. Это результат героической борьбы Чилийской компартии, недавно отметившей свое пятидесятилетие. В долгие годы господства в Чили иностранного капитала компартия наращивала силы для решительных штурмов и одновременно стремилась даже в тех условиях улучшить жизнь людей, особенно бездомных, казалось, обреченных на вечную нищету. Вот один из примеров.

На окраине Сантьяго я видел больше тысячи сараев. В них живут люди. Есть сараи добротные, сделанные из досок, без щелей, крытые не кусочками битого шифера, а целыми листами, и никакой дождь им не страшен. А иные сооружены из разнообразных картонных ящиков, крепкой упаковочной бумаги, обрезков фанеры и жести, поржавевшей в тех местах, где облупилась краска.

Педро Кабесас живет в хорошем сарае. Таких во всем поселке не найдешь и сотни. Стены — из узких досочек в паз, даже пол не земляной, а деревянный, даже электрическое освещение есть.

Поселок из сараев называется Бандера, и он входит в крупнейший район столицы — Гранха, насчитывающий двести двадцать тысяч жителей. При желании Педро Кабесас мог бы иметь еще лучшее жилье. Он мог бы жить в каменном доме, где есть отопление, канализация и другие удобства, ибо он алькальд, то есть глава всего муниципалитета Гранха, фактически целого города, и не маленького. Но сарай в жизни Кабесаса занимает особое место, это этап в его жизни, это страница истории борьбы коммунистов Сантьяго и других чилийских городов.

Во главе организации стоял плотник с мебельной фабрики Педро Кабесас. Он и его соратники решили, что операция пройдет успешно, если удастся осуществить ее внезапно, одним ударом. Начать часа в два ночи и закончить до рассвета. Если так и получится, никакие карабинеры уже ничего не смогут сделать. Если же о ней пронюхают раньше времени, провал неизбежен. Ведь точно такая операция, какую задумали они, провалилась в Пуэрто Монте только потому, что люди не сумели сохранить тайну. В результате — девять убитых, а остальные ушли ни с чем.

На окраине столицы Педро и его товарищи присмотрели пустырь. И хотя он никем не охранялся, дело было не из легких. «Пустырь»— так только говорится, потому что никто никогда его не использовал, и сквозь его каменистую почву пробивался чертополох, и нанесло сюда всякого мусора и отбросов, но пустырь — это земля. Пусть каменистая, пусть ни к чему не пригодная, но земля. Значит, есть и ее полноправный владелец, которому она принадлежит вместе со всем, что на ней есть,— и с этим чертополохом, и камнями, что валяются сверху или торчат из нее, и теми, что скрыты под внешним покровом, и всем, что в ней есть на любой глубине.

Пустырь принадлежал династии Костабалов. И это вполне устраивало Педро. Будь здесь хозяином человек не очень богатый, имеющий всего гектаров сто, они не стали бы трогать его землю. А у Костабалов тысячи и тысячи гектаров. Не обеднеют.

Осваивать решили, конечно, не весь пустырь. Действуя осмотрительно, чтобы не вызвать подозрений, наметили участок, на котором можно будет разместить триста семей — примерно полторы тысячи человек. Количество участников операции не должно быть маленьким, чтобы полиция не могла с ними легко расправиться. Но и не настолько большим, чтобы потерять управление огромной массой совершенно неорганизованных людей. А полторы тысячи — цифра вполне подходящая. Рассчитали, чтобы каждой семье достался участок метров десять на двенадцать.

Конечно, на первый взгляд многовато. Ведь каждый должен соорудить только шалаш или палатку. Для этого нужен просто клочок земли. Но ведь и о перспективе надо думать, если уж идти на такое рискованное дело. Если все пройдет хорошо, постепенно раздобудут доски и построят большие сараи, перегородят их картоном или мешковиной, чтобы, как у людей, было отдельно кухня, отдельно широкий топчан для детей, а если их много, то и два топчана, и отдельно для главы семьи и стариков, если они есть.

На это надо тридцать пять — сорок квадратных метров земли. Но Педро взял широкий размах. Ему хотелось, чтобы осталось еще вдвое больше места для двора, где люди смогут развести кур или другую живность, где свободно играли бы дети, которых немало давили или калечили машины, пока они жили под мостами и на улицах.

Педро Кабесас и его товарищи — их было человек двадцать, все — коммунисты — условились, что в целях конспирации ни один из тех, кто будет строиться, не должен об этом знать до самого последнего момента. Так вернее. Но подобное решение накладывало на них большую ответственность. Надо никого не обидеть. Из четырехсот тысяч бездомных Сантьяго надо отобрать только полторы тысячи. При отборе решили исходить из количества детей у бездомного и степени бездомности. Если, скажем, небольшая семья прилично устроилась где-либо под скалой, да еще сумела кусками жести прикрыться от дождя и солнца, ее учитывали в последнюю очередь.

Составить список поручили самым справедливым. Механику по линотипам Эрасмо Майорике предстояло подобрать пятьдесят семей, плотнику Нельсону Хофре — тоже пятьдесят, и еще четверым коммунистам — по пятьдесят. Им разрешили включать в список семей по десять резервных, чтобы потом уже сообща точно все решить.

Руководители полусоток, как их называли,

обязаны были постоянно консультироваться друг с другом, чтобы их группы были одинаковыми. В каждой примерно одинаковое количество детей, безработных, стариков и равное количество коммунистов, чтобы в трудную минуту на них можно было опереться.

Немало времени требовала разметка пустыря. Ведь в момент, когда полторы тысячи людей ринутся туда, определять, кому где строиться, будет поздно. Если заранее пойти с рулеткой, значит, наверняка провалить дело. Заметят. Поэтому на пустыре появлялись парочки влюбленных, которые бродили по нему, то и дело целуясь или садясь отдохнуть, и никому не могло прийти в голову, что они считают шаги, что, садясь, будто для забавы, собирают в кучки камни или закрепляют на былыжнике цветную тряпочку, словно занесло ее сюда ветром, зацепилась она за колючку и просто лежит. Или вдруг пьяный забредет на пустырь и, покачиваясь, вышагивает медленно, старательно, как и положено пьяному, но все равно, на ногах держаться трудно, он падает, с трудом поднимается, снова идет и снова падает.

Так ставились первые вешки, делалась первая разбивка пустыря, еще не точная, но хоть примерно определявшая границы полусоток, а по возможности и отдельных участков.

А руководители полусоток и их помощники бродили по городу, беседовали с бездомными, будто от нечего делать, но точно выведывали необходимые им данные, а отойдя, заносили их в блокноты. Опасаться, что бездомного в нужный момент не окажется на месте, не приходилось, потому что таких, кто спит там, где его застала ночь, было очень мало, как правило, холостяки. Остальные имели точный адрес. Каждая семья все-таки как-то устраивалась на постоянное жилье. Одни под мостами или у глухих складских стен, другие у вокзала, у подножия гор, а немало их снимало угол в ветхих домиках или навес во дворе, принадлежавших таким же беднякам, как и сами бездомные.

Долго пришлось повозиться и с национальными флагами. Их требовалось триста штук, чтобы каждая семья могла вонзить в землю древко на своем участке во время операции, а потом водрузить на шалаше, ибо сорвать национальный флаг не всякий карабинер решится.

К концу подготовки, на которую ушло около трех месяцев, круг посвященных в это дело расширился. Сначала руководители полусоток сообщили о предстоящей операции коммунистам своей группы, а за два дня до назначенного срока с их помощью — всем остальным.

Бездомных предупредили, что с собой они должны иметь запас воды и пищи хотя бы на три дня, ибо скорее всего полиция блокирует пустырь и выйти оттуда удастся не сразу.

Педро Кабесас и его штаб понимали: если полторы тысячи людей одновременно ринутся из города со своим скарбом в одном направлении к пустырю, их обязательно заметят. Поэтому задолго до назначенного срока бездомные уходили в самых разных направлениях поодиночке, совершали большие обходы только по маршрутам, указанным руководителями, не подозревая, что они окружают пустырь.

Операция была назначена на два часа ночи. Командиры полусоток сверили часы и разошлись в разные стороны, где рассредоточились их люди.

В час ночи пошел дождь. К двум он превратился в ливень. Люди радовались этому. Ровно в два ринулись на пустырь, как в атаку. Бежали, стараясь не выпустить из виду своего руководителя, ибо куда именно надо бежать, никто не знал. Бежали с тюками, рюкзаками, детьми, знаменами, рейками, картонными и фанерными листами. В мокрой одежде с мокрыми вещами по размокшей земле пустыря в сплошной темноте бежали, задыхаясь, люди, и у всех хватало сил, потому что убегали они от проклятой бездомной жизни, с великой верой и надеждой.

На месте их ждали организаторы операции и члены комитетов полусоток, созданных заранее и состоявших из шести человек каждый. А член комитета отвечал за свою группу из восьми семей.

Дождь не утихал, темнота не рассеивалась. Под плач детей началась стройка, как штурм. Первый этап — воткнуть в землю древко знамени, вбить колья, накинуть на них тряпье, создать хоть подобие шалаша, чтобы на нем водрузить национальное знамя.

Люди строили жилье для себя, но по указанию членов комитета безропотно оставляли свои участки, чтобы помочь немощным. Жилье, пусть самое примитивное, пусть только контуры его, едва прикрытые, должно быть готово на всей территории одновременно, иначе ее не удержать.

И вместе с поселком рождалось нечто иное, куда более важное, что каждый ощущал, не отдавая себе в том отчета. Те, кто имел работу, знали, что у ворот фабрик и заводов ходят толпами безработные, готовые в любую минуту заменить их. Им казалось, будто те, что у ворот, только и ждут, чтобы кого-либо выгнали, чтобы покалечился кто-нибудь, все что угодно, только бы освободилось место. Те, кто не имел ночлега, завидовали хорошо устроившимся под мостами или навесами, успевшим захватить лучшие места.

Всю свою жизнь каждый из них в одиночку боролся за это место под мостом, за место на медных рудниках, на скотоводческих фермах. И в каждом, кто так же в одиночку боролся за свое место в жизни, видел конкурента. Всю свою жизнь эти люди, будучи незнакомыми, неприязненно, а то и с ненавистью относились друг к другу.

Строя шалашный поселок, впервые ощутили, что они люди одного класса, один коллектив, и интересы у них общие, и главный их враг — Костабалы и им подобные. Впервые ощутили великую гордость и ответственность за общее дело, ибо десятки и десятки бездомных вошли в комитеты матерей, безработных, молодежные, бытовые и другие комитеты, организованные в каждой полусотке коммунистами, которые уже в первый час стройки создали свою территориальную организацию в этом новом поселке, названном Бандера, что значит — Знамя.

А стройка продолжалась. Уже заканчивали натягивать палатку для медпункта, когда налетели карабинеры, оцепившие поселок.

Слишком поздно. Светило раннее солнце, сушились во «дворах» вещи, бегали возбужденные ночным происшествием дети, а на всех шалашах и палатках висели национальные флаги.

Карабинеров встретил коммунист — депутат парламента. Лицо официальное и неприкосновенное. Прибыли и другие прогрессивные деятели — опытные юристы, заранее подготовившие петиции к властям от имени застройщиков, которые, оказывается, делали какие-то взносы в строительную корпорацию, и хотя деньги небольшие, даже смешно называть их деньгами, но все-таки это взносы, и надо еще разобраться, действительно ли их мало, чтобы занять участок. Правда, без ведома Костабалов пустырь вообще занимать нельзя, но и тут надо разобраться, кто это все так напутал. В петициях было дано множество ссылок на законы, поправки к законам, и становилось ясно: просто сгонять сейчас людей с пустыря нельзя. Вопрос может решить только суд.

Это и объяснил депутат парламента полицейскому начальнику. И тот охотно принял подобное объяснение. Он хорошо знал характер чилийцев, видел, что их здесь полторы тысячи, а откуда полетит в голову камень, не увидишь. И перед начальством есть оправдание: не разрешил сносить шалаши депутат парламента.

Блокада поселка длилась пять дней. За эти дни многие наголодались, многие лишились работы, но утвердились на пустыре прочно. Судебная тяжба — дело долгое, и платить судебные пошлины должен тот, кто в суд обращается. Впрочем, на этот раз вопрос решился быстро. Спустя полгода правительство Фрея не то выплатило Костабалам стоимость земли, не то предоставило им другой участок.

А еще через полгода очередные триста семей бездомных заселили по соседству еще часть пустыря. Операция прошла более успешно. Во-первых, потому, что уже имели опыт, а во-вторых, люди первого поселка, состоявшего теперь не из шалашей, а сараев, вышли ночью на помощь вновь прибывшим.

К 1971 году был «освоен» весь пустырь. Теперь здесь больше тысячи сараев. Это и есть поселок Бандера, входящий в столичный район Гранха, где алькальдом — коммунист, бывший плотник с мебельной фабрики Педро Кабесас. На последних муниципальных выборах он получил больше всех голосов. И вообще коммунисты в этом районе пользуются огромным авторитетом. Но и ответственность на них, на социалистов, на представителей других партий Народного единства легла огромная. Жить в сарае, конечно, лучше, чем под мостом. Но сарай остается сараем. Керосиновое освещение, земляные полы, отсутствие канализации не могут не тревожить алькальда и весь муниципалитет.

Сегодня жилищная проблема в Чили едва ли не самая острая. В стране не хватает четырехсот тысяч жилищ для трех миллионов жителей. Каждый третий чилиец либо не имеет жилья, либо оно непригодно. Сто тысяч домов не имеют воды. По восемь человек живут в одной комнате. Это наследие прошлых режимов тягчайшим грузом легло на правительство Народного единства. И оно приняло «Чрезвычайный план строительства ста тысяч жилищ». Уже первое полугодие показало, что план будет перевыполнен.

Немалое место в плане отведено району Гранха. Я осматривал этот район, особенно поселок Бандера, и меня поражало одно обстоятельство. Поселки нищеты в разных странах разные. В Сингапуре, например, они сосредоточены на старых баржах. Перепрыгивая с одной на другую, рыщут голодные собаки, но чаек там не увидишь: ничто съедобное не летит за борт. По дну барж ползают дети. Здесь они рождаются, здесь умирают. В Индии жилье нищеты чаще всего сделано из упаковочного материала, и их карликовые картонно-фанерные домики лепятся друг к другу, как ячейки в сотах. Совсем по-другому выглядят трущобы Парижа. Но есть одно общее для всех поселков нищеты: лица и фигуры людей. Они выражают безнадежность. Полное безразличие ко всему окружающему. Кажется, людям совсем неважно, будут они жить или нет.

Поселок Бандера, особенно та его часть, где еще не успели соорудить сараи,— одна из разновидностей поселков нищеты. Но вот лица людей не могут не удивлять. Жизнерадостные, веселые. Чему же радоваться?

— Поедемте, посмотрите,—сказал секретарь райкома коммунистической партии Оскар Рамос.

Мы поехали вчетвером — Оскар Рамос, Педро Кабесас и архитектор района коммунист Франсиско Эйхо. В глубине поселка Рамос сказал:

— Остановите машину, где вам хочется.

— Ну, хотя бы здесь.

У ограды какая-то женщина кричала:

— Реже, Реже, сейчас же домой!

Мы вышли из машины, и Кабесас спросил, можно ли войти в ее дом. Она радостно заулыбалась. Видно, хорошо знала своего алькальда. Конечно, можно.

В доме две комнаты, одна из них — детская, и кухня. Всего тридцать два квадратных метра. Три кровати. Здесь живут восемь человек. Рабочий лесопильного завода Филимер Арамеда, его жена Гирея и их шестеро детей. Филимер и Гирея имеют отдельную кровать, а дети спят по трое на одной. В земляной пол вбиты четыре кола, на них щит. Это единственный стол в доме. Три самодельных стула, лавка. Стены и потолок сделаны из горбыля. Повсюду щели. В детской много тряпичных кукол. Они аккуратно рассажены на постелях.

— Когда идет дождь,— радостно говорит Гирея,— нам все равно, где находиться,— на улице или дома. Здесь все заливает.

Она улыбается, улыбаются и мои спутники.

— Ну, хватит,— говорит Педро Кабесас,— пошли во двор.

Позади жилища Гиреи на ее участке строился кирпичный дом. Еще немного и подведут под крышу. А готов он будет через три месяца. И переедет сюда Гирея со своей семьей.

Темнело. Но вдоль всей улицы, по обе ее стороны, были отчетливо видны позади сараев кирпичные остовы будущих коттеджей.

Вот почему улыбались люди поселка нищеты. И еще потому, что теперь Гирея получает бесплатно три литра молока в день. По поллитра на ребенка, как получает каждый ребенок Чили.

Стены огромного сарая, где помещается

контора строительства городка, заклеены списками, в которых точно указано, кто и когда получит новую квартиру. А на большом плакате дана таблица, по которой определялась очередность. Здесь два главных критерия: зарплата и количество детей. Чем меньше зарплата и больше детей, тем быстрее семья получит квартиру.

Как же не радоваться простому люду из поселка нищеты!

БРАТЬЯ

На медных рудниках в скалах диких Кордильер, в пустыне и Сантьяго, на Огненной Земле и в обширных районах чилийской Патагонии — всюду, где довелось побывать, с удивительной теплотой и любовью встречали чилийцы советских людей.

На самом юге латиноамериканского материка, в центре провинции Магальянес — Пунта-Аренасе, шло городское собрание коммунистов и тех, кто помогал им в избирательной кампании. Здесь и произошел эпизод, о котором хочу рассказать.

В собрании участвовало человек двести. Оно было торжественным, праздничным. Вместе с известным писателем-коммунистом Франсиско Колоане и переводчиком мы приехали в город, когда собрание уже началось. Попали туда с большим опозданием. Устроиться тихонько сзади на свободных местах не удалось: Колоане здесь многие знали в лицо. Встретили его радостно, шумными аплодисментами, пригласили пройти вперед. Когда люди утихли, председательствовавший объявил, что вместе с Колоане прибыл советский писатель.

И вот тут-то и произошло совершенно невообразимое. Зал гремел от аплодисментов и здравиц в честь Советского Союза. Со всех сторон неслись возгласы, в которых отчетливо выделялись слова: «совьетико» и «коммуниста». Зал рукоплескал стоя.

Откровенно говоря, я растерялся. Надо было как-то унять эту бурю. И тут в голову пришла мысль, на которой хотелось бы остановиться. За рубежами нашей Родины бывают тысячи и тысячи советских людей. Многие потом делятся впечатлениями, выступая в печати, по радио, телевидению. И о том, как их встречали, либо совсем не говорят, либо скороговоркой сообщают о теплых улыбках и рукопожатиях, торопясь при этом заверить, что вся теплота относилась не лично к ним, а к нашей стране.

Подобной оговорки можно бы и не делать за абсолютной очевидностью этой истины. Тем не менее люди словно стесняются рассказывать, как их встречали. А мы ведь знаем, как встречают, например, в той же Латинской Америке представителей США. Не очень тепло встречают. В лучшем случае безразлично. И это тоже характеризует отношение не к данному гражданину США, а к его стране. Так пусть они, американцы, стесняются сообщать о своих встречах за рубежом.

Когда на собрании в Пунта-Аренасе я лихорадочно думал о том, как остановить шквал приветствий, и пришла в голову эта мысль: «А зачем? Почему надо мешать людям выразить свою любовь к нашей Родине, к народам нашей страны, к нашему образу жизни?» Нет, пусть бушует зал. И еще долго не умолкали приветственные возгласы и рукоплескания. А когда собрание кончилось, трудно было уйти. Просто физически не отпускали. Задавали вопросы, жали руки, дружески хлопали по плечу. Или просто смотрели. Это ведь тоже немало. Я видел их глаза. Так смотрят родные.

Но, может быть, это не показатель отношения к нам чилийцев? Это ведь было собрание только коммунистов и им сочувствующих. Нет, показатель. Я изъездил немало чилийских городов и сел, встречался с самыми различными людьми и повсюду видел восторженное к нам отношение. Только выражалось оно по-разному.

В Сантьяго я присутствовал на собрании чилийских писателей. В нем принимали участие итальянский писатель Карло Леви, боливийский писатель Гектор Теран, испанский — Сострe и другие. Гостей представили собравшимся. Как и положено в приличном обществе, их приветствовали аплодисментами. Не буду упирать на то, что советского представителя встретили с особой теплотой. Но я обратил внимание на рыжего человека, сидевшего поблизости от меня. Он был единственным, кто не аплодировал советскому представителю. Это-то и бросилось в глаза.

Первую речь произнес президент общества писателей Чили Луис Мерино Рейес. Когда он заявил, что абсолютно подавляющее число населения поддерживает правительство Народного единства, рыжий человек громко выкрикнул: «Это ложь!» И потом на протяжении почти всей речи Рейеса он бросал реплики, вызывавшие возмущение собравшихся, требуя немедленно предоставить ему слово. И когда в ответ на заявление Рейеса, что слова тот не получит, зал одобрительно загудел, рыжий вскочил, закричав: «А я все равно буду говорить».

Говорить ему не дали. Первым бросился к нему романист и исследователь чилийского фольклора Диего Муньос, а за ним еще несколько человек. Рыжий отчаянно сопротивлялся, но под крики всего зала «Вывести!» его вытолкали за дверь, а потом и вовсе вышвырнули на улицу. Собрание спокойно продолжалось. Когда оно закончилось, ко мне подошли несколько человек. Поэтесса Мария Христиана Менарес сказала:

— Извините, пожалуйста, за этот инцидент, он нам очень неприятен.

Кто-то из иностранных писателей заметил:

— А все-таки зря не дали ему высказаться. Ведь явно все собрание против него. Ну, и пусть освистанным сошел бы с трибуны и не смог бы кричать потом, что нарушена демократия.

— Нет, нельзя было давать ему слово,— решительно возразила поэтесса.— Вы правы, что все собрание против него. И не желает его слушать. А он решил силой заставить нас подчиниться ему. Вот это вы считаете демократией?

Ее оппонент молчал.

— Нет,— вновь заговорила она горячо.— Мы ведь его хорошо знаем и знаем, о чем он будет говорить. Он выступает не только против единства, но и против всего прогрессивного, что сейчас проводится в стране. Так вот, демократия по-нашему — заглушить голос реакции. Подлинная демократия — это подчинение большинству.

Поэтессу поддержали все стоявшие рядом.

— И знаете,— как бы доверительно сказала она,— в этом инциденте есть еще одна сторона, может быть, главная. Этот тип еще и ярый антисоветчик. И мы не желаем заставлять советского человека слушать клевету на Советский Союз.

К нам подошло еще несколько человек, и спор продолжался. Вернее, это был уже не спор, а беседа единомышленников. Писатели говорили о том, что реакционные силы, не желая мириться с новым строем, ведут атаку против всех мероприятий правительства и что пора положить этому конец.

Один из участников беседы заметил:

— А что касается Советского Союза, то я вполне согласен с Марией. Любой реакционер, выступающий против нового строя, неизменно оказывается и антисоветчиком. И, напротив, всякий антисоветчик рано или поздно проявляет себя как противник Народного единства. Поэтому мы не видим между ними разницы. И как ни парадоксально, но действия реакции еще более укрепляют нашу любовь к Советскому Союзу.

О том, как чилийцы относятся к нам, могу судить по личным впечатлениям. Я не встретил в Чили уголка, где бы любовь к Советскому Союзу не проявлялась. Порой она принимала самые неожиданные и трогательные формы.

Путешествуя по Огненной Земле вместе с Франсиско Колоане и руководителем организации по проведению аграрной реформы Америко Фонтано Гонсалесом, мы поздним вечером забрели в рабочий поселок нефтяников Весьентес. Гонсалес повел нас к своим друзьям. Глава семьи Дароч Гастон — на вид ему лет тридцать — работает механиком на государственном заводе по переработке нефти. Заводом это предприятие можно назвать лишь условно, ибо там всего сорок рабочих. Впрочем, предприятие механизировано и продукции дает много. Жена Дароча — Мирта, жизнерадостная молодая женщина,— безработная художница.

В небольшой комнате, разделенной на две низеньким стеллажом, с маленькими креслицами и столиком, кроме хозяев, было трое их друзей, рабочих того же завода. Один из них, как и Дароч,— коммунист, двое — социалисты. И в этот поздний вечер они сидели за учебником диалектики, на первой странице которого было написано: «Перевод с русского». Так, за политической литературой, в спорах о будущем своей родины проводят не один вечер эти молодые люди.

Наш приход был встречен бурной радостью. Они сразу узнали Франсиско Колоане и радовались тому, что в их доме знаменитый писатель. А когда Америко сказал, что вместе с ним и человек из Советского Союза, люди просто растерялись. Какое-то время с благоговением и молча смотрели на меня, пока Мирта не сказала:

— Этого не может быть.

И тут все пришло в движение.

— Садитесь, вот сюда садитесь...

— Нет, вот здесь будет удобнее...

— Как же так, боже мой...

Мирта вдруг стала наводить порядок на стеллаже, поправлять скатерть. Двое убежали на кухню. На столе появилось вино, а в руках красивого парня с пышными бакенбардами — гитара.

...Мы сидели до глубокой ночи. Как ни старался я говорить о Чили, разговор шел о Советском Союзе. Когда я сказал об этом, Дароч улыбнулся и очень убежденно, как-то душевно ответил:

— Мы ничего не знаем о вашей великой стране. Говорите, пожалуйста, мы просим вас.

— Так уж и ничего? А радио вы слушаете?

— Слушаем. Но Советский Союз нам трудно ловить. Мы каждый день слушаем Америку и каждый день не верим.

...Паром через Магелланов пролив, который нам предстояло пересечь, чтобы попасть на мыс Последней Надежды, отходил в четыре утра. И хотя до пристани было недалеко, Дароч куда-то убегал и вернулся с двумя машинами. Это были повсеместно распространенные на Огненной Земле, да и в других городах Чили, широкие однотонные полугрузовики «форд» с кабиной, рассчитанной на трех человек.

Когда пришло время прощаться, Мирта отвела мужа в сторону. По глазам было видно, что она просит о чем-то. Улыбаясь, он утвердительно и радостно закивал и направился к маске клоуна на стене. Это была удивительная маска, на которую я обратил внимание, как только вошел в дом. Удивительное заключалось в том, что широко улыбающийся клоун готов был вот-вот расплакаться. То ли оттого, что я видел маску с разных ракурсов, то ли от освещения, но в какие-то минуты казалось, будто он только улыбается. А всмотришься и видишь, какое большое горе на душе у этого человека, и неизвестно, хватит ли дальше сил балагурить, и хлынут сейчас слезы, и он забьется в истерике.

Маску создала Мирта из черной марли. Сначала вылепила заготовку, накрыла ее марлей, пропитанной сильно вяжущим веществом, потом растягивала складки, делала морщинки, накладывала мазки золотой краски. Когда марля отвердела, ее сняли с заготовки. Я не знаю, можно ли назвать эту маску произведением искусства, но смотреть на нее хочется долго. И не сразу уходят мысли о судьбе этого человека. Видимо, дольше, чем надо, смотрел я на него...

Дароч снял со стены барельеф, а Мирта тщательно завернула его в крафтбумагу и подошла ко мне:

— Это в память об Огненной Земле.

Когда Дароч еще снимал маску, я понял намерение супругов и твердо решил не брать такого подарка, тем более что Дароч сказал:

— Это — любимое творение Мирты.

Попытался как можно убедительнее объяснить, почему отказываюсь. Но Мирта сказала:

— А вы не можете решать, брать или не брать. Это Огненная Земля посылает Москве. А у вас пусть он на хранении будет, и напишете мне, как будет себя чувствовать. Я ведь действительно очень люблю его.

...Машину, в которой мы ехали с переводчиком, вел Дароч Гастон, вторую, с Колоане и

Гонсалесом,— его друг. Было темно до черноты. Шел дождь. Всю дорогу Дароч сокрушался: «Ну, как же можно, всего на несколько часов?! Что я завтра скажу товарищам по ячейке? Обидятся, почему не позвал».

Заводская ячейка коммунистов состоит из девяти человек. Почти каждый четвертый рабочий — коммунист. В те дни они готовились к созданию организации единого действия. Такие организации создавались повсеместно на предприятиях, в учреждениях, деревнях, учебных заведениях. Их было уже тысячи и тысячи.

Комитеты единого действия, созданные в период подготовки к президентским выборам, сыграли немалую роль в победе левых сил. Количество этих организаций умножилось к муниципальным выборам, где окончательно утвердилась их дееспособность. Теперь функции их расширились, и они стали надежной опорой нового строя.

— Мы не дадим реакции поднять голову,— говорит Дароч.— Организации единого действия по всей стране будут давить в зародыше любые попытки реакционных сил нарушить мирное течение новой жизни. Но если понадобится, по призыву правительства мы все поднимемся на защиту нового строя.

...У пристани выяснилось, что паром задерживается минут на сорок.

Дароч говорит:

— Это бывает не так уж редко. Течение очень капризно. Оно достигает двадцати километров в час, при ветре — до ста километров да еще дважды в сутки меняет направление. А во время прилива уровень воды поднимается на двенадцать метров. И ничего удивительного,— улыбается он.— Ведь сюда устремляются, здесь сталкиваются воды двух океанов. И неизвестно, какой из них сильнее и свирепее.

Гастон достал из-за сиденья большой термос и чашечки. Это предусмотрительная Мирта снабдила на всякий случай чаем.

Дождь не утихал. Мелкий, густой, тоскливый. Свет от фонарей увязал в нем и не пробивался на пристань. Волны казались черными.

Мы сидели в кабине и пили чай. Гастон рассказывал.

Этот остров Магеллан назвал Огненной Землей потому, что, проходя мимо него по проливу, увидел множество огней. Должно быть, горел газ. А теперь здесь один из главных источников чилийской нефти. Большие ее запасы обнаружены на дне Магелланова пролива. Но ставить вышки в таком коварном проливе невозможно. Поэтому к ней подбираются через наклонные штреки, идущие с берега.

Гастон с радостью рассказывал, как впервые в Чили была обнаружена нефть. Два года ее искали немецкие и французские специалисты, но нашел нефть чилийский инженер Эдуардо Симен, и вовсе не там, где искали иностранцы. Это был довольно популярный человек, хотя имя его знали немногие. Он был известен больше по кличке «Осьминог», которой удостоили его футбольные болельщики как непревзойденного вратаря. Нефть он обнаружил 28 декабря, а этот день соответствует нашему первому апреля. Поэтому никто ему не поверил. И только на следующий день открытие Симена признали.

Гастон оборвал свой рассказ, словно спохватившись, и снова заговорил о Советском Союзе. Его теперь интересовало, как в нашей стране относятся к событиям в Чили, к их новому строю, как расценивают у нас положение на его родине. Ему было очень важно знать это. Он так и сказал: «Мне необходимо сообщить товарищам по ячейке точку зрения Советского Союза». Мое замечание о том, что могу высказать лишь свою точку зрения, поделиться личными впечатлениями, он пропустил мимо ушей. Слова советского человека он воспринимал чуть ли не как официальные заявления нашего правительства. И принимал эти слова с огромным уважением, радостью, даже с гордостью.

...Огненная Земля, Патагония, Последняя Надежда, Магелланов пролив... Что-то бесконечно далекое, романтическое, таинственное...

Так, возможно, воспринимали чилийцы мою родину на другом берегу океана. Но всем своим существом они вместе с нами. Совсем близко.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Я. ЛЕМЕШЕВА

Борис **ПРИМЕРОВ**

ДАР СЕРДЦА

Из деревни Старое Князево ранним студеным утром, прошагав пятьдесят верст по морозу, пришел в Тверь семнадцатилетний паренек Сергей Лемешев, чтобы начать певческую жизнь.

Кто слышал Сергея Яковлевича Лемешева, кто видел его на сцене хоть раз в жизни, тот может считать себя счастливым человеком, ибо каждое новое выступление большого артиста — это нечто неудержимое, невозвратное, чýдное, остающееся в душе светлым воспоминанием.

Сила и стихия лемешевского дарования так велики, что голос его знают все, потому что голос этот воспитан русской природой, народной песней и имеет свой неповторимый и неподражаемый цвет. Да, именно цвет, тот, который можно не только разгадать в звучании, но и словно бы увидеть глазами... Это необыкновенные переходы от света к тени. Это розовый, с переходом в малиновый тихий летний вечер, это — радостное начало пробуждения мира. Если удивительнейший голос Энрико Карузо чарует своей недосягаемой физической мощью и прелестью, почти мистическим совершенством, то удивительнейший голос Лемешева захватывает непостижимой природной философией, земной, полной живых соков силой. Не оттого ль, когда по радио мы слышим названия песен — «Коробейники», или «Хуторок», «Вдоль по улице метелица метет» или «Ничто в полюшке не колышется», выразивших не только опыт народного быта, но и опыт его духовной жизни, мы хотим вслед за этим слышать имя Сергея Лемешева. Его голос — душа народа.

Есть певцы, достигшие своих высот в определенной области вокала. Так, лишь с русской народной песней едина судьба Лидии Руслановой. Так, именно оперным гениальным талантом живет в памяти нашей Леонид Собинов. Так, с именем Вари Паниной тесно связан у нас русский и цыганский романс. Конечно, мы не собираемся сравнивать каждого из этих по-своему неповторимых исполнителей с Сергеем Лемешевым. Но удивительно то, что он сумел вобрать в себя и песню, и романс, и высоту оперного искусства и остаться при всем этом неподражаемым. Остаться во всем этом Лемешевым. Природный артистизм певца и русская чарующая школа пения позволили ему подняться до самых вершин отечественной и западной классики...

Известно, что камнем преткновения даже для итальянских искушеннейших в вокальном искусстве исполнителей считается русская опера, потому нередко их попытки выйти за пределы своих национальных шедевров оборачивались неудачей. Свойство же русской вокальной школы таково, что не только широтой диапазона, не только отточенной техникой, но и колдовской индивидуальностью, силой чувства, вкладываемого в музыкальную фразу, эта школа всюду завоевывает слушателей.

Ни для кого не будет новостью, что вслед за блистательным успехом Шаляпина, Собинова, Неждановой Лемешев добился полного откровения в таких операх, как «Севильский цирюльник», «Травиата», «Ромео и Джульетта», «Фра-Дьяволо»...

О своем творческом пути, об удачах и неудачах, о любимых партиях и партнерах, с которыми за долгую сценическую жизнь довелось работать певцу на сценах многих театров страны, С. Лемешев рассказывает в воспоминаниях «Путь к искусству» (изд-во «Искусство», М., 1968 г.). Из этой книги мы узнаем о становлении личности художника и о том, кто помог этому становлению. С особенной теплотой и нежностью вспоминает артист о Леониде Витальевиче Собинове, которому студент третьего курса консерватории так «блистательно подражал» и чье творческое обаяние, уже переосмысленное собственным талантом, навсегда вошло в душу.

Пятьсот раз выходил на сцену театра Лемешев в роли Ленского. Казалось бы, к законченному образу, созданному Собиновым, невозможно добавить что-то новое, что это новое будет лишним, инородным. Но удивительный голос и художническая интуиция Лемешева сделали свое. Его Ленский исполнен такой самобытной теплоты и трогательности, такой гармонии, отвечающей замыслу композитора, что ни о каком подражании великому певцу не может быть и речи. Это — новое начало, еще более укрепившее собиновский, ставший классическим, образ гениальной оперы. Несмотря на то, что, по замыслу Чайковского, на челе поэта лежит печать рока, всевластного над его судьбой, именно этот образ является одним из самых светлых в мировой классике. Именно он утверждает вечную песню любви и тем самым — жизни! Лемешеву удалось сердцем услышать и передать «златые дни весны», весны-юности, задумчивой, немного грустной, но всегда чистой. Даже тоска по невозвратным мгновениям Ленского—Лемешева полна утреннего света и мудрости. Достигнуть этого певцу удалось благодаря безоблачным, солнечным очертаниям его голоса; благодаря тому, что, по воспоминаниям самого Сергея Яковлевича, он «чуть ли не с детских лет» обращал внимание на «переживание, заложенное в тексте»; благодаря тому, что он всю свою певческую жизнь учился «петь мысли».

Есть в репертуаре Лемешева еще один светлый образ, который близко стоит к Ленскому. Это Вертер из одноименной оперы Массне. Вертер тоже молод. Но его повесть — это плач уже искушенной жизнью души. Это — одиночество, ищущее единственный выход в любви. Это — прощание со счастьем. Это жизнь духа и борьба его за жизнь. Такой виделась опера постановщику и исполнителю главной партии — С. Лемешеву. Такой она удалась ему, такой и запомнилась слушателю. Не секрет, что среди множества партий, созданных большими артистами, есть самые яркие, самые красочные, самые значительные. Это Борис Годунов Шаляпина, Юродивый Козловского («Борис Годунов»), это Герман Нэлеппа («Пиковая дама»). В сценическом репертуаре Лемешева особняком стоит партия царя Берендея. Когда слышишь певца и видишь его в «Снегурочке», начинает казаться, что Римский-Корсаков писал партию именно для голоса «лемешевской» окраски.

Мы с благодарностью можем вспомнить многие отмеченные высоким вдохновением оперные роли Лемешева. Молодой Дубровский из оперы «Дубровский», Альфред из «Травиаты», Герцог из «Риголетто», Рудольф из «Богемы», Левко из «Майской ночи», Индийский гость из «Садко»... А сколько подарено людям народных песен, сколько воскрешено для жизни полузабытых русских романсов!

Подвижнический труд совершен певцом, впервые подготовившим к исполнению и исполнившим все сто романсов П. И. Чайковского, необычайно родственного певцу.

Время идет необратимо. Как ни печально, а юность, пролетевшая «соловьем залетным», остается позади... Но прожита она счастливо, ибо обращена к самому вечному в жизни — к искусству.

В. Трифонов (Москва). 1941 ГОД. ЮНОСТЬ.

Выставка произведений молодых художников.

И. Зарипов (Казань). В КОЛЫБЕЛИ.

Выставка произведений молодых художников.

Начало см. на стр. 8.

Дейнека снова стал улыбчивым.

«Леночка, ведь таких девушек сейчас много. Вот, наверное, и вы скоро будете такими».

Он крепко пожал нам руки. Больше я никогда его не видела.

Ребята-студенты потом долго шутили над нами и посмеивались. Ведь наша «миссия» не увенчалась успехом. Но все же школу Дейнеки мы получили, ведь к нам пришла вести курс Клавдия Александровна Тутеволь — ученица Александра Александровича. Начался трудный путь, мы копировали Джотто, Венециано, Пьеро делла Франческа, Боттичелли. Резали сграффито, писали фрески, укладывали мозаику, учились готовить левкас. Много рисовали, писали натуру. Я была влюблена в этюды Александра Иванова, мне помогли раскрыть мир Венецианов, Рябушкин, Петров-Водкин, Дейнека.

И вот наконец наступило лето. Судьба привела нас на родину Кустодиева под Астрахань, и мы увидели во всей живописной красе юг России. Село Соленое Займище. Старинное предание гласило, что у Крутого Яра, на котором стоит село, затонула баржа с солью и просолила волжскую воду. В колхозе нас ждали. Ведь институт прислал нас по просьбе правления расписать Дворец культуры. Им надо было открыть его к пятидесятилетию Октября. Но когда председатель увидел нас, признаться, он был разочарован: слишком юны мы были. Наверное, не хватало солидности. Но когда мы начали работать, то понемногу, не спеша началась и дружба. Мы жили в новом доме, который был приготовлен для молодоженов. Не скрою, они очень ждали, чтобы мы быстрее кончили роспись. А мы старались вовсю. Нас было четверо. Осетин Арнольд Лолаев (которого в деревне все звали почему-то Ренольдом — так, наверное, проще), белоруска Галя Синяк, перуанец — да, перуанец, не удивляйтесь — Лионель Анхель Веларде. Кстати, он на днях закончил огромную фреску «Латинская Америка борется» у нас, в Москве, в Институте Латинской Америки Академии наук СССР.

Но вернемся на берега Волги. Пять месяцев, с июня по октябрь, мы работали не покладая рук. Сдали работу раньше срока и уехали в Москву. Жалею, что я не была на торжестве открытия, но верю, что наша скромная работа принесла людям радость. Для меня и моих товарищей по бригаде это была первая школа. Мы близко увидели Волгу, село, колхозников, сдружились, сроднились с ними. Я никогда не забуду славных волжан. Им посвящены мои три композиции «Тетя Шура», «Волжане» и «Банный день тети Маши»...

«Тетя Шура». За столом, покрытым белой скатертью, собрались пить чай баба Шура и две внучки. Шумит самовар, оседланный расписным, цветастым чайником. Бабуся неспешно пьет чай, младшая внучка Галя в оранжевом пестром платьице уплетает астраханский красномясый с малахитовой коркой арбуз. Старшая внучка Тоня завороженно слушает бабушкины рассказы. За окном виден причал Соленого Займища. Черные, востроносые рыбачьи лодки. А дальше необъятная, серебряная от солнца Волга и, как муха в молоке,— малыш буксир. На лавке сидит ухоженный хозяйский кот, воспитанный, вскормленный на волжской рыбке. Он глядит в упор на художницу, видно, ждет часа, когда осетин Арнольд сделает душистый шашлык из барашка и угостит его.

«Волжане». На этом небольшом холсте изображены те самые молодожены, в будущем доме которых жила бригада художников... Открытые, добрые лица. Особый, волжский, напоенный ветром и солнцем легкий, золотистый загар лиц, и поэтому так своеобразно глядятся выгоревшие русые волосы, поэтому так мягко отражается небо в ясных глазах молодых. Художник взял фигуры крупно. Форма живописи обобщенна, монументальна. Живописец не скрывает своей любви к этой красивой и славной паре. Широко написан фон этой картины-портрета: село на Крутом Яру и простор великой русской реки.

«Банный день тети Маши».

Соленое Займище. Деревянные избы, украшенные затейливой резьбою. Узорчатые, кружевные наличники окон. Резные солнца на фасадах домов. Погожий день. На скамеечках у изб чинно беседуют старухи. По стенам сараев развешана и вялится серебряная волжская рыбка. На переднем плане — тетя Маша. Величественная, распаренная, в белом платке. На полном плече ее вышитое полотенце. Не спеша, с чувством заплетает она тугие дочкины косы, еще влажные после бани.

Неспешным, но каким-то очень основательным и устойчивым укладом пронизан этот своеобразный холст. Московская художница откровенно восхищается пластикой этих детей Волги — сильных и наполненных неистребимым жизнелюбием.

В этих полотнах впервые Елена Романова заявляет о себе как недюжинный живописец и рисовальщик, способный не только отражать красоту внешнего мира, но и проникать в сложный духовный мир полюбившихся ей людей.

Есть еще одна черта, присущая творчеству молодого мастера. С самых первых шагов живописец понимает монументальность не как некое необходимое огрубление формы, столь модное в последнее время, а старается выразить в формах обобщенных красоту, пластичность окружающего мира. Раскрывает гармоничность духовного облика человека. Может, не всегда это доведено до конца в цвете, но думается, что это преодолимые трудности роста.

— И вот наступил пятый курс, преддипломный — рассказывает Лена,— я поехала в Каргополь, Архангельской области. Русский Север... Он пленил меня своей строгой красотой. Я жила дипломом, носила в душе лишь диплом, собирала материалы, копила запас впечатлений.

Лена вдруг уходит, и вскоре пол комнаты расцветает от рисунков, этюдов, эскизов.

— Река Чурьега. Село Ошевенское. Здоровый уклад, простые нравы. Крепко сколоченные люди дали и мне то внутреннее здоровье и чистоту, которая так необходима художнику. Я много ездила, собирала и наблюдала.

На нас с этюдов и эскизов глядят осанистые старики, молодые, статные женщины, белобрысые, вихрастые мальчишки.

— И вот наконец наступила долгожданная пора диплома. Его у меня здесь нет, да он, впрочем, сюда бы и не влез по размеру. Все-таки холст — три с лишним метра по ширине.

Тут Лена вновь открывает заветную папку и после некоторых поисков достает фотографию.

Диплом «Русская мать». В эту монументальную роспись вложен огромный труд молодого художника. Не девичья — зрелая рука мастера создала эту многофигурную композицию. В ней весь опыт наблюдений, вся многолетняя школа. Более тридцати фигур в рост написала Романова. И это не просто натурщики, одетые в нужные костюмы. Это характеры, сильные, честные, прямые. За длинным столом родичи. Стар и млад. Все они, как цветы к солнцу, обращены к матери. Группы скомпонованы сложно и пластично. Фон — отягощенные плодами яблони — подчеркивает лейтмотив полотна. Роспись оставляет ощущение радости жизни и редкой духовной чистоты.

— Нас, дипломников монументального факультета, было немного. Но это был поистине интернационал: немец Инго Санднер из Дрездена, москвичка Лена Тупикина, Батын Болд из Монголии, Николай Чаругин из Уфы, Лионель Анхель Веларде из Перу и я. Было очень торжественно. За большим столом — академики, живописцы, скульпторы, графики.

Клавдия Александровна Тутеволь волновалась не меньше нас. Но она очень сдержанный человек. Ведь за годы учебы я ни разу не слышала от нее большой похвалы. Но на дипломе она вдруг растрогалась и сказала про меня и Лену Тупикину: «Вот мои две жемчужинки, и мне жалко с ними расставаться».

Когда мы дарили ей розы, это была лишь малая мера нашего волнения и признательности.

Москва, 30 июня 1972 года. Кузнецкий мост. Дом художника. Девятая Выставка молодых художников Москвы. Около восьмисот произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, работ художников театров и кино представлено здесь. Это очень интересная экспозиция, требующая глубокого и серьезного разбора...

В центре огромного зала три работы Елены Романовой: «Автопортрет», «Бульвар космонавтов», «Председатель колхоза».

— Я писала «Председателя колхоза» в Барыбине, под Москвой, где мы работали с Леной Тупикиной, расписывали клуб. Героя моей картины зовут Василий Григорьевич Елисеев, это необыкновенный человек большой воли и самодисциплины. Он вставал с первыми петухами, каждое утро в пять часов, и ложился спать после полуночи. Мне стоило огромного труда уговорить его позировать: так он всегда был занят. И сказать откровенно, конечно, мне мало было этих трех сеансов, чтобы по-настоящему, как мне хотелось, написать этого человека.

«Председатель колхоза»... Вот он на миг остановился и задумался. О чем? О нелегких буднях. О жизни. А может быть, о завтрашнем дне. Художник рисует нам образ сложный. Он лишен напускного оптимизма. Несмотря на то, что сюжет полотна — прогулка, главный персонаж картины не беспечно фланирующий молодой человек. Он полон мыслей, иногда не очень веселых. Но это не рефлексирующий мечтатель. Нет. Он крепко сшит, этот новый человек, герой нашего времени. О его характере говорят черты лица — мужественные, открытые. Вот он сорвал где-то василек и на один миг остановился... Прислушался к голосам лета: поет жаворонок, гудят пчелы, где-то вдалеке пыхтит трактор, поют женщины, идущие с сенокоса, звенят ведра у колодца, кричат мальчишки, запускающие змея.

Бурлит жизнь.

У маленького домика молодая женщина с малышом. Дочка бежит по дорожке встречать идущую с работы маму... Люди. Их заботы и радости. Обо всем должен помнить настоящий председатель.

Напоенный душистым ароматом сена ветерок колышет травы, гнет венчики полевых цветов, гонит бумажного змея, доносит до нас ржание жеребенка, смех мальчишек.

— Раздолье. Мир. Человеческое счастье, радость труда и будничные заботы хотелось мне собрать в этом холсте,— вдруг говорит автор,— только жалко — было мало времени, и я не все довела до конца. Один критик на обсуждении справедливо ругал меня за открытый, локальный цвет картины. Мне, конечно, больно это слушать, но я знаю, что во многом он прав. Надо работать, работать, работать, как говорил нам Дейнека.

Когда писала «Бульвар космонавтов», я вспоминала стихи Андрея Вознесенского из книги «Стрела в стене». Вы помните: «Детсад — как семь шаров воздушных, на шейках-ниточках держась».

«Бульвар космонавтов». Весна. Грачиный грай. Мягкие пушинки вербы. Стройная стрела Останкинской телебашни. Вечно живые цветы у бюста Гагарина. Сегодня... И в этом огромном звенящем мире стайка гуськом идущих детишек, нежных и хрупких.

— Может быть, эта моя картина и чистая лирика,— произносит задумчиво Лена,— но это, знаете, бывает весною... Это уж точно.— И вдруг усмехается озорно, и вы чувствуете, что живописцу еще нет тридцати.

— Когда я писала «Автопортрет», мне хотелось сказать, что монументальное искусство — серьезное дело. И что, может быть, я тоже стала взрослее и серьезнее. Может быть, мне порою и страшно, но надо, надо, надо пытаться сказать полновесное слово о нашем времени, в котором вы и я, все мы живем и которое я так люблю. Мне еще раз хочется вспомнить Дейнеку и его напутственные слова: «Художник должен принадлежать своему времени».

* * *

Дейнека... Сегодня, когда со дня его кончины прошло три года, мне хочется вспомнить об одном вечере... последнем.

1969 год. Май. Сумерки. В квартире на Бронной тихо. В окно доносится шепот вечернего города, обрывки музыки, чей-то смех.

Александр Александрович Дейнека сидит в глубоком кресле. Он как бы прислушивается к голосу города.

— Хорошо быть молодым,— вдруг проговорил Дейнека.— Да, хорошо быть молодым, гулять вечером по парку. Где-то вдалеке играет оркестр. И ты слушаешь звуки музыки Чайковского или Шопена. Это хорошо.

Голос великого мастера звучал глухо. Тени сгущались. В синем провале окна зажглись первые звезды.

— Посмотри в окно. Дети, старушки, девушки бегут, бегут. Куда-то спешат. Так бежит жизнь. Я видел в Европе на старых замках вырубленные слова: «Мы слишком поздно понимаем, как у нас мало времени». Надо не терять время.

Как прекрасна «Сирень» Врубеля!— произносит Дейнека.— Это вечерняя песня. Я сейчас слышу, как звучит цвет врубелевской сирени.

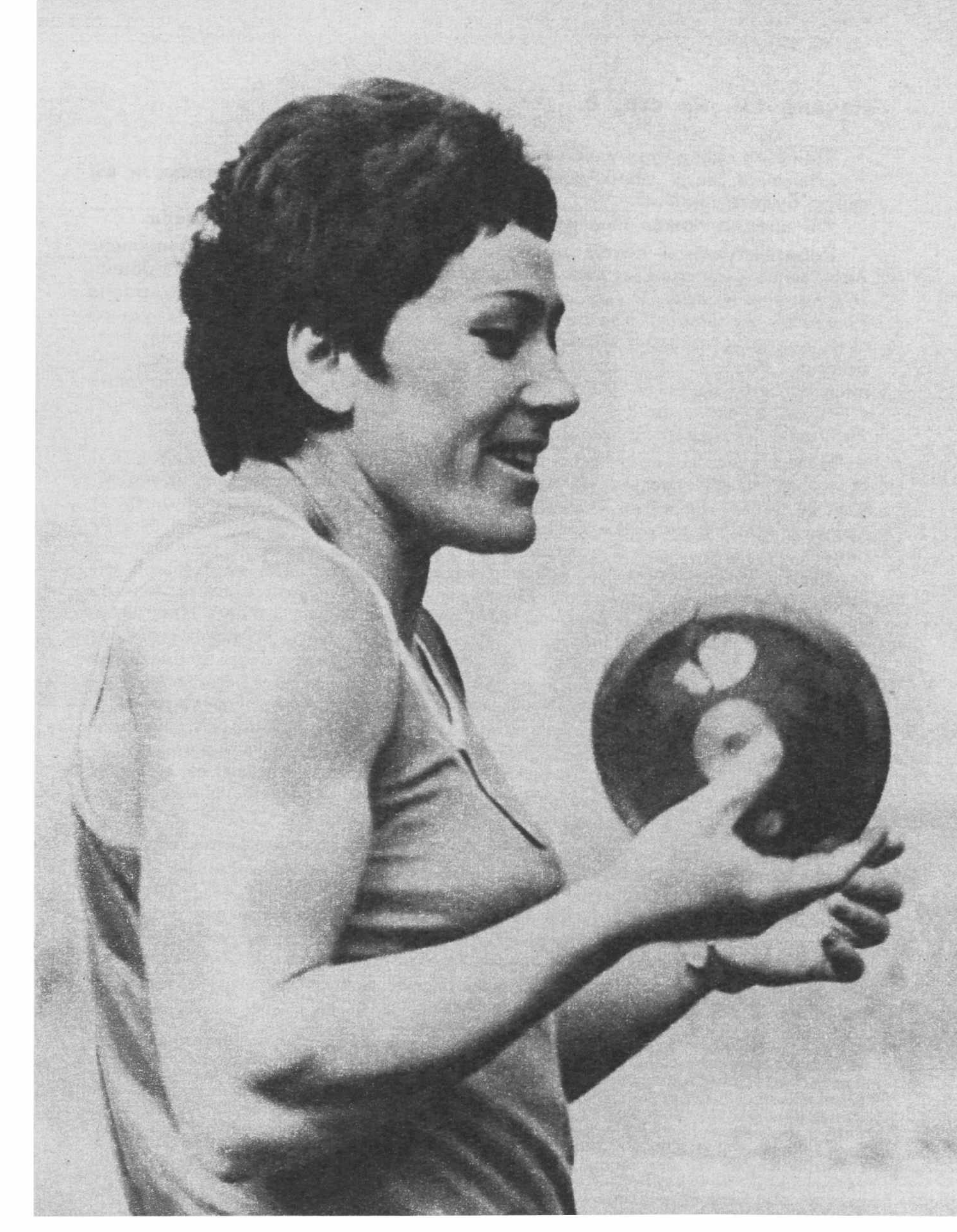
На черной раме окна загорелись блики отсветов площади Пушкина. Город зажег тысячи огней, в комнате стало светлее.

— Людям нужна красота, она очень нужна им в наш суровый век.

Я верю — молодежь найдет и покажет н о в у ю к р а с о т у нашего времени.

Бег ведет Р. Шарафетдинов.

Ф. Мельник.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ОЛИМПИЙ

Владимир РОДИЧЕНКО,
главный редактор журнала «Легкая атлетика»

Фото Р. Максимова и Б. Светланова.

38 комплектов медалей станут достоянием легкоатлетов на XX Олимпийских играх. Это почти одна пятая часть всего наградного фонда. Да, легкая атлетика зовется «королевой спорта» отнюдь не по прихоти ее поклонников. Попробуем же представить себе сегодняшнюю легкую атлетику, оценить результаты, показанные спортсменами всего мира.

Конечно, полтора предолимпийских месяца многое изменят в расстановке сил: искусство спортивной подготовки ныне изощрено до такой степени, что пик спортивной формы может быть точно приурочен к самым ответственным соревнованиям сезона. Но не редкость и исключения — результат ошибок планирования. И тогда высшая спортивная форма придет к атлету либо до Олимпиады, либо после.

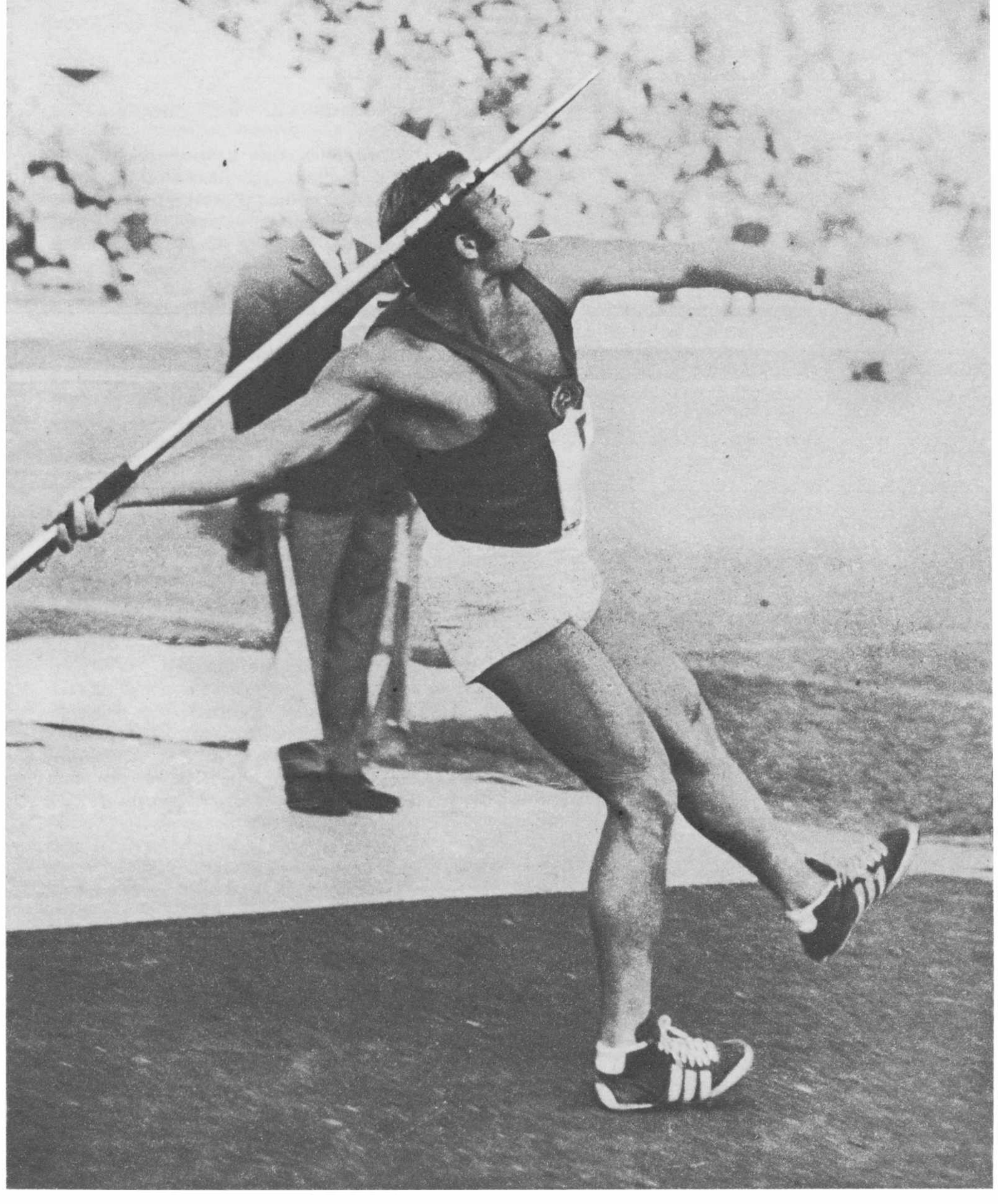
Короче говоря, успех спортсмена на Олимпиаде — сочетание ряда стратегических и тактических факторов, которые не всегда можно учесть, а тем более в обзорной статье. И все же попробуем вглядеться в каждый из 38 олимпийских видов легкой атлетики.

* * *

«Ныне самый быстрый человек в мире — уже не в Эбилейне, Талахассе, Окленде или Сан-Хосе. Сейчас он живет в Киеве, и ему, по всей видимости, удастся преградить американцам путь к медалям». Эти слова о Валерии Борзове написал известный американский журналист Р. Бэнк. Но тем не менее Борзов внимательно следит за результатами американских спринтеров. И для этого есть серьезные основания: семь американских бегунов уже показали, как и Валерий, результат на уровне 10,0 секунды. К ним нужно добавить грека В. Папагеоргопулоса, итальянца П. Меннеа и кубинца Э. Рамиреса. На XX Олимпийских играх судьбу медалей решат сотые доли секунды, а может быть, даже расшифровка фотографии финиша. Справедливости ради нужно только сказать, что у большинства сильнейших бегунов мира Борзов выигрывал. Что же касается эстафеты 4 × 100 метров, то здесь с командой США кому-либо спорить будет нелегко.

На 200-метровой дистанции сильнейшим спортсменом прошлого года был признан победитель Панамериканских игр Дон Кворри из Ямайки, повторивший мировой рекорд 19,8 секунды. Ныне лидирует американец Л. Блэк, уступающий мировому рекорду лишь две десятых. Лучшее время Борзова — рекорд Европы — 20,2 секунды.

Да и в беге на 400 метров своих прежних позиций американцы уступать не намерены. И высокие

Я. Лусис.

Н. Чижова.

СТРОК
СКОЙ ПРОГРАММЫ

результаты американских четырехсотметровиков — почти верная гарантия успеха в эстафете 4 × 400 метров. Списки сильнейших бегунов мира в этом году возглавляют 7 американских спортсменов. Ныне вновь обрел форму олимпийский чемпион и рекордсмен мира Ли Эванс. Один из главных фаворитов — Джон Смит, лучшее время которого, показанное в прошлом году,— 44,2. Лишь две десятых секунды уступает ему Уэйн Колетт. Европейские бегуны по своим результатам заметно отстают, но настроены по-боевому, особенно англичанин Д. Дженкинс — чемпион Европы и итальянец М. Фьясконаро.

«Аржанов и другие»— так в последнее время называют дистанцию 800 метров. Для такой оценки есть все основания: Евгений за последние годы не проиграл ни одного ответственного старта. Широкий диапазон скоростей и тактическая мудрость позволяли ему справляться с соперниками любой силы. Его возможные конкуренты — лидер нынешнего сезона Д. Фромм из ГДР, американец М. Уинцендрид, кениец Т. Саиси. Успешного выступления мы ждем и от Ивана Иванова. Он же возглавил и лучших бегунов мира на 1 500 метров. Но у него сильные соперники, среди которых англичанин П. Стюарт, олимпийский чемпион Кейно, чемпион Европы итальянец Арезе и вновь вернувшийся на дорожку рекордсмен мира американец Райан.

Длинные дистанции после некоторого перерыва вновь стали украшением чемпионатов. Европейцы собираются вернуть себе утраченные мировые рекорды. Но рекордсмен Европы англичанин Бедфорд, чемпион Европы финн Вяятяйнен, Хаазе из ГДР, Путтеманс из Бельгии и наш Рашид Шарафетдинов будут вести борьбу не только между собой, но и с Кейно — если он выберет бег на 5 000 метров — и с группой молодых американцев, лучший из которых, Стив Префонтейн, по своим результатам вплотную подошел к лидерам мировой легкой атлетики.

Олимпийский чемпион в марафонском беге Мамо Волде из Эфиопии намерен отстаивать свой титул. Но это будет трудно, поскольку за последние четыре года вырос ряд бегунов, обладающих высокой скоростью. И первым из них надо назвать американца Шортера, а также чемпиона Европы бельгийца Лисмона.

Традиция Олимпийских игр — гегемония США в барьерном беге на 110 метров, а в прошлом году к бегунам США вернулся и мировой рекорд, добрый десяток лет гостивший в Европе: молодой негритянский бегун Родней Милберн показал 13,0 секунды, не проиграв ни одного из своих 28 стартов. Но уже начало нынешнего сезона заставило специалистов призадуматься: француз Ги Дрю победил олимпийского чемпиона В. Давенпорта из США с отличным достижением — 13,3 секунды. Такой же высокий результат молодой француз показал еще несколько раз.

Более длинная барьерная дистанция — 400 метров — дает и большую пищу для размышлений: олимпийский чемпион англичанин Д. Хемери пропустил практически два сезона, считая, что именно такая стратегия приведет его к успеху. Другой путь — частые старты — избрали два его основных конкурента: чемпион Европы француз Наллэ и американец Манн. Но нынешний сезон активней всех начали кениец Коскей, вплотную за ним Манн и другой американец, Коллинз. Европейских бегунов возглавляет наш Евгений Гавриленко.

К. Шапка.

Единственный представитель «зеленого континента»— Австралии,— входящий в число фаворитов,— Керри О'Брайен в начале прошлого года показал в беге на 3 000 метров с препятствиями высокий результат — 8 минут 24 секунды, который не удалось превзойти никому. Но олимпийский сезон успешнее других начали швед А. Гердеруд и поляк К. Маранда, а большинство лучших бегунов мира, в том числе и наши, еще не раскрыли своих карт.

После полосы неудач советские мастера спортивной ходьбы вернули себе лидирующие позиции на обеих олимпийских дистанциях — 20 и 50 километров. Но наши постоянные соперники из ГДР в нынешнем сезоне показали свою силу. 19-летний Карл-Хайнц Штадтмюллер превысил мировые рекорды, правда, на неклассических дистанциях — в двухчасовой ходьбе и на 30 километров. Не отстают от него и сильнейшие скороходы мира — Хёне и Зельцер, Рейман и Френкель, а также Каненберг из ФРГ. Именно с ними, видимо, и развернется борьба у наших чемпионов Европы Николая Смаги и Вениамина Солдатенко, двукратного олимпийского чемпиона Владимира Голубничего и других скороходов.

Прыжки в высоту проходят теперь как увлекательный спор представителей двух способов: классического «перекидного», доведенного до совершенства В. Брумелем под руководством профессора В. М. Дьячкова, и утвердившегося лишь на прошлой Олимпиаде «фосбери-флоппа», названного по имени его автора — олимпийского чемпиона. Американец Патрик Матцдорф прыжком на 2 метра 29 сантиметров, выполненным в манере, немного отличающейся от брумелевской, перекрыл его мировой рекорд. «Перекидным» прыгают и победитель Спартакиады народов СССР Рустам Ахметов — 2,23, и американец Р. Браун, показавший зимой тот же результат, и наш Юрий Тармак — 2,22. На другом полюсе — «флопперы»: два чемпиона Европы — «летний» наш Кестутис Шапка (2,24) и «зимний» — Иштван Майор из Венгрии (2,24). Свое звание олимпийского чемпиона хочет защищать и автор «флоппа» Ричард Фосбери.

«Фибергласовый взрыв» в прыжках с шестом уже вошел в историю, и теперь идет борьба за каждый сантиметр. Мировой рекорд несколько раз улучшался шведом Челлем Исаксоном: сначала он совершил прыжок на 5 метров 51 сантиметр, затем прибавил еще 3 сантиметра. Но следующий рекорд швед разделил с олимпийским чемпионом американцем Бобом Сигреном — 5 метров 59 сантиметров. В течение многих лет не знал поражений трехкратный чемпион Европы Вольфганг Нордвиг из ГДР, большую силу представляют швед Лагерквист, итальянец Диониси, француз Траканелли, грек Папаниколау. Близки к ним наши Юрий Исаков и Евгений Тананика.

Трудно предполагать, что кто-либо в состоянии приблизиться к мировому рекорду в прыжке в длину — 8 метров 90 сантиметров. Сам мировой рекордсмен, олимпийский чемпион Роберт Бимон, пожалуй, тоже на это не надеется и прекратил тренировки. Но готовится другой американский прыгун — Ральф Бостон, после победы которого на Олимпиаде прошло двенадцать лет. К своей пятой Олимпиаде готовится и рекордсмен Европы Игорь Тер-Ованесян. Оживление в стане ветеранов — признак того, что в этом виде легкой атлетики не появились молодые звезды мировой величины. И все же нужно назвать сильных американцев — Хайнса, Робинсона, Ри. Европейцы реже прыгают за черту 8 метров. Но нельзя сбрасывать со счетов француза Пани, поляка Цибульского и двух чемпионов Европы: «летнего»— М. Клаусса из ГДР и «зимнего»— Х. Баумгартнера из ФРГ.

Соревнования в тройном прыжке в послеолимпийские годы отличались острейшей конкуренцией на самом высшем уровне. Год назад мировой рекорд был превышен 18-летним кубинцем Педро Перес-Дуэнасом: прыжком на 17 метров 40 сантиметров он перекрыл на один сантиметр достижение олимпийского чемпиона Виктора Санеева. Сам Виктор хотя и достиг в прошлом году 17 метров 29 сантиметров, но проиграл чемпионат Европы талантливому Иоргу Дремелю из ГДР.

Заочный матч ГДР — США проходил в прошлом году в толкании ядра: атлеты из ГДР рекордсмен Европы Ротенбург и чемпион Европы Бризеник возглавили список лучших спортсменов мира, оставив на третьем и четвертом местах рекордсмена мира Матсона и Фёйербаха. Но уже нынешней весной начался новый этап «матча»: американцы Фёйербах и Вудс лидируют, их преследуют Ротенбург и Гис, а затем идут Матсон и Бризеник. Вся шестерка посылает ядро за 21 метр. И все же советую не забывать о новом рекордсмене СССР Александре Барышникове.

После того как четырехкратный олимпийский чемпион в метании диска Ал Ортер заявил, что больше не выйдет на старт, безусловным лидером стал рекордсмен мира Дж. Сильвестр из США, метнувший диск (правда, на неофициальных соревнованиях) за 70 метров. Далекие броски имеет и рекордсмен Европы швед Брух, но неуравновешенный характер снижает его шансы на олимпийскую победу. Ветеран чехословацкой легкой атлетики Данек, ставший в прошлом году чемпионом Европы, не собирается складывать оружия, так же как и Л. Мильде из ГДР.

Атлеты трех стран ведут борьбу за обладание мировым рекордом в метании молота. Во-первых, это сильная группа метателей из СССР — рекордсмен страны Иосиф Гамский, экс-рекордсмен мира Анатолий Бондарчук, Василий Хмелевский и победитель токийской Олимпиады Ромуальд Клим. Во-вторых, это группа метателей из ФРГ: рекордсмен мира В. Шмидт, чемпион Европы У. Бейер. В-третьих, метатели ГДР, сильнейший из которых — И. Заксе. Все эти спортсмены ведут «прицельную стрельбу» в районе 73—76 метров.

В метании копья уже много лет не знает поражений четырехкратный чемпион Европы олимпийский чемпион Янис Лусис, единственный из всех копьеметателей мира совершающий стабильные броски возле 90-метровой черты. Других столь явных фаворитов назвать трудно.

После ухода в профессионалы олимпийского чемпиона по десятиборью У. Тумея (США) в этом виде легкой атлетики не стало ярко выраженного лидера. Лучший результат в прошлом сезоне имел десятиборец из ФРГ Бендлин, а чемпионом Европы стал Кирст из ГДР. Сильнейшие некогда десятиборцы США находятся во втором эшелоне, а в олимпийском году лидирует наш Николай Авилов.

«Эпоха Ренаты Штехер»— так можно назвать период между XIX и XX Олимпийскими играми в женском спринте. На протяжении

трех последних лет спортсменка из ГДР трижды повторяла мировой рекорд на 100 метров — 11 секунд, стала чемпионкой Европы на двух дистанциях. Кто же еще имеет шансы на олимпийские награды? Представители почти всех континентов: победительница Панамериканских игр Айрис Дэвис из США, австралийка Рилен Бойл, рекордсменка Африки Алис Аннум из Ганы, Штрофаль из ГДР. А в беге на 200 метров к ним присоединится и победительница Олимпийских игр в Мехико на этой дистанции Ирена Шевиньская из Польши. В эстафете 4 × 100 метров большие шансы, бесспорно, у спортсменок ФРГ и ГДР, а также у команды США.

В беге на 400 метров появилась новая звезда — 19-летняя Моника Церт из ГДР, установившая новый рекорд Европы — 51,1 секунды. В последнее время вновь заставила говорить о себе американка Кэти Хеммонд. Высокий результат имеет и Р. Вильден из ФРГ. Впервые включена в программу Олимпийских игр эстафета 4 × 400 метров для женских команд. Здесь наиболее сильны сборная ГДР, установившая в прошлом году мировой рекорд, и команда США.

Когда разговор идет о женской легкой атлетике, нельзя обойтись без такого понятия, как «мода». Какие же виды легкой атлетики были модны в прошлом сезоне? На мой взгляд, их три: бег на 800 метров, прыжки в высоту и метание диска.

Бег на 800 метров привлекает прежде всего высоким уровнем конкуренции. В Европе можно назвать четырех спортсменок, имеющих наибольшие шансы на победу: чемпионка Европы Вера Николич из Югославии, ее лучший результат — две минуты ровно; Хильдегард Фальк из ФРГ, установившая год назад мировой рекорд 1 минута 58,5 секунды; Гунхильд Хофмайстер из ГДР, проигрывающая Николич менее секунды; и румынка Иляна Силаи, показавшая недавно выдающийся результат 2 минуты 0,2 секунды. Надо предполагать, что в борьбу с этими спортсменками вступят вернувшиеся после перерыва на дорожку олимпийская чемпионка из США Мадлейн Джексон-Мэнинг, уже в первых забегах нынешнего года показавшая результаты мирового класса, и экс-рекордсменка мира австралийка Джуди Поллок.

«Олимпийский новичок» — бег на 1 500 метров для женщин — будет одним из наиболее интересных номеров олимпийской программы. Кого можно назвать в числе фаворитов? Прежде всего это рекордсменка мира Карин Бурнеляйт и Г. Хофмайстер из ГДР. Второй результат в мире имеет «зимняя» чемпионка Европы Тамара Пангелова, которая в последние годы одержала победу над всеми сильнейшими спортсменками мира, в том числе и над Бурнеляйт. Олимпийский сезон успешнее других начала итальянка Паола Пиньи, не сдается и экс-рекордсменка мира Ярослава Егличкова из Чехословакии.

Барьерный бег на 100 метров — также новый вид в олимпийской программе. Правда, он пришел на смену классической дистанции 80 метров. Здесь безусловный фаворит, несмотря на свои 32 года, — спортсменка из ГДР Карин Бальцер, победительница Олимпиады в Токио. В прошлом году она практически не проиграла ни одного забега и в лучшем из них установила мировой рекорд — 12,6 секунды. Но в олимпийском году этот рекорд превысила ее подруга по команде Аннели Эрхардт — 12,5. Отличные результаты у румынки Валерии Буфану и Терезы Сукневич из Польши. Под прицелом нужно держать и финалистку Олимпиады в Мехико П. Джонсон из США и вернувшуюся на дорожку П. Килборн из Австралии.

В прыжках в высоту, как и у мужчин, идет состязание между двумя стилями и, так же, как у мужчин, лидируют пока представители «перекидного». Их возглавляет новая рекордсменка мира Илона Гузенбауэр из Австрии — 1 метр 92 сантиметра. У нашей Антонины Лазаревой 1 метр 88 сантиметров. Выдающийся результат 1 метр 90 сантиметров показала Р. Шмидт из ГДР. Среди представительниц способа «фосбери» высокие результаты имеют К. Попеску из Румынии — 1 метр 87 сантиметров, канадка Д. Брилл, у которой на один сантиметр меньше, и новичок нашей сборной Галина Филатова.

В прыжке в длину бесспорно преимущество европейских спортсменок. Рекордсменка мира (6 метров 84 сантиметра) — Розендаль из ФРГ в последнее время совмещает прыжок в длину с пятиборьем, в котором она стала чемпионкой Европы. Наилучший результат в прошлом сезоне имеет спортсменка из ГДР М. Хербст — 6 метров 81 сантиметр. Нынешней зимой в число лидеров вошла также новая чемпионка Европы в закрытом помещении Б. Рёзен из ФРГ.

В толкании ядра спорят спортсменки СССР и ГДР. Бесспорный лидер межолимпийского цикла рекордсменка мира Надежда Чижова начала сезон новым мировым рекордом — 20 метров 63 сантиметра. Спортсменка номер два — олимпийская чемпионка Маргита Гуммель из ГДР, ее лучший результат в прошлом году был на 60 сантиметров меньше. Разрыв немалый.

В том, что метание диска у женщин стало «модным», прежде всего заслуга рекордсменки мира Фаины Мельник. Дважды в прошлом сезоне улучшала она мировые рекорды и дважды в нынешнем.

Начиная с 1964 года сильнейшие спортсменки мира пытались побить мировой рекорд в метании копья, установленный на Олимпийских играх в Токио Еленой Горчаковой, — 62 метра 40 сантиметров. Ближе всех к этому результату в прошлом сезоне подошла Ева Грызецкая из Польши. И закономерно, что именно ей удалось уже в нынешнем сезоне улучшить рекорд. Ее копье пролетело 62 метра 70 сантиметров. Но в этот же день, часом позже, мировой рекорд превысила и Рут Фукс из ГДР — 65 метров 6 сантиметров!

Между двумя спортсменками в течение прошлого года велась напряженная борьба в пятиборье — рекордсменкой мира по прыжкам в длину Хейде Розендаль из ФРГ и проигравшей ей на чемпионате Европы буквально на последних метрах заключительного вида программы — бега на 200 метров рекордсменкой мира Бургхильдой Поллак из ГДР... Так перед встречей в Мюнхене звучат 38 строк олимпийской программы.

ПАМЯТИ МИХАИЛА КОЛЬЦОВА

28 июня общественность столицы собралась на Страстном бульваре, у дома № 11, где ранее находились Жургазобъединение и редакция журнала «Огонек».

На фронтоне дома была установлена и открыта мемориальная доска в память Михаила Ефимовича Кольцова, выдающегося советского журналиста и писателя, основателя и первого главного редактора журнала «Огонек».

На митинге выступили от Союза журналистов СССР — заместитель председателя Союза В. Чернышев, от редакции «Правды» — политический обозреватель газеты В. Маевский, от секретариата правления московского отделения Союза писателей СССР и редакции журнала «Огонек» — писатель Н. Кружков, писатель Е. Рябчиков, народный художник СССР Б. Ефимов.

Выступавшие с любовью и глубоким уважением говорили о Михаиле Кольцове, о его ярком таланте первоклассного мастера советского фельетона, очерка, репортажа, о его многогранной общественно-политической деятельности.

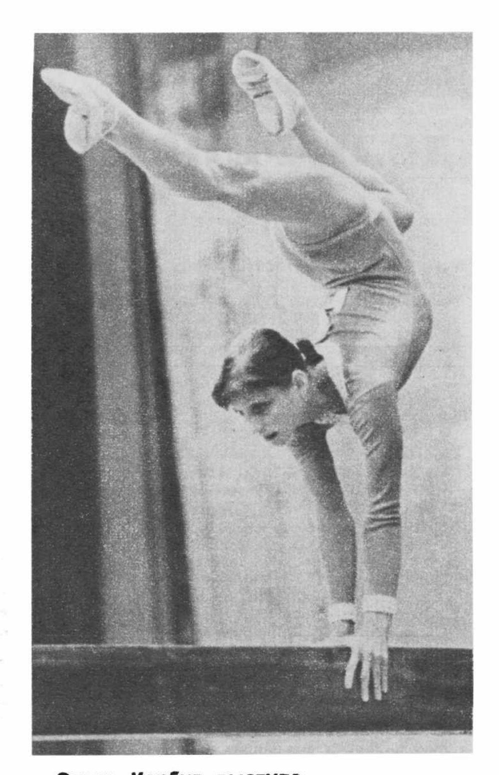
●

ПОЗДРАВЛЯЕМ ТЕБЯ, ОЛЯ!

На обложке 27-го номера «Огонька» и на страницах журнала были опубликованы фотографии наших лучших гимнасток и беседа со старшим тренером сборной команды Ларисой Латыниной. Трехкратная олимпийская чемпионка была снята вместе с самой молодой гимнасткой сборной Ольгой Корбут, и вот на следующий день после выхода номера 17-летняя Оля Корбут в борьбе с лучшими гимнастками страны — Людмилой Турищевой, Тамарой Лазакович, Любовью Бурдой, Эльвирой Саади и Антониной Кошель добилась выдающегося успеха — завоевала Кубок СССР.

До третьего дня соревнований лидером оставалась абсолютная чемпионка мира и Европы Людмила Турищева, но ее постигла неудача на бревне, и она должна была довольствоваться вторым местом. А Оля Корбут выступала исключительно ровно и удачно на всех снарядах и в вольных упражнениях закрепила свою победу.

Соревнования на Кубок СССР и первенство страны по отдельным снарядам показали, что наши гимнастки не теряют времени, готовясь к выступлению на мюнхенской Олимпиаде.

Ольга Корбут выступает на бревне.

Фото А. Бочинина.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Весной 1942 года полевая почта принесла во фронтовую газету, где я в ту пору работал, стихи артиллериста Юрия Яковлева. Без всяких скидок на солдатское звание автора, с чистым сердцем сдал я в набор его стихи — пусть не совсем зрелые, но искренние и взволнованные.

И сейчас, тридцать лет спустя, со столь же чистым сердцем пишу эти строки о пятидесятилетии известного советского писателя Юрия Яковлевича Яковлева.

Его справедливо называют писателем-фронтовиком. Но следует уточнить, что на фронт он пришел красноармейцем, а только уж по возвращении с фронта стал профессиональным литератором.

Его справедливо называют детским писателем, ибо большинство его книг выходит под рубрикой «Для детей и юношества». Но разве мало рассказов Яковлева достучалось до сердца взрослых читателей? Особенно те, которым уделяют свои столбцы «Правда», «Известия» и другие газеты. Кстати, не случайно многие рассказы писателя впервые приходят к читателям именно с газетных страниц — таков закономерный результат их актуальности и воспитательной значимости. Адресованные широкому читателю, некоторые рассказы Яковлева, например, «Мальчик с коньками», «Всадник, скачущий над городом», «Станция Мальчики» — впервые опубликованные в «Огоньке», выдержали много изданий.

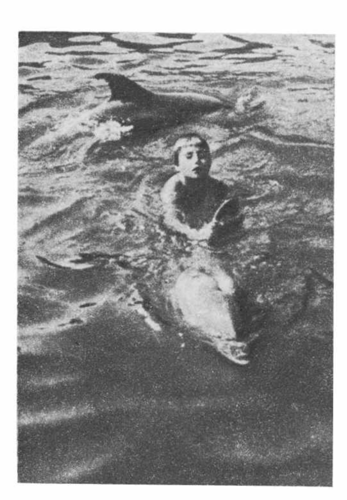
Много сил отдает в последнее время писатель драматургии. Пьесы и сценарии Яковлева сродни его прозе: они романтично и взволнованно рассказывают о наших юных современниках. Второй год на сцене Центрального детского театра с успехом идет «Салют», а как раз в эти дни Центральный театр Советской Армии показывает воинам дальних гарнизонов новую пьесу Яковлева «Каким его любят», которую москвичи увидят осенью. О незыблемой преемственности героических традиций нашего народа повествует поэтичный фильм «Зимородок», выпущенный на днях студией «Беларусьфильм».

И в рассказах, и в пьесах, и в стихах, к которым он иногда возвращается, Юрий Яковлев остается писателем-патриотом, литератором-коммунистом, любящим свою Родину и воспитывающим эту любовь в своих многочисленных читателях.

Цезарь СОЛОДАРЬ

●

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИНЫ

Этот снимок (на последней обложке) сделан мною на Крымском побережье, в пионерском лагере «Ласпи».

...Каждое утро девочка Васса с нетерпением ожидала новой встречи с дельфинами. Как только она оказывалась в воде, Бриз и Вега (так зовут дельфинов) подплывали к ней. Васса в знак приветствия поглаживала то одного, то другого. Потом начиналась забавная игра: девочка ловко забиралась на спину одного из дельфинов, затем прыгала в воду. Бриз и Вега устремлялись за ней. Игра становилась еще веселей, если на воде появлялся яркий мяч.

Когда Васса кормила дельфинов, поражала осторожность, с которой животные брали из рук девочки рыбу. Признаться, было немного страшновато смотреть, как в большую, зубастую пасть дельфина погружалась маленькая рука девочки. Но не было случая, чтобы на руке Вассы появилась хотя бы одна царапина.

Васса неохотно расставалась с друзьями. Бриз и Вега провожали ее до суши, совершая прощальные прыжки...

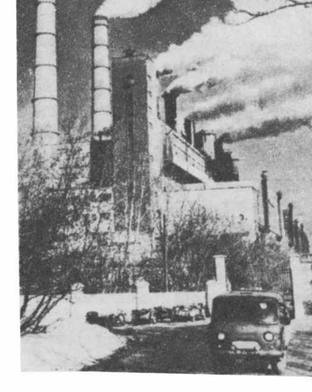
Девочка и дельфины!

Может быть, когда-нибудь создадут кинофильм с таким названием или напишут увлекательную книгу о дружбе детей и дельфинов...

Ольга ЖУКОВА

ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОДОК

Недавно я побывал там, где работал секретарем парткома с 1931 по 1937 год. И захотелось рассказать читателям «Огонька» о происшедших там изменениях.

Главный вход на СУГРЭС.

Мне трудно даже представить, что когда-то, в тридцатых годах, тут были лишь деревянные бараки, землянки и палатки. Добротные дома, развитая промышленность — вот что такое сегодня Среднеуральск. Впрочем, один барак сохранили для истории...

Среднеуральская ГРЭС — гордость не только уральской, но и, пожалуй, всей советской энергетики. Именно здесь, в Среднеуральске, была поставлена первая в стране паровая турбина отечественного производства мощностью 50 тысяч киловатт. Ныне этим никого, пожалуй, не удивишь... Говорят, что все познается в сравнении.

И вот я снова на Среднеуральской ГРЭС. От бараков, временных сооружений, конных дворов, деревянных тротуаров, от бездорожья не осталось и следа. Многоэтажные дома, широкие улицы, здание техникума и филиала индустриального института. Оснащенная новейшей аппаратурой больница, которую возглавляет энтузиаст, главный врач Владимир Евлампьевич Исаков. Родители его приехали на СУГРЭС в 1933 году, отец работал кочегаром котельного цеха.

Уютные детские сады и ясли с ласковыми названиями «Родничок», «Подснежник», средние школы, музыкальная школа! И что особенно приятно: вокруг фруктовые деревья.

Вот одна интересная цифра. За 37 лет были пущены турбины общей мощностью 473 тысячи киловатт. А с 1967 года по 1971-й вошли в строй три энергоблока, мощность которых составляет вместе 900 тысяч киловатт.

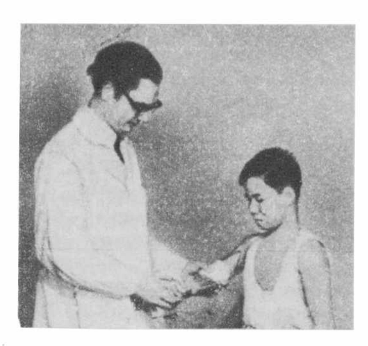
Еще в 1967 году был составлен пятилетний план социально - экономического развития электростанции. Давно уже ушли в прошлое такие профессии, как обдувщик, зольщик, грузчик. Правда, название «грузчик» сохранилось, но это, так сказать, по инерции. Стоит такой «грузчик» за пультом управления и нажимает на кнопки.

Когда мы говорим о СУГРЭС, нельзя не отметить одну особенность: здесь много рабочих династий. Вот, например, семья Ивана Евдокимовича Козлова. Старейший строитель, он работал здесь с 1931 года вместе с женой Аграфеной Николаевной. Жили большой семьей в землянке, перенесли трудности первых пятилеток, Отечественной войны. Сын и дочь — Владимир и Зинаида — получили среднее специальное образование и сейчас работают. Живут они в благоустроенных отдельных квартирах.

На ГРЭС выросли сотни инженеров и техников, работающих сейчас не только в Среднеуральске, но и в других городах нашей страны. Сейчас станция ищет резервы для досрочного выполнения заданий девятой пятилетки.

К. ХМЕЛЕВСКИЙ

И СНОВА В СТРОЮ

В клинике Ленинградского научно - исследовательского института протезирования проходил лечение юный герой из Вьетнама — пятнадцатилетний Во Хыонг. Он не раз участвовал в боях с войсками сайгонского марионеточного режима. За смелость и героизм он был награжден высшим орденом Демократической Республики Вьетнам, удостоен звания «Отважный боец высшей степени».

В боях юный патриот уже был однажды тяжело ранен. Поправившись, он вновь взялся за оружие. И тут солдатское счастье ему изменило. Отряд народных мстителей попал под сильный пулеметный огонь. Бойцы залегли, не выполнив задания.

— Вперед, за мной! — закричал Во Хыонг и ринулся в атаку, увлекая за собой бойцов.

Но противник открыл бешеный огонь из минометов. Мина взорвалась недалеко от Во Хыонга, и он упал, тяжело раненный.

...В Советский Союз Во Хыонг приехал в составе молодежной делегации. В Москве ему сделали несколько повторных операций, а потом отправили в Ленинградский научно - исследовательский институт протезирования. Здесь у него оказалось много друзей. В палату к юному вьетнамскому патриоту приходили ленинградские школьники, представители рабочей молодежи, студенты-вьетнамцы, обучающиеся в вузах Ленинграда.

Советские врачи и дружба советских людей помогли Во Хыонгу поправить здоровье.

В. КУРГАНОВ

КРОССВОРД

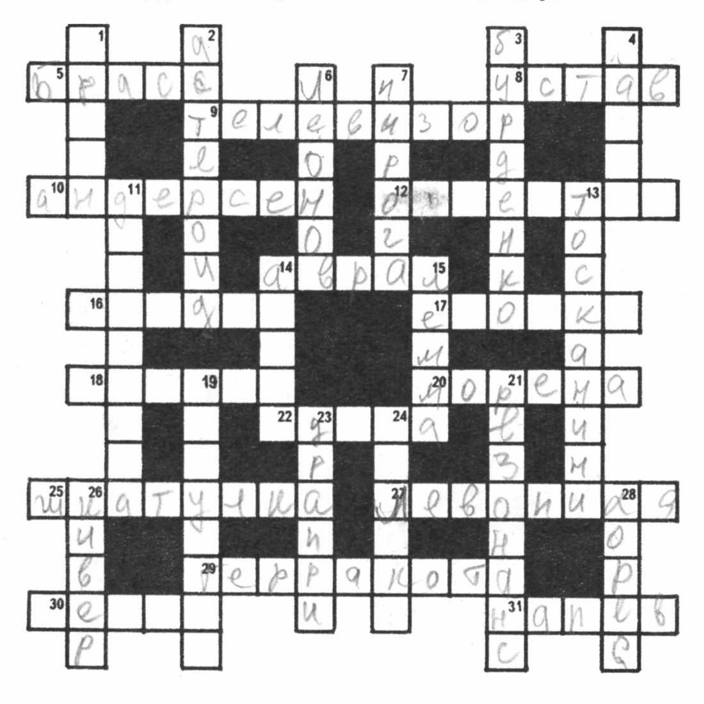
По горизонтали: 5. Стиль плавания. 8. Свод правил. 9. Радиотехническое устройство. 10. Датский писатель, сказочник. 12. Оптическая система из нескольких линз. 14. Работа на корабле всей команды. 16. Приток Аракса. 17. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 18. Приспособление для установки аппаратов. 20. Обломки горных пород, отложенные ледником. 22. Река в Якутии. 25. Коробка для хранения мелких вещей. 27. Белорусская народная массовая песня и танец. 29. Керамическое изделие. 30. Наиболее яркая звезда в созвездии Северной Короны. 31. Мелодия, мотив.

По вертикали: 1. Духовой клавишный инструмент. 2. Малая планета. 3. Советский хирург. 4. Опера З. П. Палиашвили. 6. Советский писатель. 7. Лодка у индейцев. 11. Часть педагогики. 13. Итальянский дирижер. 14. Залив Охотского моря. 15. Вспомогательная теорема. 19. Птица отряда куликов. 21. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 23. Занавеси со складками. 24. Советский композитор. 26. Старинный военный головной убор. 28. Стихотворный размер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Амперметр. 8. Низами. 9. Рапорт. 10. Холм. 12. Станкевич. 15. Лупа. 17. Снеток. 18. Ригель. 19. Незабудка. 20. Индига. 22. Оксана. 24. Рейд. 25. Тускарора. 28. Утка. 29. Аккорд. 31. Лобзик. 33. Артемовск.

По вертикали: 1. Лаба. 2. Оптика. 3. Неврев. 4. Драп. 6. Висмут. 7. «Пролог». 11. Основание. 12. Секундант. 13. Коробочка. 14. Чернавода. 16. Полковник. 21. Индекс. 23. «Стучит!» 26. Судеты. 27. Орлова. 30. Опал. 32. Баку.

На первой странице обложки: На Волге. Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Весело, когда играешь на волнах с дельфинами. Фото О. Жуковой.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

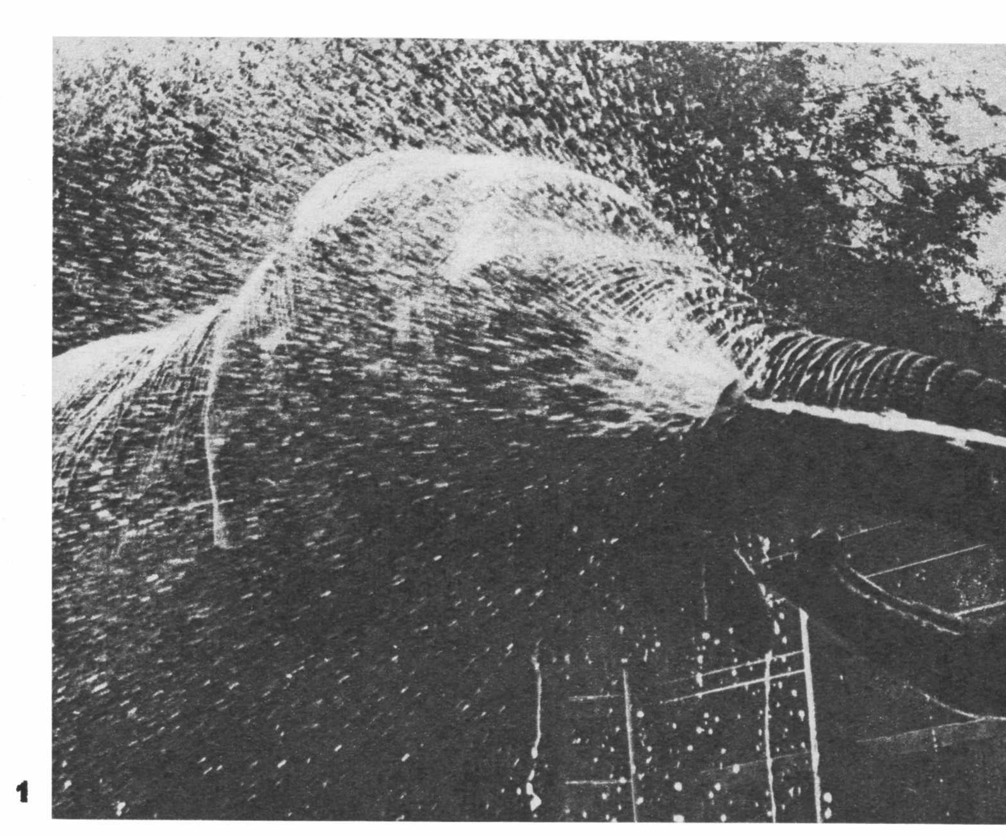
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/VI-72 г. А 00704. Подп. к печ. 4/VII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 125 000 экз. Изд. № 1382. Заказ № 3107.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

1

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Для посетителей столичного зоопарка — а их за год бывает более трех миллионов — доброе утро у входных касс начинается ежедневно в 9 часов. Для сотрудников парка у служебных ворот — часа на два раньше, а для наших многочисленных обитателей — с рассветом.

У питомцев зоопарка свой распорядок дня, свои утренние заботы, свои порядки и жизненные ритмы. Посетители зоопарка многого не замечают. Они не видят, как совершаются здешние обряды, как ведут себя по ранним утрам птицы и звери, пока зоопарк еще на замке.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка
Фото А. БОЧИНИНА.

1

Около десяти лет назад в одной из областей острова Цейлон появился свирепый слон-отшельник. Он врывался в селения местных жителей и громил все без разбора. Паника охватила целые районы, люди покидали обжитые места. Против буяна организовали карательную экспедицию. Выследили его и убили. Но когда приблизились к нему, в траве что-то заколыхалось, зашевелилось и запищало. Это был маленький слоненок. Оказывается, охотники ошиблись и вместо слона-разбойника убили слониху, которая только что родила детеныша. Слоненка поймали, несколько месяцев он жил в городе Коломбо, а потом цейлонские друзья подарили его москвичам. Теперь слоненок вырос. Любит он по утрам принимать душ. Купается долго, охотно подставляет под струи воды бока, ноги, голову, хобот, сопит при этом и, наверное, вспоминает тропические ливни своей далекой родины.

2

Леопарды считаются обитателями тропических лесов, джунглей, но есть эти дикие кошки и в пределах нашей страны. Живут они на Кавказе, в Туркмении, в горах Узбекистана и Таджикистана, в лесах Дальнего Востока. Но редкими стали эти кошки, давно они преследуются человеком, были почти совсем истреблены и теперь охраняются законом. Месяца полтора назад одного дальневосточного леопарда удалось отловить специально для нашего зоопарка. Это редкий экспонат. Пока он еще не освоился и утро встречает грозным рычанием. Но ничего, со временем привыкнет. Хороший уход, ласковое отношение, достаток корма покорят его, скоро он станет «улыбаться» по утрам.

3

В нашем зоопарке обитает титулованная особа Барон. Как и подобает баронам, он от безделья частенько похрапывает на своей железобетонной тахте. По утрам не спешит заняться туалетом: нечего ему смывать. Большую часть времени он проводит в воде, а вылезет на берег — и блестит его голая кожа, будто коричневым гуталином начищена.

Барон — морж, житель Заполярья. Удивительно гибкий организм у него. В течение года он переносит у нас колебания температуры от +30 до —30. Попробуйте так приспособиться, да еще без всякой одежки. Секрет в том, что под толстой кожей у Барона есть жировая шуба, она-то и оберегает его организм от перегревания летом, от переохлаждения зимой. Нам бы такую, но для этого нужно каждый день, как Барон, съедать не менее 20 килограммов рыбы.

4

Молодые белые медведи находятся у нас без малого четыре года и, как видите, неплохо себя чувст-

вуют. В самом раннем возрасте их отловили на острове Врангеля, когда они еще неотступно ковыляли по снежным сугробам за своей мамашей-медведицей. Стреляли в нее из ружья, правда, специального: оно заряжается не пулями, не картечью, а шприцем, содержащим обездвиживающие вещества. При выстреле игла шприца прокалывает толстую кожу зверя, в кровь попадает препарат, медведица быстро лишается свободы движения и не может сопротивляться. Вот в это время у нее и забрали потомство.

5

На искусственных каменных горках зоопарка живут гривистые бараны из Северной Африки. Каждый год с наступлением весны среди взрослых появляются малыши. Едва взглянув на мир окружающий, едва обсохнув после появления на свет, они уже способны подняться, опереться на свои ножки-ходульки. А дня через два-три после рождения эти крохи прыгают по камням, быстро бегают, и поймать их — целая проблема. Прыг-скок, как на пружинках, оттолкнутся от земли и скрылись вслед за своими родительницами. Догонят их и под ногами у них спрячутся, притаятся, если какую-либо опасность почуют.

6

Бесподобна утренняя гимнастика венценосных голубей. Пожалуй, это даже не гимнастика, это торжественный церемониал в честь восхода солнца, в память о далеком острове Новая Гвинея, где в лесах его северной части обитают эти пернатые красавцы в ажурных кружевных кокошниках пепельно-серого цвета. Голуби под венцом — самые крупные из всех голубей на земле. Вес их достигает двух килограммов. Вес курицы. Ну, разве поднимется рука, чтобы превратить это изумительное создание природы в цыпленка табака? Но поднимались руки, и в природе венценосные голуби стали немногочисленны. Стоимость их велика. Десяток голубей свободно можно обменять на слона.

7

Уже тридцать второй год подряд вот так встречает утро в зоопарке огромный бегемот, один из старейших наших жителей. Распахнет пасть-чемодан, и страшно становится, того и гляди проглотит. Но гиппопотам — чистый вегетарианец. До 40 килограммов в день съедает этот гигант из Африки всевозможных салатов, винегретов, овощных ассорти, и притом с хлебом — так сытнее.

В условиях Москвы бегемоты хорошо акклиматизируются, немало в зоопарке рождалось малышей, которые подрастали и уезжали из Москвы в другие города страны.

8

Зеленокрылый попугай ара, уроженец далекой Южной Америки, удивительный акробат. Он легко лазает по деревьям, ухитряется висеть вниз головой и при этом лакомиться семечками подсолнуха, ловко захватывая их круглым языком с ладони протянутой руки. Рано утром просыпается ара, охорашивается, отряхивается и ждет наших служащих. Как только заслышит шаги, начинает громко кричать: «Урра, урра, урра!» Вот это приветствие, вот это доброе утро — как на параде!

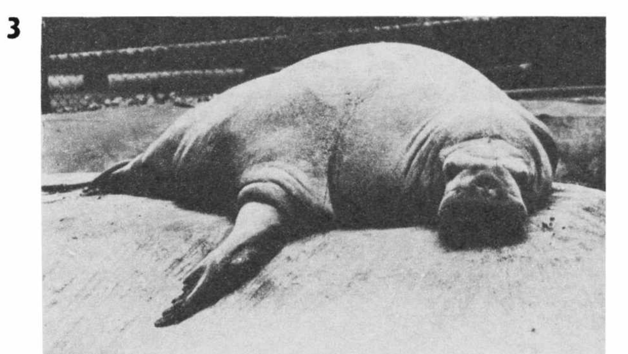
9

Шестнадцать лет назад в густых тропических лесах Новой Гвинеи ученые обнаружили диких собак. В зоопарки эти собаки впервые попали в конце 60-х годов. У нас они появились четыре года назад.

В мае 1970 года сотрудники Берлинского зоопарка ГДР подарили нам тройку редких и замечательных животных — новогвинейских динго. И вот радость — приплод! Щенята быстро подросли и за несколько месяцев догнали свою мамашу по росту. Веселые щенки: с утра до вечера возня, игры, беготня.

2

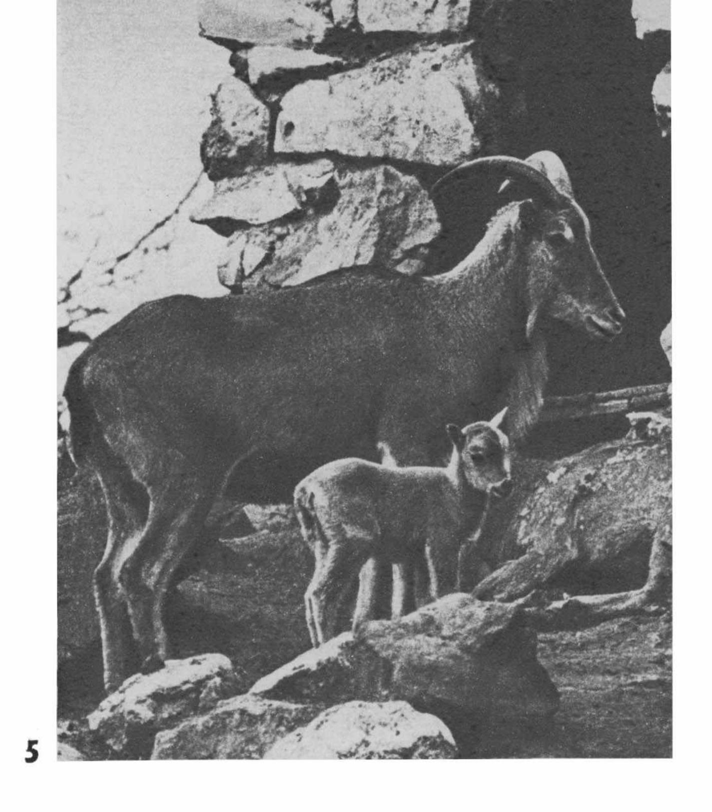
3

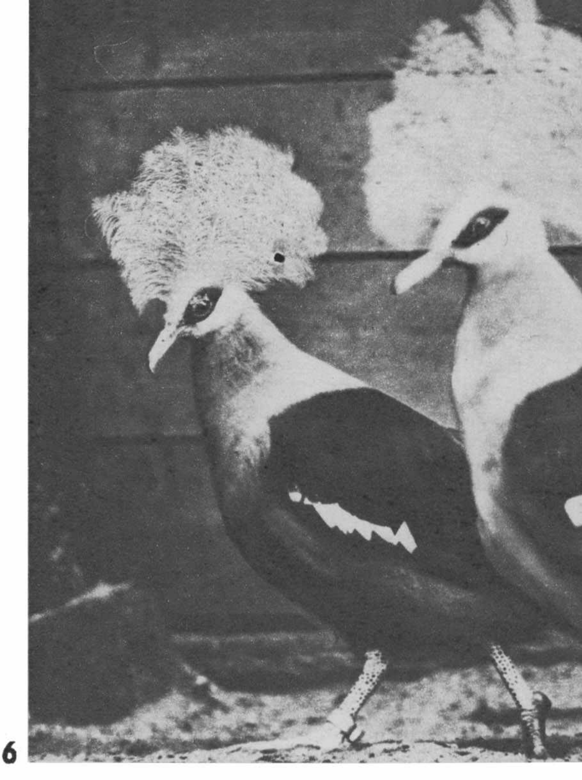
4

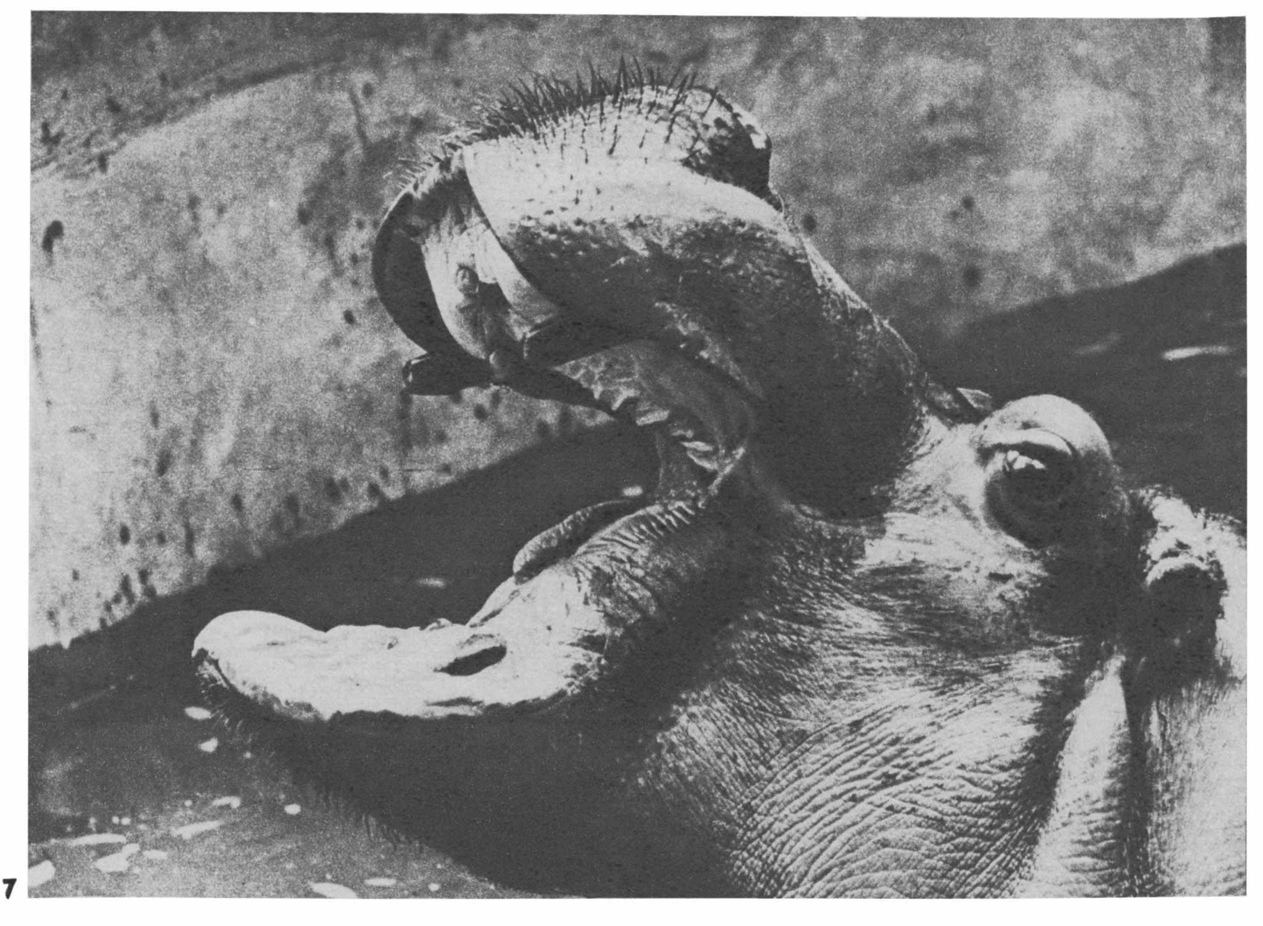

5

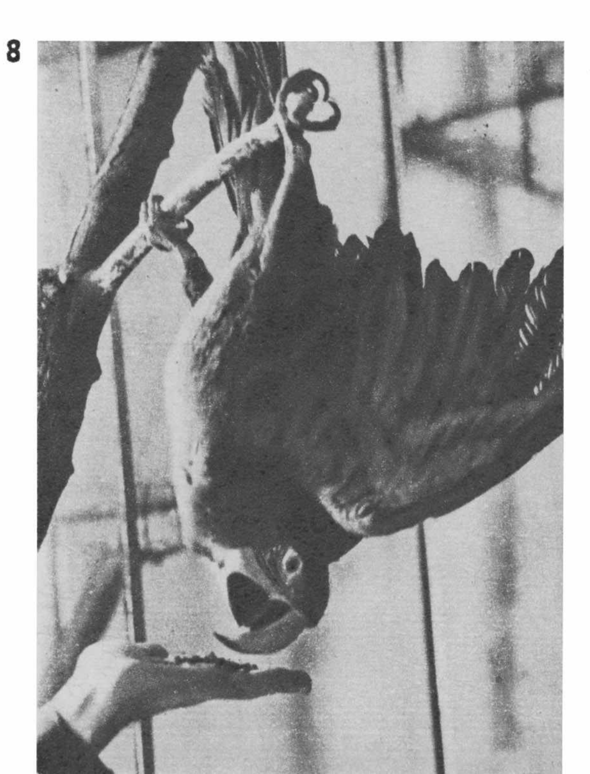

6

7

8

9

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663